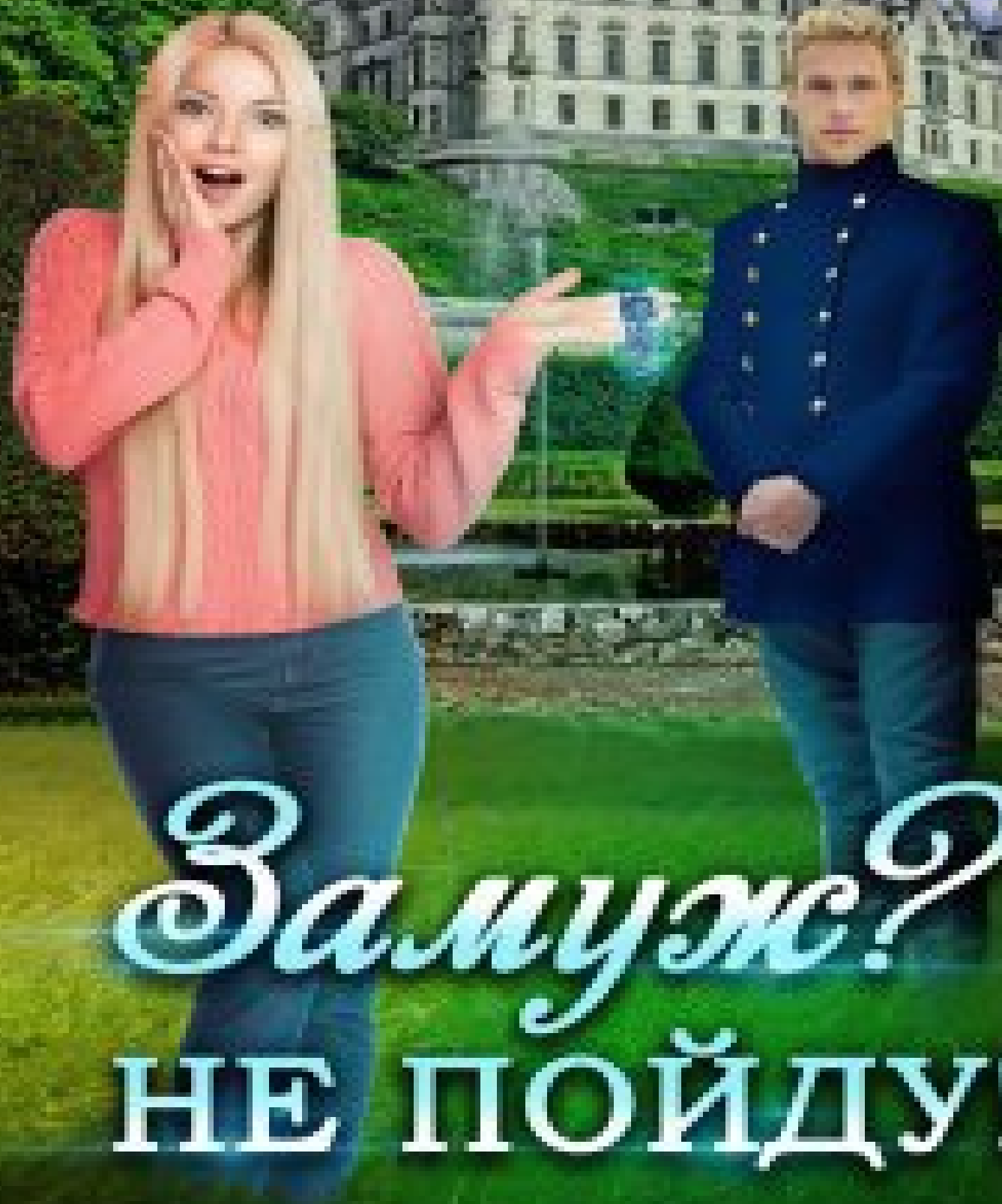

ЭНЖИ СОБРАН

Замуж?
НЕ ПОЙДУ!

От навязанной свадьбы открестилась, мысли в кучку собрала, в новый мир попала... А делать-то теперь что? Ну и что, что я тут родилась? Ну и что, что тут возможно моя семья. Я-то ничегошеньки не знаю. И никто не встречает меня хлебом-солью... Только падают всякие на голову и полукровкой обзывают. А некоторые вообще хватают и тащат. Куда летим? Куда несем? Непорядок!

Энжи Собран
Замуж? Не пойду!

Брести по снегу было тяжело. Ей вообще было тяжело ходить последние недели, а преодолевая сугробы и заносы просто невозможно. Ноги проваливались в них по колено, тяжелый живот тянул вниз, но она гордо выпрямляла спину и делала шаг. Без сил, на чистом упрямстве, не замечая холода, голода и боли.

— Терпи, — шептала себе, останавливаясь у очередного дерева, — подождите, — уже мягче просила она, поглаживая непослушный живот.

В ее детях было столько жизненной силы, что она просто не могла остановиться и сдаться. Позволить им умереть не родившись? Нет, никогда. Эльфийская принцесса Асгерис СКсайдемантл, жена третьего принца Маркона, не могла позволить единственным его наследникам умереть. Только вот кто бы узнал сейчас в этой оборванке, всеми любимую красавицу-принцессу?

Вздохнула, облокотившись на широкий ствол, вновь переводя дыхание. Погладила живот, мысленно уговаривая детей подождать. Еще немного, совсем чуть-чуть и она доберется до Зиры, а та непременно поможет ей.

Принцесса боялась садиться — знала, стоит ей упасть или присесть и она просто не встанет и тогда все будет кончено и для нее, и для Тейна, и для Маркона, и для ее детей. Детей, которых они ждали с таким нетерпением. Первенцы третьего сына, великого мага и эльфийки должны были стать непревзойденными магами, которым покровительствуют боги. Асгерис уже сейчас чувствовала их силу. А как иначе объяснить тот факт, что одинокая беременная женщина, выживала в этих холодных лесах Элишдриса напроць лишенных магии? Нет, будь это ее Великий лес, ей бы на помощь тут же пришли все его обитатели, а тут на помощь могли прийти только косоголи* и уготовить ей самый быстрый конец.

Ее мир разрушен. У нее нет дома, ей некуда идти, но она построит новый, ради своих детей.

Очередная схватка бросила ее к дереву, и она вцепилась в столб, чувствуя горячие потеки по ногам.

«Началось», — мелькнула в голове мысль, когда обессиленная болью принцесса упала на колени.

Воспоминание о муже, о приготовлениях к этому событию накрыли ее с головой, и непрошенные слезы появились на ее глазах. Схватка прошла, и в ожидании следующей, она стянула с себя теплый плащ. Расстелила его в снегу, сделав небольшую пещеру-ямку — так, если вдруг она потеряет сознание, младенцы будут согреты теплым плащом и снегом с одной стороны и ее телом с другой. Новая схватка заставила ее поторопиться - времени совсем не было. Ребенок был настойчив и рвался в этот свет, никого не спрашивая.

«Как же вы не вовремя, малыши».

И почему не родились пару недель назад во дворце, на руках у своего отца? Он бы так был вам рад. А теперь его нет в живых. Асгерис сразу поняла, когда Тейн умер. Почувствовала, как оборвалась ниточка, связавшая их судьбы. Если бы не малыши, она тоже бы умерла в тот же момент.

Новая схватка разорвала ее изнутри, вынуждая тужиться. Содрогнувшись от боли, принцесса не сразу ощутила, когда пришло облегчение. Схватки становились все сильнее и чаще, болезненные спазмы слились в один непрекращающийся поток боли, а где-то внизу

между ее ног рвал младенец родовые пути, прокладывая себе дорогу в этот мир.

И лишь, когда с последним толчком она ощутила небывалое облегчение, принцесса с трудом приподнялась на локтях, облокотилась спиной о дерево, и подняла маленький окровавленный комочек. Обтерла снегом слабое тельце, закутала в теплый плащ с головой, проверила ротик-нос и приложила к груди, боясь не услышать крик. Малыш же, открыв свои голубые глазки, тихонько и обреченно вздохнул, будто вся тяжесть мира упала на его плечи, а он принял ее, смиряясь с судьбой.

«Маленький», — заплакала принцесса, прижимая ребенка к себе.

Малыш смешно сморщил носик, и тут же протестующе захныкал.

Очередной приступ боли накрыл Асгерис с головой, и она отложила мальчика в приготовленную снежную выемку.

Вторые роды прошли быстрее, но принцесса вымоталась и очень устала. Ее сил хватило только на то, чтобы поднять комочек, положить себе на грудь, прикрывая подолом своего длинного платья, и потерять сознание, так и не услышав первого крика.

** косоголи — саблезубые медведи, длина тела 2–2,5 м, вес 400–450 кг.*

Глава 1

Изабелла Фетисова

Я вертелась перед зеркалом именитого брендового свадебного салона, рассматривая свое отражение и отыскивая недостатки, чтобы отвергнуть очередное принесенное продавцом платье из последней коллекции. Девушка уже давно не испытывала предвкушения от возможной премии, лишь раздражение мной как капризной и взбалмошной клиенткой, но все еще мастерски прятала свои чувства за голливудской улыбкой.

А я что? Я бы сама убралась отсюда куда подальше, но маменька и будущая свекровь лишили меня такой возможности. Недовольно поморщилась, разглядев выглянувший из-под длинных светлых волос острый кончик уха, и спрятала его за густыми прядями.

«Чертов эльфёнок», — ругнулась на себя, вспоминая данное мне в детстве прозвище.

Всю жизнь, сколько себя помнила, мечтала сделать операцию, благо пластическая хирургия уже давно достигла нужных высот, но операция стоила денег, а отец эти самые деньги давать не хотел, считая этот мой недостаток милым и очаровательным.

— Лучше, учись, Белочка, а мужчины любят не за красивые уши, — любил повторять мне папа, и в целом я была с ним согласна и даже смирилась, решив, что через пару лет буду в состоянии позволить себе такие расходы самостоятельно.

Только вот уши основная причина того, что я сейчас в этом салоне.

«И почему сейчас никто не соблюдает траур?» — воспоминание об отце вызвало непрошеные слезы на глазах. Я будто снова слышала его тихий голос, почувствовала тепло рук. Чтобы там ни говорили, но три недели — это слишком мало, чтобы смириться с собственной судьбой, особенно когда на тебя наваливается сразу все: и смерть отца, и злые слова матери-мачехи, и навязанный богатенький жених. Нет, Петенька в принципе неплохой мажористый мальчик. Мальчик, но не мужчина, за спиной которого я смогу спрятаться от невзгод. Тут еще кто за кем спрячется...

Сделав шаг, вышла, представ перед светлы очи родительниц. Пусть сами выбирают нужное им платье. Все равно этой свадьбы не будет — я найду, как выкарабкаться из этого болота, в котором сейчас тону.

— Ты думаешь, он оставил что-то тебе? — кричала мне неделю назад в лицо та,

которую я привыкла называть матерью. — Ты ничто! Пустое место! Он даже не удочерил тебя официально. Только и того, что заставил меня двадцать лет притворяться и изображать любящую мать на людях.

Она орала что-то еще, сыпала оскорблениями, а я безумно жалела мужчину ставшего мне отцом и радовалась тому, что он этого никогда не увидит и не узнает, какая она на самом деле — его любимая. Отец очень любил ее. Настолько, что ее отказ от моего удочерения был важен для него, и он не пошел напролом, заставляя и настаивая, а сделал все тихо и скрытно. Она еще не знает, но папа все оформил давно и в обход ей, и я официально его дочь, наследница наравне с ней. Только денег мне не видать еще пять месяцев. Да, и не нужны они мне. Пусть забирает все. Все равно самое ценное ей у меня не отнять. Дом, например. Старый заброшенный особняк, о котором я, надеюсь, она позабыла.

«Тогда, что ты делаешь тут?» — спросил разум, и я оглянулась, будто очнувшись от какого-то кошмарного сна, в который угодила после слов врача и приговора: «Мы ничего не смогли сделать».

Действительно, что я тут делаю? Какой из Петеньки муж? Какое слияние капиталов? Какое «ты будешь купаться в роскоши, как принцесса»? У меня есть образование и любимая работа. Мне не нужна эта женщина, возмнившая себя маменькой, пожертвовавшей собой ради меня, а мой брак достойной компенсацией за растраченные на меня годы. Ха! Что она там тратила? Поцелуй в щечку для видимости любви?

Сама не заметила, как спешно стянула тяжелое кружевное платье и, переступив через него, вошла в простую майку и привычные джинсы.

— Изабелла, ты куда? Мы же еще не выбрали платье! — взбесилась маменька.

«И кто называет девочку, рожденную в России, Изабеллой?», — поморщилась я, вспомнив, сколько дразнилок было по этому поводу у моих ровесников, пока я не смирилась с белочкой и эльфёнком.

«Ну, и чего ты плачешь, Белочка-эльфенок, радоваться нужно, что ты у меня такая сказочная и необычная принцесса», — всплыл воспоминанием голос отца.

— Свадьбы не будет, — оповестила я уже на выходе из салона, — так что нечего выбирать.

— Да я..., да я... тебя! — задохнулась возмущением мать, так и не договорив, что именно она меня.

Растерянная свекровь лишь молча хлопала глазами, кипя от негодования, как закипевший чайник - того и гляди засвистит. И я предпочла поскорее ретироваться. Мало ли что? Лучше быть подальше от возможного места взрыва.

— Убирайся из моего дома, — прилетело мне в спину материнское напутствие.

Усмехнулась, деланно. Как ожидаемо...

— Не бойсь! Я только вещи заберу и больше тебя не потревожу.

— Драгоценности не тронь! — можно подумать они там еще остались. — И машину оставь. Ты не имеешь на нее права! — бесилась женщина.

А я, не удержавшись, бросила в перекошенное злобой лицо зажатые в руке ключи:

— Оставляю! — рассмеялась я, чувствуя себя принцессой пожаловавшей безродной служанке плащ с королевского плеча.

Проследила взглядом, как падает к ногам этой недоматери чувствительный брелок, и моя машина отзывается громко орущей сигнализацией. Да, один этот ее взгляд полный крайнего негодования, оскорбленного в лучших порывах души человека, стоит сотни машин,

и мне ни капельки не жаль расставаться с отцовским подарком. Все равно скоро я все себе верну!

Поймав такси, добралась до дома и, не отпуская, попросила подождать. Влетев в свою комнату, подхватила еще неразобранную после возвращения из Лондона сумку (и почему я этого не сделала за месяц пребывания дома?), засунула то небольшое, что достала и выскочила из когда-то родного и теплого отцовского особняка.

— На вокзал, — скомандовала я.

Такси тронулось, оставляя за спиной дом полный воспоминаний. Дом, в который я больше никогда не вернусь, потому что вряд ли мне достанет сил переступить порог места, где я была любима, и где теперь нет ничего кроме холода и вечного напоминания о минувшем счастье.

Голова пульсировала, отзываясь острой болью. Что-то было не так. Эта резкая боль вспыхивала каждый раз, когда мысли возвращались к анализу. Виски раскалывались так, словно кто-то настойчиво сверлил в них дыры.

«Со мной что-то не так», — вернулась я размышлениям, преодолевая новый виток боли.

Да, я безумно любила отца, и его смерть меня непременно бы подкосила, но не настолько, чтобы я как зомбированная выходила замуж за Петеньку. И причем тут уши? Почему мысль об операции, на которую у меня уже есть больше половины суммы, стала решающей при выборе жениха?

— *Ты не думай, ты нам и так очень нравишься. Но Петеньки будет неловко, и мы уже договорились с лучшими пластическими хирургами. Ляжешь в клинику, а когда вы вместе вернетесь из медового месяца, тебя никто не узнает, — науськивала меня будущая свекровь, и я согласно кивала.*

Я? Это точно было со мной? Послушная я, казалась чем-то настолько нереальным, призрачным, что... Воспоминание кольнуло где-то в глубине, вызывая новый приступ режущей боли. Почему же думать так тяжело? Ладно, потом разберусь. А пока...

Нужно быстрее убраться из города, пока будущий свёкор не подключил тяжелую артиллерию и меня в наручниках и кандалах перевязанную вульгарным бантиком не доставили избалованному Петеньке. Зачем-то же я им понадобилась. Иначе, зачем вся эта суета со спешной свадьбой? Понять бы зачем....

Пока ехала в такси купила билет на ближайший поезд в направлении города, из которого когда-то приехал в северную столицу отец. Может, там кто-то знает, откуда у Владимира Фетисова оказалась на руках новорожденная девочка? Может, в старом доме остались следы и подсказки?

На поезд я почти опоздала. Выбежала на нужную платформу, когда уже громкоговорители громко вещали, что посадка завершена.

— Что же ты так, малец? — попенял на меня сердобольный седовласый проводник, запуская в свой вагон.

Не обращая ни на кого внимания, пошла в свой вагон. Тяжелая спортивная сумка на плече, рваные джинсы унисекс, такая же джинсовая куртка, темные очки и бейсболка, делали из меня щуплого парнишку.

Открыв дверь третьего вагона, увидела двух парней бандитской наружности, рыскающих по вагону экспресса. Моментально сориентировавшись, спешно закрыла дверь и

юркнула в туалет. И только проделав все это, задалась вопросом: «зачем?».

— ... села в поезд? — раздался голос одного из них, подошедшего ближе к двери санузла, на которую я опиралась.

— Босс сказал да, — ответил второй, дергая запертую дверь.

Навалившись всем телом, испуганно замерла, затаив дыхание.

— Не дергай, их еще не открывали, — вмешался кто-то третий, прогоняя замешкавшихся у двери мужчин.

Шаркающие шаги, хлопнувшая дверь и голоса удалились, стихли. Простояла еще несколько минут, прислушиваясь к тишине. Интуиция вовсю вопила, что разговор ведется обо мне и мне нужно превратиться в незаметную мошку на этом окне и подслушать. Только она же и подстегивала быстрее сбежать и скрыться, избегая любопытствующих глаз этих двух индивидов.

Вытянув симку из смартфона, смыла ее в унитаз. Выглянула из туалета и, никого не заметив, вышла, желая как можно скорее спрятаться. Увидев, первое же свободное место возле стайки подростков, примостилась рядом. Обычно такие полубандитские компании я избегала, но сейчас невольно видела в них союзников.

— Ты что здесь делаешь? — озадачил один из них меня вопросом.

Присмотрелась к компании внимательнее. Взгляд безошибочно выделил вожака этой стаи — тихий, спокойный парнишка в стороне, на пару лет младше меня, с пронзительным взглядом волчонка, который исподлобья наблюдает за противником.

— Тише ты, — одернула я заговорившего, смотря прямо в глаза этого волчонка. — От мужа сбежала, ищут, — кивнула в сторону скрывшихся мужчин.

Вожак присмотрелся ко мне, но ничего не ответил, лишь едва заметно кивнул, и я расслабилась.

— Нам то, что..., — начал было заговоривший, но, не заметив поддержки со стороны главаря, удивленно смолк.

Спустя некоторое время разыскивающие кого-то мужчины вернулись. Остановились рядом с нами.

— Парни, вы тут девушку не видели? Молодую, красивую, — спросил один из них, подбрасывая ключи от машины в руке.

— Да вот перед вами сидит, — ответил говорливый, взглядом указывая на девицу, притулившуюся и самозабвенно целовавшуюся с одним из парней.

— Да не... не такую, — отмахнулся второй мужчина.

— Чем это не такую? Не такую молодую или не такую красивую? — начал провоцировать на скандал их парень, чувствую себя в окружении своей стаи значительно сильнее этих двух амбалов.

Зря он так. Эти раскидают их как кегли по вагону и не заметят. Но драки избежать удалось, многообещающе усмехнувшись и плюнув под ноги парнишке, два шкафа свалили.

— Ты в следующий раз лучше молчи, Гвоздь, — предупредил волчонок, взглянув так сурово, что говорящий запнулся, словно подавился уже готовыми вырваться из его рта словами.

Дальнейший путь прошел без эксцессов. Подозрительные мужики больше не появлялись, подростки сошли за пару остановок до моей, а я так и осталась сидеть, вперившись взглядом в окошко.

Не доехав одну остановку до пункта назначения, сошла с поезда. Если они знали, куда я

еду, и каким поездом, мне вполне могут устроить горячий прием, так что лучше поймать попутку. Только желательнее еще опустошить карты и сделать это так, чтобы меня не выследили. Пожалела, что не отдала одну из них ребятам и не попросила отвести след. Задним умом все сильны. Деньги сняла тут же на вокзале и как раз успела до отправления поезда. Буду надеяться, что они решат, будто я в него же и запрыгнула.

Такси решила не брать, лучше найму частника. Судя по поискам и охоте, которая за мной ведется у меня есть что-то, что не получила маменька.

Неужели отец переписал на мое имя акции компании? Тогда вся головоломка с браком складывается.... А что? Выдали замуж, устроили несчастный случай или комнату с белым потолком и мягкими стенами, и все богатство в их руках.

«Где ты, Бель?» — обеспокоенно заголосил мой незримый собеседник, когда я шагала по трассе в нужном направлении.

«Ник? Ты куда пропал? Почему я так долго тебя не слышала? — удивилась я. И встревожилась. А ведь действительно не слышала и даже не забеспокоилась, а такое со мной было только раз, когда папа по наущению мачехи решил, что мой невидимый друг мешает мне жить и водил к психиатру, а тот выписывал какие-то таблетки. — У меня все хорошо, Ник. Не могу сейчас говорить. Позже».

«Ладно, обо мне можешь, не беспокоиться», — пробормотал в ответ мне голос.

И почему слыша его, я всегда представляла себе своего ровесника? Сначала мальчика, теперь молодого мужчину? Наши разговоры с ним были долгими, непредсказуемыми. Он рос с матерью без отца, я с отцом и лучше б без матери. Иногда, будучи еще совсем маленькими, мы мечтали о том, что когда-нибудь познакомим родителей и станем одной семьей. Но потом поняли, что это нереально. Потому что Ник был где-то очень-очень далеко от меня. Там где живут принцы, которые летают на грифонах...

— Садись, подвезу, — выдернул меня из размышлений и воспоминаний притормозивший рядом дальнобойщик.

Натянув кепку пониже, залезла в машину. Кинула под ноги сумку, нащупала в кармане джинсовки электрошокер и сразу же почувствовала себя уверенней.

Мужик всю дорогу что-то рассказывал, я, молча кивала, соглашаясь со сказанным. К вечеру добрались до города. Еще немногим меньше тридцати километров и мне можно будет отдохнуть.

Остаться в городе не рискнула, пошла пешком — дорогу я хорошо помнила, а лес мне всегда казался намного безопаснее города.

Пройдя пару километров, решила, что в темноте продолжать путь не стоит. Нашла удобную поляну в кругу разлапистых елей. Подстелила несколько теплых вещей. Бросила под голову сумку, натянула длинный свитер и удобно устроилась на примятых еловых лапах, ощущая себя на удивление защищённой.

В лесу так было всегда. Мне даже маленькой виделось в нем тысячу живых существ готовых сторожить маленькую меня и приходить на помощь по первому зову.

Папа лишь смеялся:

— А говоришь не эльфенок!

Так и заснула, улыбаясь теплым воспоминаниям о своем счастливом детстве.

Глава 2

Проснулась рано. Холод и сырость заставили подскочить задолго до рассвета.

Собравшись, включила фонарик на смартфоне, радуясь почти полной батарее. Открыла

давно загруженную карту, порадовалась работающему GPS, и направилась домой.

Вскоре развиднелось, незнакомый лес сменился знакомым, энтузиазм и мечта о горячей еде и теплой ванной подгоняли в шею и я значительно ускорила. Тем не менее, подходя к дому, еле волочила уставшие ноги, и лишь мысль о скором отдыхе не давала остановиться.

Набрав цифровой код на воротах, скользнула в родной двор. Привычно открыла дверь, отсканировав сетчатку, и вошла в просторное помещение. Раньше я смеялась над отцом за такую предусмотрительность, сейчас же была рада ей как никогда, потому что о ключах я бы просто не подумала. Есть, конечно, в лесной сторожке лесник дядя Федя, что за отдельную плату присматривает за домом, но до него еще добираться и добираться.

Включив генератор, вернула к жизни умный дом. И жизнь закипела — свежая одежда, горячий кофе, теплая ванна, приготовленная еда, а точнее разогретые консервы, благо этого добра было как у ожидающего апокалипсис маньяка.

Утолив первый голод, согревшись в ванной, отправилась в отцовскую спальню. Был у папы в ней тайник под половицей, найденный мной лет в восемь. Горько плакала тогда, узнав, что я не родная, и естественно папа выпросил, откуда я это все взяла. Был долгий разговор, суть которого свелась к тому, что у каждого должны быть тайны и без приглашения узнавать их не красиво, а все что мне нужно знать папа и сам расскажет. Разочарование отца мной так четко привиделось мне, что больше никогда не пыталась узнать его тайны, а он, словно испытывая мое любопытство, тайник не поменял и новой защиты для него не придумал, по-прежнему храня в нем свои дневники и нужные документы.

Открыв тайник, увидела сложенный вдвое лист бумаги:

«Здравствуй, Белочка.

Хотелось бы мне тебя порадовать, но судя по тому, что ты читаешь это письмо, я допустил ошибку. Как бы там ни было, но с некоторых пор ты моя единственная законная наследница, а все акции концерна в твоей полной собственности с твоего совершеннолетия. Уж прости, но оставить все Кире я просто не могу. На случай своей или твоей смерти я подстраховался — акции концерна отойдут Лютому. Ты же еще помнишь друга своего детства, за которого рвалась замуж?».

Папа явно преувеличивал, Марат Лютый никак не был другом моего детства. На десять лет старше меня он стал моим наставником в играх и первой моей привязанностью. Настолько, что лет в десять я всерьез собиралась выйти за него замуж. Лютый исчез, незадолго до моего пятнадцатилетия. Мы и так-то виделись раз в год на каникулах, а там и вовсе затерялись в огромном мире. А выходит папа с ним все это время общался. И ничего мне не говорил. Сердце кольнуло иголкой обиды. Понимая, что это глупо и несвоевременно, продолжила читать письмо.

«Я никогда не рассказывал тебе, откуда ты взялась. Но, не потому что не хотел, просто я и сам не понимал произошедшего.

В юности мы с друзьями были теми, кого сейчас называют ролевиками и косплейерами, мы же звали себя толкинистами. В тот год ХИики проходили в поселке Шелангер, возле Казани.

Нужно ли тебе рассказывать, как у нас двадцативосьмилетних кипела там жизнь? Тимур тогда впервые взял с собой младшего брата Марата. Ну, и как водится в обычной жизни — два великовозрастных балбеса не уследили за самым мелким, а когда нашли Марата в одной из скрытой из виду излучин, мальчишка держал на руках тебя. На все наши

вопросы был лишь один ответ: «Нашел на камне».

Нужно сказать, что камень этот был посреди небольшой пещеры. Гладкий и плоский он больше напоминал алтарь, а когда мы обнаружили на нем рунические письмена, то разом и протрезвели. Долго решали, что делать с тобой, но твои ушки не оставили мне выбора. А может я просто в то время слишком хотел верить в чудо?

Как бы то ни было, но первоначальный план подбросить тебя в больницу или детдом, я считал опасным для тебя и вместо этого привез тебя домой. С помощью одного своего друга оформил тебе свидетельство о рождении. К сожалению, я поверил Кире, которая рассказывала о детях, которых мы непременно родим, и не вписал себя сразу в графу отца. Сколько раз я потом успел пожалеть об этом.

Ты не болела, не доставляла никаких хлопот, росла милой проказницей и впервые с врачами мы столкнулись перед школой. Анализ, обследования... Вот тогда я и узнал, что ты на самом деле не человек. И не только я. Мне пришлось буквально воровать тебя из больницы. Уничтожив все следы, мы затерялись в столице».

Закрыла глаза, пытаюсь вспомнить забытое. Если я правильно понимаю, то и появление Ника и дурманящие таблетки относятся к этому случаю. И только сейчас я поняла, что в больницах и поликлиниках я больше ни разу и не была. Справки для института, для получения прав и другие папа просто покупал. Даже тест ДНК на наше с ним родство был сфабрикован. Вот почему он отговаривал меня от операции. Так, почему просто было не сказать? Зачем скрывать? Хотя я и жила с восемнадцати лет за границей, но все равно мог бы и поделиться.

Прочитав еще несколько строк, заметила, что письмо незакончено, будто листика было два, а мне достался лишь первый из них. Перебирая бумаги, второго листа так и не нашла. Неужели отец так спешил, что потерял его и не заметил?

Провела ревизию имеющегося и с удовольствием выдохнула. Папа был еще тем перестраховщиком — несколько новых документов: два паспорта, права и медицинские страховки на имя Ибби Фетисовой и Белиты Алмазовой, кредитные карты и банковские чеки на предъявителя, несколько новых симок и телефонов, ключи от оружейного сейфа и от мотоцикла в гараже. И карта с крестиком, где меня нашли.

Внизу белел маленький клептик бумаги со словами:

«Выбор за тобой»

А под ним те самые пресловутые акции. Нет, не совсем они, но документы на банковскую ячейку Ибби Фетисовой могли быть только ими.

Что ж папа сделал все возможное, чтобы выбор у меня был. Я могу скрыться на время, выждать нужные сроки и вернуться возглавить концерн, могу продать акции от имени Ибби, а могу стать Белитой и отправиться искать свои следы. А еще я могу позвонить Лютому...

Что же выбрать?

Звонить Лютому я не стала. Как-то не вкладывался в мою картину мира этот звонок. Ну, что я ему скажу: «Здравствуй, Марат, мне нужна твоя помощь?». Вот так просто с бухты барахты? И он все бросит и как рыцарь в сверкающих доспехах кинется спасать принцессу. Конечно же, тридцатилетним владельцам бизнеса, заняться больше нечем. К тому же он, скорее всего, давно и счастливо женат, а тут я - разрушительница судеб.

Мысль о женитьбе моей первой еще бессознательной любви кольнула неожиданной

горечью. Нет, я не предполагала, что мне будут хранить верность, останутся девственником и будут ночами рыдать над моей старенькой фотографией. Такое только в сказках бывает, но если честно признаться, то хотелось бы. Хотелось бы, чтобы мужчина страдал из-за меня. Такая вот я коварная девица.

Харлей в гараже оказался полностью заправлен. Палатка, оружие, рюкзак с необходимым НЗ — жизнь с помешанным на фэнтези папочкой и не такому научит. Чего стоят одни курсы снайперов, которые я прошла в семнадцать.

Я уже молчу про выкованные кузнецами мечи, кольчуги, самодельные луки и стрелы, которыми была до отказа забита оружейная. Куда я сейчас взирала с застрявшим в горле криком удивления. Два года прошло с тех пор, как я была в ней последний раз и ничего не изменилось. Моя, выкованная под меня катана, мой любимый арбалет, который я разбила вдребезги при нашем последнем споре с отцом.... Починил, переделал и я не удивлюсь, если еще и усовершенствовал. С минуту смотрела на все это богатство, а потом по наитию отправилась собирать все, что может понадобиться.

Сейчас после того, как прочла письмо, одержимость отца моей самозащитой стала понятна. А после ночных кошмаров о больнице, что я подозревала, хлынули из разблокированных уголков памяти, и вполне необходима. Мало ли где я окажусь? Так лучше быть во всеоружии. И я впервые пожалела, что два года не занималась борьбой, оставив только йогу.

Мотор привычно урчал, навигатор прокладывал путь, и уже через несколько часов я оказалась у цели. Лес и мотоцикл оказались плохо совместимы, и мне довольно часто приходилось тащить моего железного коня на себе.

Разозлившись на очередные непролазные дебри, оставила в них мотоцикл, не забыв настроить отметку в навигаторе. Знаю, проходили еще лет восемь назад с папой — часа четыре искали совершенно немаленькую машину, щелкая брелоком с ключами и прислушиваясь к тихому пisku.

Взвалив на плечи рюкзак с самым необходимым (и почему это необходимое такое тяжелое?), отправилась искать пещеру.

Найдя, сокрушенно выдохнула. Разве ж это пещера? Так выемка в небольшом холме над озером, с плоским кроваво-красным камнем по центру. Хотя по камню и обнаружили руны-символы, описанные отцом.

Вспомнив, что видела в дневнике отца их расшифровку, уселась наземь и принялась искать, перелистывая старую тетрадку.

Итак, ближайшая ко мне руна Райдо, похожая на перевернутую английскую «R», символизирует закрытый путь вперед, остановку.

За ней следует руна Соул, напоминающая зигзаг молнии, символизирует самоутверждение.

Третья руна Йер, состоящая из двух обращенных друг к другу углов, означала в трактовке отца ожидание, завершение. Также эта руна символизирует судьбу.

Четвертой оказался Наутиз, похожая на перекошенный крест, символизирует ограничение.

В центре руна Эйваз, напоминала перевернутую букву «Z» — препятствие и защита.

Под рунами шли слова, написанные латиницей и видимо не замеченные отцом, так как в расшифровке их не было: *annon, maetha, glawar, omentie, edraith*. В голове сам собой всплыл выученный в детстве синдарин* — ворота, сражаться, солнечный свет, встреча и спасение.

И что все это значит? Я лежала маленькая в центре — на руне спасение и защита. Судя по всему, отец понял эти символы буквально. И всю мою дальнейшую жизнь готовил меня к этой роли. Иначе как объяснить многочасовые тренировки? Нет, поначалу мне даже нравилось. Что может быть лучше, чем время с любимым отцом и восторг в его глазах, когда ты преодолеваешь очередную полосу препятствий или попадаешь в яблочко.

Отложенная тетрадка, зашуршала и ветер перелистнул несколько страниц, подняв их вчиталась:

«Я учу ее выживать. Очень боюсь, что когда-то придется с ней расстаться и меня не окажется рядом. Она — мой солнечный свет, ожившая сказка».

Стало немного зябко. Во-первых, от ответа на вопрос к чему меня готовили, во-вторых, от этой сумасшедшинки в отце, которую я не замечала. Хотя почему не замечала? У него ведь весь бизнес был построен на этом — компьютерные игры, тематические костюмы, тренировки боев, фестивали, квестовые комнаты... Он жил всем этим...

«Толкнулся сам — толкини другого», — всплыла в голове любимая фраза отца.

Размышляя, рисовала пальцем по рунам, удивляясь тому, как они выщерблены в камне. Похоже на огромную инталию** из граната.

Неожиданно выводимые символы вспыхнули розоватым огнем. С запозданием заметила, что порезала палец и последние руны обвела кровью.

Ведущая вглубь стена неожиданно пошла зыбью, стала дрожащей, полупрозрачной.

Что-то за спиной гроыхнуло, задрожало. Внезапно стало темно, и только кроваво-красный свет, бьющий из камня, развеивал неожиданный мрак.

Перепуганное сознание как-то лениво отметило, что вход засыпан и судя по отсутствию просвета, я погребена под скалой. Останусь, задохнусь от нехватки воздуха в этом каменном склепе. Выход только один — надеяться, что зыбкая поверхность за спиной это самый настоящий портал в мой родной мир. И что-то мне говорило, что долго он не продержится.

Подхватив разбросанные вещи, подошла ближе. Притронулась к стене и рука провалилась. Набрала в грудь побольше воздуха и сделала шаг в неизвестность.

Вокруг меня сгустилась липкая темнота, от которой непривычно резало глаза. Окруживший вакуум, забивал легкие, доводя до Головокружения.

Сделала несколько быстрых шагов вперед и, заметив сереющее пятно, сорвавшись с места, побежала к нему. В груди резало от нехватки кислорода, голова кружилась, накатывала слабость.

«Ник, люблю тебя», — призналась я единственному, кому никогда этого не говорила.

«Бель, что с тобой?», — донеслось встревоженное, но сознание уже уплывало.

Зафиксировав ударивший резью по глазам свет, сделала большой глоток воздуха, от которого стало больно в груди.

Еще один шаг и я обессиленно упала, впервые в жизни потеряв сознание.

** вымышленный эльфийский язык, разработанный Дж. Р. Р. Толкином.*

*** ювелирное изделие или украшение, выполненное в технике углублённого рельефа на драгоценных или полудрагоценных камнях, или на стекле*

Глава

3

«Бель! Бель! Бель!» — настойчиво долбил дятел в моей голове.

И я готова была его убить. Даже несмотря на его нематериальность. А что отыщу,

обниму, убью! Крутой план.

«Тебе не кажется, что, будучи моим вторым Я, ты должен молчать, когда я теряю сознание?»

«Хух, жива, — выдохнул с облегчением мой незримый собеседник: — Ты что творишь, ненормальная?»

«Медленно схожу с ума. Не заметил, а? А если быть более точной, то процесс уже завершен», — пробормотала я, озадаченно разглядывая темно-синее небо и фиолетовую луну над головой.

В голове затанцевало множество Фрекен Бок с их «Аля-ля-ля-ля... а я сошла с ума... какая досада!»*. А в книгах пишут про звездочки... И черно-белый кот из совершенно другого мультфильма влез, сменив картинку со своим: «Врут, бесовестно врут»**.

«Так что ты натворила?» — уже спокойно прозвучал голос в голове.

«А что я натворила?» — поинтересовалась я, и только лежащее положение, помешало потупить глазки и пошарпать ножкой.

Но представленный мной образ, судя по всему, и так дошел до адреса.

«И не делай, такое виноватое личико. Рассказывай!», — настойчиво потребовал мой визави, а я лишь сокрушенно выдохнула: и почему я всегда его слушаюсь?

«Да кто он вообще такой?» — вскипело внутри негодование, но тут же сменилось трезвым осознанием, что Ник единственный кому до меня есть дело.

«Слушай, а это нормально видеть сиреневую луну?», — попробовала осознать я масштабы своего помешательства.

«А какая она обычно?» — удивился чему-то мой собеседник.

«Желтая. Белая, иногда оранжевая, иногда красная. Но не сиреневая! Может, у меня что-то с глазами? Травма, привела к дальтонизму... Хотя, нет глаза вроде бы целые. Не болят», — для убедительности повертела головой из стороны в сторону, прислушиваясь к собственным ощущениям.

«Что такое дальтонизм?»

«Нарушения цветовосприятия, — машинально ответила я, — Постой, но это же знают почти все?...»

Повисла тишина. В голове вспышками промелькнули все воспоминания, когда Ник чего-то не знал, и мне приходилось ему объяснять, или когда он объяснял мне про концентрацию и магию, подсказывал, когда у меня возникали сложности в тренировках с мечом, и для моих наставников его подсказки были откровением.

«Опиши, что ты видишь?» — попросил Ник.

И я, с трудом поднявшись на ноги, принялась описывать увиденное: темное небо с яркими звездами (удивительно, но тут они различались цветами — такие себе голубые, синие, красные, желтые и зеленые неоновые фонарики), нежно сиреневую луну, розоватые в вечернем сумраке деревья — привычные сосны, клены и дубы в несколько раз превышающие размером наши, странные гиганты с бело-золотистым стволом и листочками как у розмарина...

«Икреи, — шепнул Ник и облегченно выдохнул. — Ты в моем мире. И если судить по приближающимся сумеркам недалеко от меня. Ночью тебе лучше устроиться на дереве — в лесах много диких тварей».

Оглянулась, отыскивая подходящего для моего древолазанья кандидата. Остановила взгляд на могучем разлапистом дубе с нижней веткой на высоте моего роста и, подхватив

рюкзак, доковыляла до выбранного дерева.

«Я вооружена и очень опасна», — пробормотала, подбадривающе, приседая на траву и вытаскивая из рюкзака предусмотрительно взятые с собой складной арбалет, шокер, нож, катану и даже ракетницу. Жаль только каремат, спальник и плащ-палатку оставила у мотоцикла.

«Хорошо, хоть термобелье и мембранка при мне», — подумала, утепляясь на ночь.

Достав все свои сокровища, принялась проводить ревизию. С едой было не густо — пачка сухарей, пару банок консервов. Воды тоже было мало — каких-то жалких полтора литра. Зато есть таблетки для дезинфекции воды, аптечка, сменный комплект одежды, страховка, альпинистский шнур, набор карабинов, кошки, огниво, горелка с запасом сухого топлива, котелок и даже солнечная батарея для смартфона. Слабенькая, но и такая сойдет. Правда, зачем мне телефон в условиях отсутствия сети и связи, непонятно.

Точно можно сказать одно — попаданка из меня вышла подготовленная. Как тем самым местом чувствовавшая, что грядут приключения на мою бедную пятую точку, которая ныла и болела после неудачного падения.

«Я утром же отправлюсь на твои поиски», — пообещал Ник, пока я, кряхтя, пыталась влезть на дерево с рюкзаком на спине.

«Угу, отправляйся», — пробурчала я, чувствуя, как в очередной раз соскальзывает рука, а забытый детский навык покорителя вершин никак не хочет возвращаться.

Взобравшись-таки на огромную ветвь, пристегнула себя с помощью страховки — оставив недолет примерно в метр от земли. Потом подумав немного, сократила расстояние — теперь сорвавшись, зависну метрах в двух над поверхностью. Удобно, и отстегнусь — не особо ударюсь, и если злые волки будут прыгать, есть шанс, что не достанут. Распихала разные мелочи по карманам, не забыв шокер и фонарик. И закрыв глаза, попыталась уснуть на твердой шершавой поверхности.

Сон не шел. Лежать неудобно, в голове бродит толпа недодуманных мыслей, а еще сыро и холодно, и это несмотря на водостойкую куртку и термобелье.

«Что ж за перепады такие, как в горах?» — пришла в голову первая мысль, заставив меня зябко поежиться.

Напряженно затаилась, услышав странный вой и скулеж. На поляне, обнюхивая место моего попадания (или выпадения?) толпились хищники. Черные, огромные, сверкающие острыми клыками саблезубые... тигры? Нет, по морде, отчетливо различимой в рассеянном свете сиреневой луны, больше похожи на белых медведей. Саблезубые медведи. Три штуки. Это те самые дикие твари, обещанные Ником, или будут еще диче и страшнее?

Много времени этим медведям не понадобилось, чтобы распознать, куда скрылась вкусно пахнущая добыча и начать толпиться под облюбованным мной деревом. Порадовалась, могучести дуба, что даже не содрогнулся от удара громадного тельца о ствол. И высоте ветки, на которую забралась, когда вставший на задние лапы чудо-медведь попытался дотянуться. И тут вспомнила, что в моем мире медведи довольно неплохо лазают по деревьям. Надеюсь, эти не умеют, а то придется отступить.

Отстегнув страховку, прикинула возможные пути. Намотала шнур на руку, подготовила кошки. Подняла собранный перед сном арбалет.

Громкий глухой звук падающей со свистом тяжести разорвал ночную тишину и с мягким стуком ударился о поверхность. Звери засуетились и кинулись в центр поляны, замерли в паре метров от груды, не решаясь подойти.

В лиловом свете местной луны посреди поляны явно было видно застывшее человеческое тело. Кто-то застонал и я, точно обезумев, рванула вниз.

Хищники, привлеченные новой более доступной добычей, на меня внимания не обратили. Угрожающе порывая, кружили вокруг нового и, очевидно, более сытного обеда. Попробовали подойти ближе, но их чем-то откинуло. Зарычали обиженно, зло.

Нацелившись из арбалета, аккуратно, стараясь неслышно ступить, принялась пробираться к пострадавшему.

В голове набатом была мысль:

«Ну, куда ты лезешь, идиотка? Он все равно не жилец. Хочешь стать обедом за компанию?» — вопрошала разумная часть меня, но инстинкт самосохранения походу все еще был отключен.

Подобравшись поближе за спину одного из хищников, сгруппировалась и стремительным перекатом очутилась возле уроненного. На меня грозно зарычал тот самый не заметивший добычу медведь. Сунулся, но был отброшен все тем же невидимым барьером. Подползла к лежащему, и вздрогнула, разглядев быстро растущее кровавое пятно под телом.

Звери кружили вокруг меня, чего-то выжидая, раненное тело истекало кровью, а я не могла освободить руки и отложить арбалет — вдруг стоит мне опустить оружие и на нас нападут?

«Ну, и влипла ты, Белочка! Надо было сидеть на дереве. Зверюшки пообедали бы и разбежались, а ты спокойно отправилась и дальше искать приключений», — по комариному противно зудел тоненький голосок в голове, пока я растерянно переводила взгляд с раненого на хищников, решая, что же делать.

Принять взвешенное решение мне не дали. То ли моя удача на сегодня закончилась, то ли звезды встали не в тот ряд, но благополучно молчавший все это время телефон вдруг вспомнил о своей роли будильника и ворвался в это прекрасное утро несвоевременной рок-композицией.

Не знаю, кто испугался больше: я или медведи. Но те громко зарычали, а я выхватила предательский мобильник из кармана, посмотрела на него как на грозящую взорваться в руках гранату и зашвырнула в кусты, случайно увеличив громкость до максимума.

То ли у медведей не сложилось с музыкой вообще или с моим вкусом к утреннему року в частности, но Skillet со своим «Save Me» умудрился прогнать хищников с поляны.

«Надо было ультразвуковые свистки от собак приобрести и захватить», — запоздало мелькнула умная мысль, пока я, отложив арбалет, со всей возможной осторожностью осматривала, подсвечивая фонариком, тяжелое тело.

Телефон замолчал, но, если не пойду отключать, через десять минут будильник снова напомнит о себе. Ладно, пока подождет. А может, отгонит еще парочку хищников. Кто бы мог подумать: Рок против Саблезубых медведей, счет 1:0.

Острые стрелы в широкой грудной клетке я обнаружила только наощупь — укололась кончиком. Поблагодарив мысленно отца за курсы первой помощи, перевернула тело на бок. Осмотрела рану, края которой уже немного стянулись вокруг стрелы. Стараясь не сильно дергать, попробовала переломить древко стрелы надвое, но то ли я немогущая, то ли деревья тут особо прочные, сделать это не удалось. А протяжный стон раненого отозвавшегося на мои действия и вовсе лишил меня желания продолжать. Пожалев, что не захватила с собой пилу, достала нож и принялась зачищать древко.

Снова где-то в кустах затрезвонил телефон, голося на все окрестности и распугивая лесных обитателей. На следующем заходе будильника, мне все же удалось переломать древко и просунуть стрелу вперед. Видимо, моему подопечному тоже не понравился мой будильник, почти как мне по утрам, иначе, зачем так надрывно стонать?

Достав из аптечки, которая по наущению папы всегда была при мне, хлоргексидин, стерильную марлю, медицинский клей и английскую булавку, обработала раны, скрепила края. Понимала, что нужен врач и скорее всего у моего невольного пациента пробито легкое, но больше, чем оказать первую помощь сделать ничего не могла.

Подобрав телефон и стащив с дерева рюкзак, накрыла парня спасательным термоодеялом, а сама принялась соображать еду.

Все-таки иногда полезно иметь помешанного на выживании родителя, особенно когда какие-то странные стены выбрасывают тебя в новый мир.

Сделав сильно сладкий чай, напоила раненого. Опустошила банку тунца с сухарями. На сытый желудок немного разомлела, и сама не заметила, как вырубилась рядышком с болезненным.

Проснулась от запаха жареного мяса. Открыв глаза, обнаружила вполне здорового пациента, поджаривающего на вертеле тушку небольшого безвинно-убиенного зверька.

«Красивый», — вынесла я вердикт после нескольких минут разглядывания. Кудрявые каштановые пряди до плеч, раскосые глаза цвета состаренного серебра, что прятались за густыми ресницами, широкие четко очерченные скулы, немного квадратный подбородок, нос с едва заметной горбинкой, легкая щетина на щеках и сжатые в тонкую полосу губы.

— Что ты со мной сделала, полукровка?

Ох, уж лучше бы он молчал, а то все очарование момента нарушил.

— Спасла? — неуверенно предложила ответ.

— Что это такое? — подошел он ко мне ближе, чуть ли не тыча в меня своими грудными мышцами, на которых и следа от раны не осталось, и только булавка призванная стянуть края осталась торчать, будто вросшая в кожу.

— Вот это регенерация, — удивилась я, подсакивая на ноги и непроизвольно протягивая руку в желании прикоснуться к чуду.

Чудо же отдернулось от меня так, будто мои грязные руки могли замарать его чистый торс. Поморщилась от читаемого в серебристых глазах пренебрежения.

— Это что какие-то специальные брачные традиции. Твой народ так ставит метки, полукровка? — вопил этот высокомерный ммм... индюк.

— Больно надо. Не дергайся, сниму, — предложила я.

Парень настороженно и с опаской посмотрел на меня:

— А вдруг ты что-то провернешь, и я опять окажусь при смерти?

— Будешь выделываться, точно проверну. А при смерти ты оказался не по моей вине, хотя за дальнейшие события не ручаюсь.

Расстегнув булавку, вытащила ее из раны, злорадно радуясь тому, что это несносный тип морщится от боли.

— Повернись.

— Зачем?

— Ну, можешь не поворачиваться, — пожала я плечами, — и второе украшение оставить себе на память.

Он все же повернулся, и я быстро вытащила вторую булавку. Отвернувшись и,

продезинфицировав булавки, сложила их в аптечку. Собрала свои разбросанные пожитки, отмечая, что кто-то не сдержал любопытства и сунул свой нос, куда не следовало. Накинула рюкзак на плечи, подхватила арбалет и поспешила покинуть поляну. Благодарности от этого зазнавшегося типа ждать не стоит.

— И куда ты собралась, полукровка? Как я понял, ты спасла мне жизнь и теперь я обязан на тебе жениться, — ошарашил меня этот ммм... индивидуум.

— Спасибо не надо, — открестилась я от этой чудесной перспективы.

— Я тебя не спрашиваю, человечка, — прорычал мне в лицо этот наглец, в мгновение ока, очутившись рядом.

— А зря. Иначе можно не досчитаться бубенчиков, — еле слышно пробормотала я, с трудом удерживая на месте коленку, готовую лишить кое-кого этих самых бубенчиков. — У меня нет матримониальных планов в отношении нахалов и наглецов.

— Да как ты смеешь, полукровка?!

Ну, все достал! Я крутнулась, сделала подсечку и уронила на спину зарвавшегося типа. Шокер у шеи стал увесистой причиной меня выслушать.

— Лучше тебе не дергаться, чистокровка. Еще раз назовешь меня полукровкой и лишишься своей женилки.

Он все же дернулся и ожидаемо получил ощутимый разряд. Удивленно и немного укоризненно посмотрел на меня, уже теряя сознание.

Встав с бессознательного тела, прошлась по поляне. Забрала с костра вертел с уже приготовленной тушкой — либо сгорит, либо кто-то съест, пока этот будет валяться в отключке — нечего добру пропадать. Да, и мне нужна материальная компенсация за нервное утро.

И откусывая вкуснейшее мясо, мурлыкая от удовольствия, покинула поляну.

— Лучше тебе больше не встречаться на моем пути, чистокровка.

Эх, ни в одном из миров нет мне бедной местечка. Там эльфенок, тут человечка.

** Цитата из м/ф «Малыш и Карлсон»*

*** Цитата из м/ф «Приключения домовёнка»*

Глава

4

Грустить долго не в моих правилах. Тем более, когда повода нет. А еще я очень люблю путешествовать, поэтому и все случившееся со мной воспринимала радостно-восторженно. Да, и в оставшемся где-то там мире меня никто не ждал. А деньги.... На жизнь себе я и сама заработаю, а заработанные отцом у Лютого будут в сохранности.

Зато в этом мире где-то есть Ник и мне нужно его найти. Он обязательно поможет встать на ноги. Обещал же когда-то.

«Он и жениться обещал», — хмыкнула я, вспоминая этот момент, и нашу с ним серьезную уверенность.

— Если ты женишься, то мы потом поссоримся из-за грязных носков, разведемся и будем ругаться и делить все нажитое непосильным трудом, — отговаривала я его от такого опрометчивого решения с рассудительностью девятилетки.

— Давай, ты лучше будешь моим братом? — после некоторого размышления предложила я, даже не надеясь, что он согласится, и моя заветная мечта, лелеемая тайком ото всех, осуществится.

— Хорошо, — выдыхает он с явным облегчением. Видимо, идея жениться и ему не пришла по душе. И добавляет требовательно: — Но мы всегда будем друзьями!

— Всегда-всегда! — поспешно соглашаюсь я, не желая терять своего единственного друга. Ну, и пусть про него нельзя никому рассказывать — главное, что он есть.

«Ник?» — улыбнувшись воспоминанию, позвала я своего названного братца.

«Бель? Ты где?»

«В лесу», — усмехнулась я, абсолютно не представляя как на этот вопрос ответить. ДЖПС тут точно не работает. Компас наверняка сбоит. Карты у меня нет. Попадалово.

«А что видишь?»

«Три сосны, дуб и эти.... Как ты их назвал? Икреи».

«И как я тебя должен искать?» — расстроенно пробормотал Ник.

«Не знаю. Придумай что-то. Ты же мужчина!»

«Ладно. Найди на небе красное светило и иди на него, никуда не сворачивая. Найдешь, что-то помимо леса сообщи».

«И все? — разочарованно выдохнула я. — А как же полетать над лесом на златокрылому пегасе в поисках потеряшки, а мне развести костер и с помощью столба дыма подавать тебе сигналы?».

«В священном лесу нельзя охотиться, разводить костры, да и летать без разрешения над ним невозможно».

«Странно, а откуда тогда взялся злостный нарушитель всех этих «нельзя»?» — пробормотала я про себя, но была услышана Ником.

«Кто?»

«Не знаю. Но он сказал, что я, как честная женщина, обязана взять его в мужья».

«Что ты сделала, Бель?» — подозрительно поинтересовался Ник.

«Вытащила стрелу из упавшего с неба тела», — призналась, не понимая из-за чего вообще весь сыр-бор.

«А потом?»

«А потом мы поспали, утром он обозвал меня полукровкой, а я пригрозила лишить его бубенчиков».

«И все?»

«Все! Ник, что происходит?» — вот не нравятся мне эти его вопросы.

«Ничего. Я придумаю, как защитить тебя, сестренка»

«От чего?» — удивилась я.

«От брака с этим неизвестным».

«А зачем меня защищать? Я не собираюсь за него замуж!».

«В нашем мире все не так просто, как в вашем. И проведя с ним ночь наедине, ты согласилась на помолвку».

«Так ничего же не было», — мысленно застонала я, отгоняя от себя воспоминание о том, как ночью прижималась к теплему телу.

«И это может сыграть нам на руку. Главное, чтобы он сам не воспылал желанием на тебе жениться».

Выдохнула сожалеюще. Эх, зря не захватила с собой пособие «Как отделаться от парня», даже фильм не смотрела, сейчас бы точно пригодилось. Ну, ничего я и сама что-нибудь придумаю. Например, потопчусь ногами по его больному месту. А какое у мужчин больное место? Правильно, самолюбие! И я с утра по нему уже потопталась. Улыбнулась, довольная

собой.

«А как он меня найдет? Я от него ушла, даже не представившись и сама его имени не знаю».

«Запросто. Если ты и правда спасла ему жизнь, то магия будет считать, что на нем долг жизни и не даст ему отдалиться от тебя, пока он с тобой не рассчитается».

«Он мне ничего не должен. Я помогла ему безвозмездно, то есть даром...», — пробормотала я.

Но молчавший Ник, четко давал понять, что огордиться от этого навязанного мне долга простым признанием его отсутствия не получится. Вот и спасай после этого!

«Тогда, нужно придумать мне несчастный случай и пусть он меня спасет. Допустим, я зависну над пропастью, а он меня вытащит, и мы в расчете».

«Не сработает. Нужна реальная опасность».

«А там что нереальная? А вдруг сорвусь? — мысленно возмущалась я, кипя от негодования. Не знаю, что я больше не любила: быть должна или когда мне были должны. Ни тот, ни другой вариант меня не устраивал, особенно сейчас в свете какой-то незримой связи с абсолютно посторонним наглецом. — Ладно, с этим понятно. Но при чем тут женитьба?»

«Да, мало ли когда он сможет долг тебе отдать? У нас в мире никаких войн и катаклизмов нет. Живут все долго...»

«Еще скажи счастливо», — поддела, срываясь, я братца.

«Ну, это уж кто, как устроится. Так что жить ему рядом с тобой не одну сотню лет, от тебя не отойти, семью не завести...»

Я бы, наверное, посочувствовала и прослезилась, если бы альтернативой этому не была бы несчастная жизнь со мной. Или счастливая? Не... Я даже покачала головой, отмечая это предположение. Мы с этим чистокровкой точно счастливы не будем.

«Ладно, поняла, прочувствовала, но быть жертвой и заложницей ваших традиций не согласна».

«Тогда, когда он тебя найдет, предложи ему должность Тени — телохранителя»

«Пусть сначала найдет», — огрызнулась я, непонятно на что злясь: то ли на мир с его подвывертами, то ли на себя и свои опрометчивые поступки.

«Белочка, ты не переживай, мы что-нибудь придумаем».

«Я и не переживаю. Всегда есть возможность решить проблему радикально», — коварно призналась я, отгоняя яркие картинки жестокого убийства зарвавшихся мужчин.

Все же иногда я совсем не белая и пушистая, а кровожадная и в колючках.

Шла я довольно бодро, а еще и с музыкой. И хотя петь не умела, и мне, как говорится, медведь на ухо наступил, но стоило замолчать и от гнетущей тишины и одиночества хотелось выть белугой. Такую роскошь я себе позволить не могла, поэтому терзала лес и его обитателей всякими веселыми песенками. И то ли музыка для этого мира была новинку, то ли я пела как ультразвуковая сирена, но никто из местных зверушек беспокоить меня не решился.

Примерно час спустя я вышла к реке. Облегченно выдохнула, и допила последние пару глотков воды из бутылки. Набрала в котелок воды, кинула таблетку и, прикрыв крышкой, оставила отстаиваться. Сама же раздевшись до белья, отправилась мыться. Вода оказалась

бодряще-холодной, и понежиться не пришлось. Быстро ополоснувшись, выскочила из воды и обнаружила возле своих вещей чистокровку.

— Что это? — спросил он, совсем не вежливо тыкая пальцем в мое белье.

Дернула полотенце, решив игнорировать хама-сталкера, и закуталась, чувствуя, как от холода стучат зубы. Взмах руки и меня обдул ветерок, оставляя полностью сухой. С одной стороны удобно, с другой я хотела переодеть белье, а в присутствии этого сделать это проблематично.

— Отвернись, — попросила я, не теряя надежды на благоразумие своего сталкера.

— Зачем? Там не на что смотреть, к тому же должен же я оценить прелести своей будущей жены, — криво оскалился этот хам, нагло щуря глаза.

С минуту выжидающе смотрела на него, но поняв, что ничего не дожусь, а корчить из себя девственницу на выданье, оставаясь в грязном белье, не имеет смысла, принялась раздеваться, медленно, томно, будто под музыку. Что ж тебе же хуже будет, красавчик.

Серые глаза потемнели, став почти черными, когда я, прикрыв грудь рукой, второй сдернула с себя бюстгальтер и уронила его под ноги наглеца. Взмахнула пару раз ресницами, кокетливо прикусила нижнюю губку, а когда он, судорожно сглотнув, машинально сделал шаг ко мне, зарядила коленкой по тем самым бубенчикам.

— Я предупреждала! — бросила ему, подобрала вещи и, отойдя в сторону, быстро оделась.

Перелила воду в бутылку, досадуя на то, что этот озабоченный лишил меня возможности ее вскипятить для надежности. Собрала то немного, что достала, рассчитывая сделать привал, и подхватив рюкзак с арбалетом, отправилась дальше.

«Ник, я речку нашла. Пойду вдоль нее вниз по течению», — и, дождавшись братского одобрения, облегченно выдохнула.

То, что этот недомуж следует за мной, поняла почти сразу. Да, и не рассчитывала я на то, что один удар по самому драгоценному вернет ему благоразумие. Но, как ни странно, идти стало не так боязно. И в какой-то момент я даже расслабилась и с любопытством принялась разглядывать окружившую меня красоту.

А посмотреть было действительно на что. Заповедный лес радовал красочными полянами цветов, в излучинах реки цвели лотосы и кувшинки, и какие-то неведомые мне ярко-красные лучащиеся цветы.

Заинтересовавшие меня цветы росли посреди воды на небольшом черном холмике и выглядели довольно странно. Не сдержав любопытства, полезла к одному из таких цветов, чтобы рассмотреть поближе.

Под ногами что-то дрогнуло, рождая ощущение, что я стою на чем-то зыбком, болотистом, а потом земля подо мной разверзлась, и я начала проваливаться, в зловонную топь. Моментально утонула почти по живот. Стараясь не делать лишних движений, развернулась, легла плашмя, насколько это было возможно. Положив поперёк арбалет, попробовала подтянуться, осторожно вытягивая на поверхность верхнюю часть тела, перемещая центр тяжести с ног на туловище, но одно неосторожное движение и арбалет ушел глубже.

Перестав дергаться, повернула голову, в поисках какого-нибудь деревца или палки, чтобы ухватиться, но, как назло, поблизости ничего не было.

— Хварта, хватайся!

Рядом со мной упало длинное бревно. Сделав резкий выпад, ухватила за него. Меня

потянули. Ощутила, как с громким чавканьем неохотно высвободила мои ноги гиблая трясина, и поползла по-пластунски. Меня подхватили за плечи и выдернули на сушу. Подняла глаза на спасителя и облегченно выдохнула. Кажись, я только что избавилась от недомужа — мне вернули долг жизни.

— Ты, что, хварта, не знаешь, что красты цветут только на трясине?

— Спасибо, — пробормотала я, стаскивая с себя рюкзак и мокрые вещи, а потом, ухмыльнувшись, добавила, — что просветил. И поздравляю, теперь не нужно жениться на полукровке. Ты свободен от обязательств!

С чистого безоблачного неба на меня полилась вода, смывая грязь, а несколько минут спустя подул легкий ветерок, и я уже опять была чистой и сухой. Посмотрела удивленно на своего благодетеля:

— Благодарю, — пробормотала и потянула за веревочку, вытягивая арбалет.

Достав пачку влажных салфеток, вытерла любимое оружие и рюкзак. И кинув последний взгляд на коварные цветы, отправилась в путь.

— Ты хоть пользоваться им умеешь? — спросил меня мой преследователь, кидая цепкий взгляд на мое оружие.

Скривилась. Я всерьез рассчитывала на то, что этот надоеда от меня теперь отстанет, а он все еще плетется следом.

— Хочешь побыть мишенью и проверить? — колко поинтересовалась, оборачиваясь на голос.

— Меня зовут Анддендаар дес эрг Джанлуси, — с легким поклоном представился мне вдруг парень.

— Ибби, — как можно вежливее ответила я, стараясь повторить его имя, чтобы запомнить. Но сбилась уже на первом слог.

— Ибби и...? — ожидая продолжения, вопросительно взлетели темные брови моего спутника.

— Ибби и все, — решение об имени я приняла еще ночью, сидя на дереве. Почему-то быть Изабеллой Фетисовой в этом мире не хотелось, Бель же я решила приберечь только для Ника, а для остальных стану Ибби. С фамилией вопрос же решить собиралась с Ником, не так и не обсудила это момент, уж слишком шокировало меня мое почти замужество.

— Куда вы направляетесь, Ибби? — решил устроить мне допрос этот Анден.

— Туда, — неопределенно махнула рукой я в нужную сторону.

— Разрешите вас проводить?

От этой неожиданно возникшей церемонности захотелось скрипнуть зубами, но делать этого не стала. Хочет вежливо и на «вы», будет ему на «вы». Быстрее бы уже от него избавиться.

— Только, если у вас нет никаких срочных дел, и это не составит вам труда, ваше благородие, — аж язык свело от вычурности этой простой фразы.

Похоже, избавляться от этого навязчивого типа гиблое дело.

«Ник, ты мне срочно нужен! Когда уже ты меня найдешь?» — кинула я мысленный призыв своему вечному визави и наткнулась на глухую стену.

В тишине и молчании мы пошли вдоль реки. Присутствие этого навязчивого знакомого выводило меня из себя и дарило странное ощущение защищенности. Мажористый и

бесцеремонный. Знаю я таких. Сама могла бы быть в их компании, только никогда не считала, что деньги, власть и обстоятельства рождения дают право быть хозяином жизни. И не чье-нибудь, а моей. Снисходительные улыбочки и ухмылки, бросаемые периодически в мою сторону, раздражали, вызывая желание надавать тумаков или, в крайнем случае, устроить спаринг. Не привыкла я, чтобы на меня смотрели так высокомерно, так будто имеют превосходство надо мной. А эти раздевающие взгляды, фамильярные шуточки вообще верх наглости. Терпеть такое не могу.

Пока шла и крутила это все в голове, стала напоминать себе паровой котел: дотронься, скажи хоть слово — взорвусь, и мало не покажется, кто не спрятался, я не виновата, он сам пришел. При этом чем больше эмоций кипело в душе, тем более уравновешенной и спокойной я становилась внешне. Не к месту вспомнилось, как в классе пятом, выступая на школьном семинаре перед высокой комиссией из министерства, получила от директора характеристику: «А Белла, тут и говорить нечего — железная леди». Пришла домой вся зареванная и в слезах, ну никак не улыбалась мне роль Маргарет Тетчер. А вернувшись домой, услышала от отца рассказ о возникновении прозвища и посмотрела на это совершенно по-другому: если она смогла сделать из подколки, которой ее хотели уколоть и обидеть, огромный комплимент, то и я так смогу.

Когда огромный диск опустился за горизонт, мы наткнулись на первое поселение. Я рассчитывала, что первым будет маленький поселок, но нет, перед нами раскинулся огромный величественный замковый городок. Острые шпили, сложенные из темно-зеленого камня, сверкали в заходящих лучах местного солнца будто брильянты. Как замороженная шла я на этот свет, привлеченная красотой камня.

— Нам не стоит сюда заходить, — отдернул меня за руку этот Анбаран.

Осуждающе посмотрела на сильные пальцы, обхватившие мое предплечье. И выдохнула огорченно, отметив, что мое тонкое запястье в объятии его руки выглядит таким по-детски хрупким, что кажется, надави он сейчас чуточку сильнее, и я услышу характерный треск. Жуть.... Эта моя мнимая беспомощность, от которой моментально захотелось избавиться, породила желание резко выдернуть руку и тут же отпрянуть, едва не зашипев от раздражения. Вот только следовать желаниям не всегда самый лучший вариант поведения.

— Вам не стоит, вы и не заходите, — холодно отрезала я, бросая презрительно-предупреждающий взгляд на вцепившиеся в меня пальцы.

Рука тут же разжалась. И случилось непредвиденное:

— Извините, — пробормотал мужчина, так неловко, будто это было какое-то совершенно незнакомое ему слово, и он не уверен в правильности произношения, даже немного стесняется.

Подавила смешок в самом зародыше. Нельзя смеяться над мужчиной в такие моменты, мало ли какие комплексы разовьются у него потом на эту тему, все его последующие пассии по головке не погладят. И сама удивилась такому потоку мыслей, будто мне дело до них всех есть и до этого Анбарана в частности.

— Там может быть опасно, — продолжал увещевать меня тем временем сталкер, абсолютно не представляя, что за мысли вертятся в моей голове.

— Чем?

— Это призрачный город Кинкасат. В него можно войти и не выйти. Он неожиданно появляется в новом месте и так же неожиданно исчезает, никто не знает почему.

Чем больше он говорил, тем больше меня тянуло в этот самый Кинкасат. А в свете того,

что Ник обещал меня найти и пропал, желание поискать его в этом самом призрачном зеленом городе было непреодолимым. И я сделала шаг вперед.

— Да стой же ты, — снова хотел схватить меня за руку сталкер, но под моим взглядом его рука опустилась, так и не коснувшись моей. — Войдешь туда и можешь не вернуться. Никто не возвращался.

Может ли этот город быть порталом в мой мир? Задумчиво, рассматривала я каменные стены, и ожидаемо не находила ответа. Никакой тебе надписи: «Оставь надежду всяк сюда входящий»*, никаких предупреждающих знаков, лишь гостеприимно распахнутые ворота и чистая площадь, устланная темно-серым камнем, за ними.

Подошла ближе к воротам и замерла удивленно, узнавая в камне, используемом для строительства, зеленую хромовую слюду — вердит. Уж очень любила маменька всякие побрякушки из вердита. Ценила даже больше других полудрагоценных камней, считая способной выводить из организма вредные вещества и токсины, тем самым улучшая внешний вид и сохраняя красоту. И если я правильно помню его магические свойства, расписываемые мамой отцу, то он помогает отыскать верный выход при любых сложных, жизненных обстоятельствах. Символично. Наверное.

Именно эта мысль вымела из моей головы все сомнения, и я сделала шаг к видимой границе, за которой трава, превращалась в камень.

— Да куда же ты прешь? — кипя возмущением, оттащил меня от ворот мужчина.

Подняла взгляд, мечтая испепелить доставшего меня наглеца взглядом, и наткнулась на карие очи, пылающие огнем и светло-русую щетину на щеках.

— Ты кто? — желание убивать никуда не делось, лишь на мгновение спряталось под острым изумлением.

А он так и застыл, крепко держа в своих руках, вглядываясь мне в глаза и расплываясь в улыбке:

— Выходите за меня замуж, — так спокойно и обыденно, а в глазах восхищение, надежда и томительное ожидание. И мне на мгновение стало неловко, от того, что я внушаю кому-то такие эмоции.

Машинально улыбнулась в ответ, шокировано зависнув на этом предложении. В какой-то момент меня утянуло в омуты карих глаз настолько, что я невольно подалась вперед. Вдохнула непередаваемый мускусный аромат с нотками свежего морского бриза и залипла на губах, чувствуя, как тело поддается вперед в ожидании поцелуя.

Да не, нафиг. Чтобы собственное тело и предавало? Да, я даже в подростковом возрасте его хорошо контролировала, а тут давно уже не наивная девочка, а залипла. Того и гляди расплывусь розовой лужицей.

Моргнула, отгоняя наваждение, и остужая взбунтовавшееся либидо, выскользнула из сильных рук незнакомца и, неверяще покачав головой, на негнущихся ногах отошла в сторону.

И этот туда же! Что-то страшно становится от таких предложений.

У меня, что на лбу написано: «Ищу мужа» или где-то есть символ, вынуждающий всех встречных делать мне предложение? Ценник с биркой «Хватай по скидке, а то потом никаких денег не хватит на такой редкий товар!»?

Погасила нелепый порыв оглядеть себя в поисках этой самой надписи. Выдохнула. Совсем не смешно. Три года никто не решался, а тут три предложения за неделю. Бью рекорды!

* заключительная фраза текста над воротами ада в «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Трейнисер арх СКайдемантл

В глазах уже рябило от цифр, сводок и доносов. Откинув новую разработку артефакторов, Трей устало откинулся в кресле. Он никогда и никому не признается в том, что его сейчас беспокоило. И не просто беспокоило, сводило с ума. Эта трехнедельная тишина и гнетущее ощущение, что не хватает чего-то очень и очень ценного. Или точнее кого-то...

Будучи маленьким мальчиком, он постоянно ощущал свою ущербность. Нет, он ни в чем не был хуже своих ровесников, а в некоторых вещах даже превосходил их. Например, отсутствие в их с матерью жизни отца и взросление на улице привело к тому, что драться он научился чуть ли не раньше, чем ходить. И самое первое воспоминание было отнюдь не сладкое — он зубами вгрызлся в лодыжку того, кто заставлял маму плакать, а тот откинул его как какого-то щенка. Он и был щенком. Щенком, получившим тогда свой первый шрам, но защитившим женщину. Трей не помнил, что именно тогда произошло, но помнил, как они убегали ночью, и как мама плакала, повторяя, что он ее спаситель. Уточнять детали произошедшего не решился ни тогда, ни много позже.

Он рано научился воровать, прятаться, бегать и скрываться, добывая пропитание, которого им постоянно не хватало, а еще он безмерно восхищался матерью. О том, как нелегко избалованной принцессе пришлось выживать с новорожденным ребенком, Трей узнал много позже, а тогда его каждый вечер укладывали заскорузлые от постоянной стирки белья руки. Это сейчас у мамы они мягкие и нежные, а тогда...

Все изменилось, когда ему исполнилось семь, и их нашел поверенный деда. Империя меньше года, как восстановилась после нападения, в котором погибла вся правящая семья, и к власти вернулся прежний император. И как выяснилось, по совместительству его дед. Но узнал Трей об этом много позже, а тогда придя домой с очередной подработки, заметил рядом с мамой карателей в черных плащах и опрометчиво бросился ей на выручку. Естественно, был перехвачен мощной рукой и шокирован словами:

— Аккуратнее, Талромон, мы же не хотим навредить возможному будущему императору.

Его тут же отпустили, осторожно поставили на ноги и, поправив задрывшуюся было курточку со словами:

— Вам и Вашей маме ничего не угрожает, Ваше Высочество, — подтолкнули к женщине.

А та, раскрыв объятия, взлохматила его темные, как у отца, волосы и прошептала:

— Теперь все будет хорошо, Трей. Мы возвращаемся домой.

Но долго пробыть во дворце, который мама называла домом, не удалось. Спустя месяц они впервые расстались на несколько лет. Трей вместе со своими новоявленными друзьями был отправлен в закрытую академию десов. И как много позже понял Трей под прикрытием, так как все трое были записаны как десы Шиэллос.

В первый же день они втроем подрались со старшими ребятами так, что оказались в лекарском крыле. Там лежа в одиночестве в палате он впервые и услышал ее. Девчонку. Маленькую. Хрупкую. Плачущую. И впервые ему захотелось защитить и поддержать кого-то чужого, постороннего. Трей и поддержал, как мог, а мог он немного с учетом того, что их

разговор происходил мысленно.

Никогда и никому принц не рассказывал об этом общении. Парни не раз замечали, как он отрешается от мира, но, несмотря на их попытки вызнать тайну, делиться тем, что он общается с девчонкой, Трей не хотел. А еще он впервые чувствовал себя цельным, словно какой-то выпавший у него при рождении кусочек, вдруг отыскался совсем рядом.

И вот сейчас этот кусочек снова потерялся.

«Где ты, Бель?» — обеспокоенно стучала в его голове тревожная мысль.

И тут же пришел неслышимый ответ.

«Ник? Ты куда пропал? Почему я так долго тебя не слышала? У меня все хорошо, Ник. Не могу говорить сейчас. Потом», — от этих простых вопросов-упреков облегчение затопило настолько, что даже окончание разговора, не смогло погасить его улыбку.

«Ладно, обо мне можешь, не беспокоиться».

Этой ночью впервые за три недели он заснул спокойно.

** десы — аристократы, прямые потомки архов и местного населения.*

Следующий день прошел как обычно, за редким исключением: ближе к вечеру, Бель кинула в него фразой:

«Ник, я люблю тебя».

И он запаниковал, забеспокоился, а когда понял, что она попала в его мир и ни куда-нибудь, а в Элишдрис — священный лес предков, ничего не оставалось, как готовиться к поискам и выпрашивать разрешение у Предтеч.

А потом этот странный эрг, свалившийся Бель на голову. Нет, он прекрасно понимал, что для мужчины сделать предложение в такой ситуации привычное дело, но его Белочке? Да, он вызовет его на дуэль стоит только ему добраться до них. Убьет и закроет все долги жизни, но принуждать Бель к замужеству не позволит.

Вытребовать разрешение у Предтеч, оказалось хлопотным делом, а учитывая, что для этого пришлось полдня провести в Храме, отрешившись от всего и делясь помыслами, совсем не геройским. Но так уж повелось, что священный лес открывался только достойным. К тому моменту, как он получил разрешение, его отряд устал ждать, а Релутрас клонился к закату.

Увидев вздымающиеся в небо шпили Кинкасата, Трей пришпорил грифона, а его друг Зейн, его первая тень, вдруг телепортировался с места и что-то возмущенно говоря, перехватил девушку.

Слов Трей не слышал, но мерцающие искры в глазах девушки и ситуация, явно указывали, что друг флиртует. Нашел время!

— Что тут происходит? — гася вспыхнувшее было раздражение, спросил он, спешиваясь с грифона.

Двое охранников приземлились рядом, так же, как и грифон Зейна.

— Ух, какой красавец, — восхищенно воскликнула девушка и направилась к нему.

— Дея, ведите себя соответственно, — попытался он вернуть девушку в рамки приличий, пока она не повисла на его шее и не принялась восторженно причитать, как она готова на все ради него.

Но та словно не слышала, быстро подошла к его черному грифону, и неспешно протянув

руку, погладила над бровью. Именно там, где больше всего любил Дженеша. Тот курлыкнул и разомлев, прикрыл глаза.

Трей растерялся и разозлился, сам не понял на что больше: на то, что красавцем посчитали грифона и предпочли его принцу, или на то, что этого самого принца проигнорировали, или на то, что он теряет время вместо того, чтобы искать свою Бель.

«Бель, ты где?» — попробовал принц еще раз связаться со своей пропажей.

— Так, что здесь происходит? — спросил, так и не дождавшись ответов ни вербального, ни ментального.

— Рад вас приветствовать, Ваше Высочество Трейниксер арх СКайдемантл, — поздоровался с ними, словно очнувшись, третий участник происходящего беспорядка. — И нет, Зейндерград дес мей Сейлиат, Ибби не выйдет за вас замуж, она моя невеста.

Трей даже удивиться не успел, как оказался представлен этой взбалмошной особе, без своего на то высокого позволения.

Но девушка, будто не заметила этого, удивленно вскинув брови, вызываяще повернулась к Андру:

— Когда это я успела стать твоей невестой?

«Ник, черт тебя побери, ты мне нужен!» — долетел вдруг до него испуганно-возмущенный призыв Бель.

— Сейчас не время для ваших разборок, — так же холодно пресек выяснение отношений Трей.

«Где ты?»

«Стою у какого-то города, выясняю отношения с двумя болванами и одним высокомерным типом на черном грифоне».

Секунду Трей опешив не знал, что ему делать, но нарастающий в груди смешок, смешанный с облегчением, все же прорвался наружу:

— Знаешь, Бель, нельзя безнаказанно обзывать принца высокомерным, а его друзей высокородных десов болванами. Пусть даже и в мыслях.

— Это не обзывательство — простая констатация факта, — машинально ответила девушка, не замечая, что говорит вслух. Спустя миг пришло осознание: от удивления голубые глаза превратились в блюдца, и несколько минут она с каким-то напряжением что-то отыскивала в его лице, а потом решилась: — Ник? Я тебя не таким представляла! — и все же повисла на его шее.

Трей сжал ее в объятиях и поймал на себе злые взгляды двух лучших друзей.

Да, кажется, проблем стало только больше.

Анддендаар дес эрг Джанлуси

Да, что же ей все нейдет! Зла не хватает на эту красавицу. Целый день Анд тащился следом, и понять не мог, куда ее несет. Ему бы разобраться быстрее, вернуть Сумрака да отправиться к Трею с тем, что удалось разузнать, а он вынужден сторожить эту невидаль. А она еще идет так шумно и расслабленно, будто специально призывает всех хищников в округе. Вон уже полчаса за ними ползет рарш*, утром чуть не напала группка кордуков** (хорошо хоть недовольно бурчащий Сумрак решил за ними погоняться), а ночью чуть не съели косооголи***. И убивать ведь никого нельзя — священный лес как-никак, даже Сумрак подчиняется заветам Предтеч.

Наказание свыше, а не девчонка. Когда Анд только увидел ее утром и озадаченный

долгом жизни сделал ей предложение, он и не подозревал, что уже к вечеру этот самый долг жизни вернет. А ведь быть обязанным жизнью женщине это такая морока. Тот же легендарный Термир этот самый долг жизни семь лет пытался отдать, потом смирился с неизбежным и стал четвертым мужем орчанки, и даже за следующие сто лет возможности вернуть долг не представилось. Так и живет, следуя тенью за обязавшей его. И ведь ничего не предъявишь, опротестовать долг нельзя, отойти далеко от обязавшего не дает магия. Да, даже любовницу завести не получится, не зря до сих пор ходили побасенки про Термира и то, как он силу воли тренировал воздержанием. Вот и пользуются этим ушлые девицы. А что один раз спасла и мужа-раба на всю жизнь получила. И пусть он даже император, а пока долг не отдаст, магия отойти от нее не позволит. Хорошо хоть таких случаев единицы.

И вот надо же и ему не повезло. Да, еще кто обычная полукровка. Это потом он разглядел, какая она красавица, а когда увидел, как она магичит, даже не произнося заклинания, понял, что ему несказанно повезло. Маг, красавица, еще и с примесью эльфийской крови, что сразу говорит о высоком родстве. Такой невесте он и сам бы позавидовал.

Анд присмотрелся к девушке, пытаясь понять на кого, из тех нескольких семейств, что имели в роду эльфийские корни, она похожа, но как назло припомнить не мог. Хотя и мелькало, что-то в ее улыбке мимолетно знакомое, но что именно ухватить, никак не получалось. Ладно, прибудет во дворец, пересмотрит книгу рождений Высших и отыщет к кому идти свататься. А там родители точно приструнят красавицу. Уже не молода, чтобы так в девках засиживаться.

Увидев Кинкасат, удивился. Город появлялся раз в семь лет, и увидеть его считалось почти невозможным, а тут стоит с гостеприимно распахнутыми воротами.

Нужно будет сообщить Трею. Когда-то давно они втроем мечтали исследовать призрачный город и почти три месяца сторожили его появления, но тот появился всего на одну ночь, впустил одного мужчину и сразу же исчез. Они лишь разочарованно выдохнули, так и не разгадав величайшую загадку Нории.

Тогда семь лет назад их совсем не страшила возможность исчезнуть навсегда, а сейчас он поостерегся. И девчонку удержать попытался. Только никакие увещания на нее не действовали. Его она почему-то и слушать не хотела и смотрела так презрительно, будто он грязный мальчишка посмевавший дотронуться до ее платья.

Ну да, погорячился он тогда, когда она просила отвернуться. Так и получил же, так что до сих пор каждый шаг отзывается болью. Зато разглядел, какая она красавица знатная и он приложит все силы, чтобы она стала его.

Увидев Зейна и Трея, удивился, даже слегка растрогался. Надо же друзья беспокоятся так сильно, что прилетели его искать. Заковыристо представил друзей и девушку друг другу и чуть не растерзал принца, когда его Ибби повисла у того на шее.

Сначала Зейн ее хватает в объятия и делает ей предложение, а теперь и Трей туда же.

— Кажется, вы уже знакомы, — не удержавшись, скептически хмыкнул Анд, наблюдая, как аккуратно друг прижимает к себе хрупкое тело.

— Знакомы, — подтвердил принц. — Более того, Бель моя гостя и под моей защитой, — добавил он и выразительно посмотрел на друзей.

Те лишь слаженно кивнули.

— Тогда возвращаемся, — добавил Трей, немного отстраняясь от девушки.

— Ник, мне нужно туда, — кивнула головой на Кинкасат девица.

Несколько минут они стреляли друг в друга глазами, словно переговариваясь без слов, а потом принц кивнул:

— Ладно, идем. И называй меня, пожалуйста, Трей.

— Не Ваше Высочество? — кокетливо играя глазками, спросила, хитро улыбнувшись, девушка.

— Трея будет достаточно.

— Как скажете, Ваше Высочество, — опустила вниз глаза, корча из себя скромницу — ни дать ни взять дебютантка на первом балу, — Тогда и вы меня называйте Ибби.

— Договорились, — рассмеялся Трей и, подхватив ее под локоть, увлек в сторону города. — Оставайтесь здесь.

Ибби тоже рассмеялась, и ее звонкий смех прозвенел чарующим колокольчиком.

Переглянувшись с Зейном, последовали за смеющейся парочкой.

— Ты знаешь, кто она? — спросил у него друг, не отводя глаз от обтянутых тканью ягодиц девушки.

Покачал головой. И кто только ей позволил надеть мужские штаны? Станет его женой, будет носить только закрытые платья. Свое сокровище он будет прятать ото всех.

** огромные 10–15 метров змеи с двумя маленькими пятипалыми передними лапами, вес особи 200–250 кг*

*** кордук — хищные кошачьи, похожие на наших рысей, но значительно крупнее — 1,5–2 м. в холке, вес 75–90 кг.*

**** косоколь — саблезубые медведи, длина тела 2–2,5 м, вес 400–450 кг.*

Изабелла Фетисова

Зеленый город завлекал, завораживающе притягивал себе, напоминая сказку об обманутом магистратом Гамельна крысолове. Чувствовала себя одной из тех детей, что околдованные волшебной флейтой пропали в неизвестности. Но острое ощущение необходимости пройти в эти ворота, никуда не девалось, несмотря на вопящую об опасности интуицию. Ухватившись поначалу за руку Ника, я вскоре выпустила ее, переживая уже за то, что втягиваю его во что-то опасное. Но мою руку моментально вернули, и это было так привычно, по-родственному, что я невольно покосилась на наши сплетенные ладони и чуть не ойкнула от замеченного открытия.

Остановилась и принялась изучать мужскую ладонь. Ник тоже шокировано остановился рядом со мной:

— Ты чего, Бель?

Взглянула на него внимательно, выискивая знакомые черты на лице, но ничего похожего не виделось. Только руки — длинные тонкие пальцы пианиста, полукруглая аккуратная форма ногтей и, как изюминка, немного изогнутые к безымянному пальцу мизинцы — медиальная клинодактилия*, чтоб ее.

— Это с рождения? — спросила, все так же изучая его ладонь.

— Что? — удивился он, а потом, заметив мой пристальный взгляд, улыбнулся. — Малышка, у всех эльфов тонкие руки.

— Ты эльф? — продолжила удивляться я, пока рука сама тянулась к волосам, чтобы отыскать под ними ухо.

— Полуэльф, — поймал он мою руку почти в непосредственной близости от уха. — Уши лучше не трогать, они у эльфов эрогенная зона.

Вздрогнула, а ведь и правда. Вернула свою руку к своей голове и отодвинула прядь волос, прячущую левое ухо.

— Полукровка, — выдохнул Ник. — Ты не говорила, — добавил с каким-то странным упреком.

— Я не знала. Думала, это врожденная аномалия развития, как и мизинцы.

Ник поймал мою руку и посмотрел более внимательно. Вздрогнул, будто только что совершил какое-то открытие. Изучающе впился взглядом в мое лицо, а потом потянул меня подальше от заманивающего города.

— Мы куда? — изумилась я такому обращению.

— Во дворец. Нужно срочно кое-что уточнить.

— Что именно? — поинтересовалась я, останавливаясь возле черного грифона.

— Бель, — выпустил мою руку Ник, ероша свои волосы, — у эльфов не бывает дефектов в развитии. Да и полукровки рождаются очень редко. Только если род отца и матери одинаковые по силе, иначе наследуется кровь сильнейшего.

— Что ты хочешь этим сказать?

— В связи эльф и человек — всегда рождается эльф. Лишь через пару поколений, если остальные его дети пойдут по его стопам, проявятся человеческие гены и родится полукровка.

— То есть дед эльф, все остальные его потомки вступают в брак с людьми, и внук

получается полукровка? — уточнила я, пытаюсь притянуть школьные задачки в области генетики о доминантном, рецессивном наследовании. Тут речь шла, скорее всего, об аутосомно-доминантном наследовании.

— Чаше прадед, но мысль ты поняла, верно. Это верно для простых людей и совсем не работает с магами. Их кровь по силе равна эльфийской и полукровки рождаются уже в первом поколении.

— Я не понимаю, к чему ты ведешь, Ник, — растерянno пробормотала я.

— Трей, пожалуйста, — скривился он. — Ты уже не картавишь.

— Я и не картавила, — возмутилась я.

— Ну да, а твое Тлей, Тлеюшка мне приснилось, — фыркнул он, поддразнивая.

Не дождавшись от меня согласия, усадил в седло черного грифона, сам же устроился за моей спиной, по-хозяйски прижав меня к себе. В очередной раз удивилась своим ощущениям — не было неловкости, мурашек возбуждения, брезгливости, даже внутреннего протеста. Так словно он воспринимался частью меня, имеющей на вот такие объятия все права.

— Так к чему все сказанное тобой, Трей, — отогнала я зашедшие не туда мысли.

— К тому, что нужно вернуться и заглянуть в книгу рождений. Отыскать твоих родителей.

— Ты уверен, что они из вашего мира?

— Более чем, — покачал головой Трей. — Я даже догадываюсь, кто они.

Дальнейший путь прошел в тишине, я не возражала. Было много о чем подумать. О городе. Об уверенности, что войти мы туда должны вдвоем. О схожих ладонях и о догадке, что занозой засела в голове, но я усиленно отгоняла ее снова и снова. Не хочу надеяться, а потом разочаровываться в неоправданных надеждах.

Забыв обо всем, смотрела на проплывающие мимо мирные города, поля, леса, реки, вглядывалась в сумрачное небо и первые звезды, пытаюсь отыскать знакомые созвездия. Пока дыхание чуть не перехватило от восторга, засиявшего в ночи города. Светлые теплые огни домов, рассыпались нежными жемчужными бусинками, а в отдалении от них, на небольшой сколе, среди темной зелени листвы, отделенный сверкающей водной гладью реки, высился замок.

Несколько высоких жилых башен, которого украшенные крутыми четырехскатными крышами и многочисленными островерхими башенками из бутового камня, были так тесно прилеплены друг к другу, что с первого взгляда трудно различить, где заканчивается одно здание и начинается другое. Все башни отличались друг от друга стилем, строением, архитектурой и при этом имели что-то общее, небольшую черту, гармонично связывающую весь замковый комплекс воедино. Пересчитав светящиеся окна, чуть не присвистнула от удивления. В самой высокой из башен было восемь этажей, и еще два ряда окон располагались в крыше.

Грифоны между тем опустились на площадь, и я только сейчас заметила, что кроме нас с Треем за нами все время в отдалении следовали остальные. Три белых грифона опустились рядом с черным. Над головой совсем низко скользнула огромная черная тень и с нее легко спрыгнул мой преследователь, а я так и осталась стоять с открытым ртом не в силах вымолвить ни слова, всматриваясь в гибрид птеродактиля и дракона, парящего над моей головой.

— Идем, — дернул меня за руку Трей.

С трудом перевела полные восхищения и первобытного ужаса глаза на парня.

— Это эргон. Он не опасен, — ответил на невысказанный вопрос принц. — Идем, если бы Сумрак хотел пообедать тобой, то съел бы еще днем.

Успокоил, однако. Как бы то ни было, но за огромными гостеприимно распахнутыми дверями явно безопаснее, поэтому я ускорила и скоро смогла перевести дыхание в просторном холле.

— Ваше высочество, — начал было стоящий у дверей мужчина.

Но Трей его перебил:

— Комната готова? — и видимо дождавшись кивка, не стал задерживаться, таща меня за руку.

Я не сопротивлялась. То ли от шока, то ли от удивления. Даже когда Трей затащил меня в кабинет, за столом которого восседал седой презентабельный мужчина.

— Трей?

— Прости, что помешал, дед, но нам нужно срочно кое-что проверить, — говоря это принц, наконец, выпустил мою руку. Достал с одной из полок странную каменную книгу и, перехватив мою руку, провел ей по переплету.

— Ой, — отдернула руку я, машинально суя порезанный об острые края палец в рот.

Книга же сияла, переливаясь всеми цветами радуги, пока не открылась на одной из страниц с замысловатой вязью рун.

— Да, дела, — пробормотал Трей, и как-то беспомощно посмотрел на того, кого назвал дедом.

— Дела, — ответил тот, смотря на открытую страницу, а потом разглядывая меня с неприкрытым интересом вивисектора.

Попятилась, отступая к дверям, желая избежать моментального препарирования, но спина уперлась в чью-то каменную грудь, а когда я отпрянула, меня перехватили в объятия чьи-то руки:

— Отпустите принцессу, мей Сейлиат, — резко сказал старик и обвившие меня руки тут же отпустили.

Стало холодно, страшно и ненадежно. Повернулась и уставилась на отступившего от меня на почтительное расстояние кареглазого. Уловила странное разочарование в светящихся янтарным огнем глазах.

— Ник? — позвала единственного близкого мне человека и, поймав его злой, отрешенный взгляд, будто я была змеей, пробравшейся обманом в его замок, отпрянула.

Сделала шаг назад, пошатнулась, зацепившись за что-то, и рухнула, взмахнув руками и больно ударившись затылком о каменный пол. Послышался какой-то треск. Возникло ощущение падающего потолка, но внезапно все прекратилось, а меня ждало гостеприимно распахнувшее свои объятия забытие.

Вот тебе и первые сутки в новом мире.

** клинодактилия (от др. — греч. κλίνω — «наклоняю, сгибаю» + δάκτυλος — «палец») — врождённый дефект развития пальцев.*

Трейниксер арх СКайдемантл

Трей вздрогнул, отпрянувшая в панике Бель, поразила его. Жаль, он не смог сдержать эмоции и не показать ту боль и злость, что, видимо, отразились в его глазах. Неужели он так страшен? Но ужас в ее глазах был достаточно отрезвляющим. Рванул вперед, чтобы удержать

девушку от падения. Не успел. Поднял уже бессознательное тело, прижал к груди, пытаюсь успокоить панический страх и замедлить заполошно рвущееся сердце.

— Где ты ее нашел, Трей?

— В Элишдрисе, мы только что оттуда, — не стал скрывать правды от деда принц.

А вот с остальными признаниями стоит повременить, зная подозрительность старика после прошлых событий.

В кабинет вошел один из стражников и Трей поморщился. Когда дед успел пригласить его?

— Позовите Севирджа, пусть допросит девушку, — приказал император.

Принц вздрогнул от холодной властности его голоса. Да, у деда нет повода доверять Бель, но он не даст сестру в обиду. И внезапно стало все равно, кто ее мать. Это ему еще только предстоит выяснить, как и пережить неприятный разговор со своей матерью, разоблачая предательство мужа. Последнего Трею хотелось избежать, но это было невозможно — разве, что спрятать девушку где-то в казематах, а принц не был на такое способен.

— Не думаю, что это будет уместно, Ваше императорское Величество, я могу полностью поручиться за девушку, — долгая битва взглядов и дед, наконец, сдался.

Как бы то ни было, но и его ожесточенное сердце дрогнуло от возможности обрести внуку. Пусть и незаконнорожденную. Слишком мало СКсайдемантлов осталось в Нории и случись что-то с Треем — род оборвется.

— Оставьте нас, — повелительным жестом выгнал всех из кабинета император.

— Ты уверен, Трей? Она, как и ты, может претендовать на престол, а мы совершенно ее не знаем. Где она выросла, кто воспитывал ее все это время, чему учил? Ее могли вырастить враги и специально подослать, чтобы вновь оспорить власть.

— Не могли, дед. Я не буду сейчас рассказывать всего, это не моя тайна и честнее будет, если Бель сама с тобой поделится. Но я могу гарантировать, что твоей власти она не угрожает, а если захочет заменить меня в роли наследника, то я с удовольствием уступлю ей трон, — и он улыбнулся, внимательно изучая такие совершенные черты девичьего лица. И вспоминая, как Белочка в детстве рассуждала про бедных принцесс и несчастных принцев, которые всем и всегда должны.

Наблюдая за внуком, император не упустил ни щемящей нежности на лице кронпринца, с которой тот смотрел на сестру, ни озорных ямочек на щеках. Покачал головой, если внук так уверен в девушке, значит, знает о ней больше, чем поведал. Что ж ему остается только довериться.

— Отнеси сестру, Трей, я приглашу лекаря, — задумчиво пробормотал он, думая о том, как сложно придется невестке, так и не пришедшей в себя после утраты своего истинного.

По дороге принц растерянно пытался придумать, что же сказать матери. Как не обидеть ее этим известием о предательстве любимого мужчины? А ведь они с Бель родились с разницей в один день, и, значит, отец изменял маме уже после свадьбы. Даже ему при мысли о возможной измене и лжи отца, которого он никогда не видел, было больно. Как же вынесет это преданная жена? Жена, ни на миг не забывающая своего мужа. А если мама не примет Бель, сможет ли он выбрать между ними? Оставить Бель, у которой никого нет в этом мире, или маму, для которой он свет в окошке?

Лекарь уже ждал в подготовленной для гостыи изумрудной комнате, и Трей лишь усмехнулся, осознавая, что нужно отдать распоряжения насчет комнаты в семейном крыле.

Но сначала, он обсудит все с мамой. Нельзя позволить ей узнать такие новости от посторонних.

— Я не нашел серьезных повреждений. Девушка измождена, но больше эмоционально, чем физически. Видимо, совсем недавно пережила травмирующие события и еще не оправилась. Я приготовлю успокоительное и снотворное. И..., — лекарь замялся и Трей, приподняв бровь, кинул требовательный взгляд, вынуждая продолжать, — нужен кто-то, кто поможет стабилизировать потоки. Желательно мужчина.

Под пристальным взглядом Трея, лекарь смутился.

— Что вы хотите этим сказать? — гася злость, спросил принц.

— У нее началась запоздалая инициация дара, и если рядом нет никого из родных, способных перетянуть часть потоков, то только...

— Я понял, — отрезал Трей, не давая договорить лекарю. — Свободны.

Добавлять что-либо не стал, и одного взгляда было достаточно, чтобы тот осознал всю необходимость держать язык за зубами. Не зря же он уже пятый год был придворным лекарем и доверенным лицом императора, заменив старика Канитара.

Оставив Бель под защитой своего магического щита, отправился к матери. Чем раньше он ей все расскажет, тем раньше его перестанет тревожить ее реакция.

— Мама, — постучал он в комнату принцессы Асгерис.

И та тут же открыла, будто ждала его.

— Ты еще не спишь? — удивился Трей, зная материнскую любовь к ранним подъемам.

— Да, не спится. Предчувствие, — пробормотала принцесса.

Трей вздрогнул, рассматривая залегшие тени под глазами молодой и красивой блондинки. Задумался, не зная, как начать разговор, но так и не придумал:

— Я нашел сестру.

— Сестру? — взволновано переспросила женщина и тут же суетливо подскочила, заметалась. — Где она? С ней все в порядке? Идем к ней!

— В изумрудной комнате, — ответил шокированный такой скоропалительностью матери Трей, вынужденный чуть ли не бегом бежать по коридорам.

— Девочка моя, — прошептала принцесса Асгерис, добравшись до комнаты и разглядывая черты спящей девушки. — Что с ней? — спросила тревожно.

— Просто устала, — ответил Трей и тут же добавил, придавая словам весомости: — Лекарь ее осмотрел.

— Так похожа на бабушку, — казалось, не слыша его, прошептала принцесса.

— Ты знаешь, кто ее мать? — удивился Трей.

Асгерис вскинула задумчивые глаза на сына, изумляясь его вопросу.

— Конечно, сынок.

— Нам нужно ее найти, у Белочки инициация.

— Не нужно, Трей. Мы уже всех нашли. Теперь наша девочка с нами и мы ей поможем.

— Наша? Мам, я безумно рад, что ты так легко восприняла это известие, но...

Принц силился подобрать слова, но они как назло не приходили на ум. И где эти уроки риторики и дипломатии, когда они так нужны?

— Трей, сын, приглядишься внимательно к ней, — попросила мать, и он вынужденно взгляделся в тонкие черты лица девушки. — Посмотри на этот нос, рот, разрез глаз, едва заметную ямочку на подбородке. Я могу поклясться, что когда она улыбнется, у нее будут отцовские ямочки на щеках.

— Да, она похожа на отца, не сильно, но...

— Нет, Трей, она, как я уже сказала, похожа на бабушку. На мою бабушку. Не знаю, что ты надумал сын, но эта девушка твоя сестра. Вы должны были родиться вместе в один день, но при родах я потеряла сознание, а когда очнулась, со мной рядом был только ты. Я не знала, что думать. Но в одно верила всегда — малышка жива. И сейчас я вижу тому подтверждение.

— Но ты не говорила..., — растерянно взъерошил волосы принц.

— Зачем? Зачем тревожить мальчика вестями о том, что у него была сестра? Твой дед до сих пор ищет Тейна, и если бы девочка была жива, он бы непременно наткнулся на нее.

— Но дед тоже не знает?

— Никто не знал. Ты знаешь, что значит двойня в королевской семье. Магическая двойня. Вы же оружие друг против друга, а вместе сила, с которой никому не совладать. Мы с вашим отцом решили скрыть все до вашего рождения.

— Беременность близнецами ставила тебя под угрозу, — пробормотал Трей, понимая, что у родителей были все основания так поступить. — И нас.

— И вас, — как эхо повторила женщина, поглаживая руку его сестры.

Изабелла Фетисова

Меня преследовал один непрекращающийся кошмар. Я мерзла, горела, умирала от нестерпимой боли, сходила с ума от непреходящего желания, выныривала на краткий миг из безудержного ужаса и снова погружалась в невыносимую боль, молотом раскалывающую мои мозги. Тело давно превратилось в желе, мысли просто отсутствовали, их заменили странные выворачивающие душу картинки.

Только сильные руки, удерживали меня на месте, когда тело выгибало судорожной болью. И голос, засевший в голове, настойчиво требовал вернуться какую-то Белочку.

— Этого недостаточно, — скрежетал, словно заевшая пластинка старческий голос, повергая меня в новую пучину кошмара. — Она умирает. Связей мало, и они рвутся.

— Что вы предлагаете? — спрашивал кто-то голосом клоуна из «Оно», издавая те же противные смешки.

«Терпеть не могу клоунов», — брезгливо кривилась внутри меня маленькая девочка и пряталась дальше от противного голоса.

А когда к нему добавился предлагающий поиграть Чаки со словами:

— Найти истинного, — я чуть не взвыла.

— Ей это не понравится, — добавил знакомый голос, не единожды выдерживающий меня из тьмы, и я потянулась к нему.

К голосам добавился запах гари и дыма, и я закашлялась, теряя сознание.

Позже пришло ощущение полета. Я куда-то летела на огромном неправильном птице-драконе с огненными перьями. И, кажется, визжала от восторга, рассказывая про американские горки.

Глаза резал свет, такой яркий, что разглядеть что-то было нереально. Перед глазами все кружилось, словно я как в детстве вертелась, играя в «кого, хочешь, выбирай».

Меня напугали неожиданно окружившие меня кривые зеркала. Я будто попала в комнату смеха. Никогда не могла понять, что в кривых зеркалах смешного? А потом я что-то в них увидела, какую-то тень и мне это не понравилось. И я была их, вспоминая очередной ужастик.

Кошмары закончились полетом — я парила в свободном падении, падая с огромной высоты. Вспомнив про парашют, дернула за кольцо, удивляясь тому, что основной не раскрылся, принялась за запасной, но и он тоже не сработал. Мне было не страшно, потому что ветер дул так сильно, что я стала серфить на воздушных потоках, а когда снизу поднялась огромная волна, и серф понес меня в сторону земли, захлебнулась от восторга. Уже вылетая на берег, чуть не врезалась в отвесную скалу, но была перехвачена зеленой лианой. Упала на траву и принялась счастливо хохотать, окруженная кучей пушистых комочков. Они ластились, мурлыкали, тыкались носами, как маленькие котята, а я ничего не могла поделать — только гладить и смеяться с умильных мордочек. В какой-то момент мысль о нашем скором расставании так опечалила меня, что я проснулась вся в слезах.

— Тише, тише, уже все прошло, — погладил меня кто-то по голове, а я вжалась в надежное мужское плечо и зарыдала еще громче.

— Они... их..., — сбивчиво пыталась я объяснить всю суть постигшего меня горя, но

так ничего и не сказала.

Выпила, подsunутое горькое лекарство и заснула глубоким сном.

Проснулась резко. Просто села на кровати и огляделась. Ничего знакомого в окружающей меня обстановке не было. Подхватившись, бросилась к окну и на мгновение застыла от безоблачной голубизны неба и безмятежной зелени леса.

— Бель?

Повернулась на мужской голос. И замерла, разглядывая зеленоглазого красавца брюнета с ямочкой на подбородке и чувственными губами.

— Ты меня напугала, Белочка, — и такое непередаваемое облегчение было в его голосе, что я невольно вздрогнула.

— Ник?

— Узнала, значит? Может, и помнишь, где ты?

Покачала головой, в которой было сравнительно пусто.

— А что помнишь?

Недавние события встали перед глазами — врач в белом халате, «мы ничего не могли сделать», кладбище, черный катафалк, длинная заунывная речь священника, люди, что-то говорящие, обнимающие, сующие что-то дрожащие руки, ком земли брошенный на крышку гроба...

— Похороны.

— Да.... Дела, — тянет протяжно парень, который существует только в моей голове.

— А я это место не таким представляла, — призналась я, оглядывая помещение в поисках мягких стен и белых потолков.

— Какое место? — черные брови удивленно поползли вверх.

— Психушку. Нет, я читала, что частные располагаются в старых зданиях, но все равно.

— Что? — еще больше опешил парень, а брови уже почти доползли до кромки волос.

Занимательно, но у меня есть дела поинтересней:

— Покажешь, мне комнату с мягкими стенами? А с другими пациентами познакомишь? А электрошок у вас есть? А смирительные рубашки? А почему на окнах нет решетки? А вдруг я летать захочу? А к доктору проведешь или только после таблеток? Чур, мне синие, красные не хочу, — забалтывала я парня, осторожно приближаясь к двери.

Обойдя его, выглянула в коридор и полетела вниз по лестнице: «Ну, матушка, я тебе покажу, как меня в дурку отправляют!». Странно, пока я проносила мимо, люди меня задержать не пытались и одеты все были как-то подозрительно, что еще больше сбивало с толку. Розыгрыш? Или это где-то снимается на камеру, чтобы в суде предъявить доказательства моей полной невменяемости и недееспособности?

Вылетела во двор огромного замка. Никаких машин. Ничего похожего на современную больницу. Огромная тень накрыла меня, а когда я подняла голову, увидела большую птицу с четырьмя массивными кошачьими лапами. Съемки фильма? Если галлюцинации, то теперь они какие-то уж очень реальные.

— Осторожно! — крикнул кто-то, а потом меня перехватили и чуть не уронили, сбивая с ног.

Посмотрела на прекрасного принца с карими глазами и щетиной на щеках.

— Замуж не пойду, — почему-то сразу предупредила я, и уплыла в темноту, пообещав себе вынырнуть в реальности при более благополучных обстоятельствах.

Второе пробуждение было осознанным. Я мало того, что помнила все, я еще и откуда-то знала больше, чем положено.

Размышляя, окинула взглядом комнату, отмечая мысленно, что это не та, в которой я просыпалась ранее. Что-то неуловимое в отделке и мебели давало мне понять, что комната находится в семейном крыле. Я будто ощущала беспокойство и любовь, с которой тут подбиралась каждая вещь.

С мебели взгляд сместился на вытянувшего на кровати полностью одетого соседа. Поддавшись порыву, прикрыла глаза, мысленно всматриваясь в него. Чувство, что глаза для меня стали лишними, накрыло с головой. Вспомнила мальчика, которому когда-то в школе упростила папу купить слуховой аппарат. Я так радовалась за друга, а потом с неделю слушала жалобы на то, что звуков сильно много и они мешают ему. У меня же сейчас перед закрытыми глазами было бесконечное множество красок, цветов, нитей, сполохов, а стоило только открыть глаза, и я видела мир не таким ярким, замутненным.

Рассматривала брата (а я откуда-то точно знала, что он мой брат) закрытыми глазами и видела маленького прячущегося грязного мальчишку, укравшего кусок хлеба. От удивления распахнула глаза и поймала внимательный взгляд зеленых очей:

— Ты жил на улице?

Трей несколько минут задумчиво смотрел на меня, а потом словно решившись довериться, кивнул. А я в какой-то момент успела поймать желтое сияние его доверия, яркое и теплое как солнечные лучи.

— Это тайна, но да: я родился и жил на улице до того, как дед нас нашел.

— Хорошо, — кивнула своим мыслям, смиряясь с осознанием, что вижу прошлое. Интересно, все или особо яркие событие? — Часто воровал? — задала нетактичный вопрос, но тут же пошла на попятную, заметив темные вспышки перед внутренним взором. — Не отвечай, это не важно.

Принц грустно улыбнулся, а меня затопило черным цветом застарелой боли:

— Один раз. Попался, высекли.

Короткие резкие слова, доклад о прошлом, а за ними трагедия маленького мальчика. Сколько ему тогда было? Пять-шесть? Шрамы на спине до сих пор напоминают о тех событиях. Протянула руку и провела по плечу, там, где кончик плети, загнувшись, оставил след:

— Я могу их свести, — пробормотала, уверенная в своей силе.

— Не нужно, это позволяет мне не забывать, что не все рождаются в золотой колыбели.

— Что случилось с нашими родителями?

— Отец исчез за пару дней до нашего рождения, мама вырастила меня.

— А я? — спросила тревожно и немного обиженно.

— А ты? — он запустил ладонь, ероша густые волнистые волосы, и я замерла, отмечая, что у брата нет моей проблемы — он не ушастый. — Мама не помнит, что случилось с тобой. Когда она пришла в себя, рядом с ней был только я. Она помнила о тебе, но к твоим родам была так слаба, что потеряла сознание и думала.... Думала, что ты умерла.

— Она не искала меня?

— Не было возможности, — признался, сразу же оправдывая мать, Трей, — а когда появилась... Дед ищет до сих пор.

— Меня? — удивилась я.

— Отца. И других кровных родственников. О том, что будет двойня, мать и отец никому не говорили. Только лекарю и доверенным слугам.

Почему-то мысль, что кто-то узнает о том, что я существую, вызывала тревогу, поэтому я тут же поспешила уточнить:

— Кто-то знает?

— Нет. Все, кто знал, уже давно мертвы, — скривился принц, и я вдруг поймала волну раздражения.

Хлопнула глазами, пытаюсь прочесть и понять больше, но мне это не удалось. Хотя... Что тут размышлять, принц притащил девицу во дворец, кем она может быть, если не фавориткой?

— Хорошо, — качнула я головой, соглашаясь со своими мыслями и не обнаруживая в них ничего зазорного.

— Хорошо? — широко открыв глаза, тревожно спросил непонимающий Трей.

Рассмеялась, осознавая, что, если не знать мои мысли, и выглядит все не очень, будто это я сама приказала убрать всех посвященных в тайну.

— Хорошо, что никто не знает. Не хочу быть принцессой.

— Но как? Ты не можешь отказаться.

— Братик, ну тебя учили быть принцем всю сознательную жизнь. Ну, или почти всю, — поморщилась, вспоминая маленького беспризорника. — А мне день на новое платье и все — ты принцесса. Я же вас опозорю. Ничего не зная, ничего не умея. Мне учиться нужно и не просто там географию и историю, а менталитет понять. В отношениях разобраться. Вон меня в первый день дважды замуж позвали, и это простую девчонку, а что дальше будет?

— Простую бы не позвали. Ты маг, Белочка. Сильный маг. И да, ты права — дед уже строит матримониальные планы.

— Вот, пусть не строит. Я не для того сбежала со свадьбы в своем мире, чтобы выйти замуж в этом. И если у вас, как и у нас, жениться по любви монархам не положено, то я отказываюсь быть принцессой, — поставила в известность брата о своих планах.

— Я же говорил деду, — кивнул, улыбаясь своим мыслям Трей. — Я пришлю тебе служанку и за завтраком все обсудим. И, Белочка, я рад, что ты моя сестра.

— Можно подумать, — фыркнула я. — Не боишься, что я выболтаю все твои секретки? Расскажу о твоей любви к тайным ночным похождениям?

Он рассмеялся легко и так знакомо, щёлкнул пальцем по моему носу:

— Но и я могу выболтать твои, малышка. Например, про парня, от которого ты сбежала в окно, — по мере того, как Трей вспоминал этот рассмешивший нас случай, брат мрачнел, а я расплывалась в улыбке. — Убью! — взревел вдруг он.

— Он в другом мире, Треюшка, — подразнила я брата. — К тому же я сама его неплохо проучила.

Но брат лишь поморщился. Надо же. Знать, что кто-то посмеялся над простой девушкой пусть и твоей подругой так, что ей пришлось драться и сбежать в одном белье в окно — это одно, можно и самому посмеяться, а знать, что это твоя сестра, совсем другое. А ведь ничего страшного не произошло, все как обычно — студенческая общага, пьяные студенты, девушка, на которую поспорили... Поморщила нос. Не самое приятное воспоминание, приятным его именно Трей сделал, а я тогда была на грани истерики.

Живот заурчал, и я обрадовано застонала — погружаться в пучину своего незакрытого

гештальта породившего кучу комплексов не хотелось.

— Кормить меня будут? — спросила, с радостью меняя тему разговора.

— Я пришлю служанку, — подскочил с кровати Трей, у дверей повернулся и неожиданно признался, — знаешь, я однажды тоже чуть было на девчонку не поспорил, а потом вспомнил тебя и подрался со спорщиками.

Улыбнулась ему:

— Папа любил повторять: все, что ни делается, к лучшему, а все пережитое нужно нам, чтобы мы стали теми, кем нам предназначено стать, и мы обязаны научиться, быстро понимать, что жизнь хочет нам сказать своим уроком, а то будем снова и снова получать от нее на бобы, пока не дойдет.

— И ты поняла, к чему был тот случай?

— Конечно, — улыбнулась я. — Каждый тянет одеяло на себя и лишь немногие захотят укрыть тебя в холодную ночь. Их особенно нужно ценить. Я люблю тебя, братишка, и я рада, что могу сказать тебе это, а не «ты мой самый лучший друг, Ник».

— И я теперь не твой лучший друг? — скорчил обиженную физиономию принц.

Не удержавшись, встав на цыпочки, поцеловала в заросшую щетиной щеку.

— Лучший и будешь самым-самым лучшим, если покормишь-таки свою маленькую боевую подругу.

Рассмеялась, полностью поддерживаемая громко протестующим против голодовки желудком.

— Н-да, похоже, прекрасных принцесс нужно кормить, — поддержал мой смех Трей. — А то внутри у них просыпаются рычащие драконы.

— Не просто нужно, а жизненно необходимо, Ваше Высочество. Неужели вы еще не поняли, что лестными речами сыт не будешь, и оголодавшая принцесса может запросто пообедать принцем? — поиграла бровями и, вытолкав брата, закрыла дверь.

Шуточные пикировки — это хорошо, но все же голодно.

Явившаяся девушка представилась Сарой и целый час потратила на то, чтобы сделать меня достойной присутствовать за завтраком с императором. Я же пока она вертела меня, как куклу, надевая громоздкое платье, расспрашивала про дворец, страну и императора. И в принципе все, что могла спросить, не выдавая из себя иномирянку.

Узнать ничего не удалось. На все мои вопросы девушка пренебрежительно фыркала, и я переключилась на братца. Итак, я в Нории, на западном материке Цефлай, в империи Маркон, и ее столице Лактум. Нашего деда зовут Салазар арх СКсайдемантл и он вернувшийся к власти император. Двадцать лет назад за несколько дней до нашего рождения императором был наш дядя Раэттиат арх СКсайдемантл. Наш отец был пятым в очереди на престол, так как у старшего брата Раэта на тот момент было уже двое малолетних сыновей: Ретрелек и Киирит, средний брат Аркилун только собирался жениться. Наш отец Джартейнрин был третьим сыном и жил не во дворце, а в удаленном замке.

События, перевернувшие жизнь империи, произошли на свадьбе среднего брата Аркилуна. Прямо посреди празднования разверзлись порталами небеса и из них высыпали чудовища. К вечеру горсткой магов, бывшая столица была взята под защитный купол, а на утро все ее жители растворились, словно их никогда и не было.

Наша мать, принцесса Асгерис на свадьбу не попала чудом — с утра стало тянуть живот и, хотя отец хотел остаться с ней, она настояла на его присутствии. За что и винила себя потом неоднократно. Запахи и шум так раздражали ее беременную, что и остановились они в тайном домике почти у городской стены с горсткой преданных слуг и охраной.

Когда началось нападение, Грэм верный друг отца в первую очередь решил спасти Асгерис и вывез ее за город, переодев служанкой. Едва они оказались в относительной безопасности за городскими стенами, мать послала стражников с Грэмом на поиски отца. Сама осталась дожидаться их возвращения с кучером и служанкой. Но утром жители города исчезли, мужчины не вернулись, и они решили возвращаться в родовой замок.

Уже почти добравшись до замка, почувствовали запах гари. Кучер отправился на разведку, а дальнейшие события превратились в кошмар. Проезжавшие мимо воины нового императора устроили на них со служанкой охоту. И только то, что началась снежная буря, и мать на сносях показалась легкой добычей, уберегло нас троих. Потому что зимний лес, повинувшись эльфийской магии, укрыл принцессу. Через пару дней блужданий в снежной выюге, родились мы. Когда вымотанная родами Асгерис очнулась, на плаще в специальной выемке укрытый снежным сугробом лежал только первенец. Младшего ребенка не нашлось нигде. Несколько дней Асгерис искала ребенка и не хотела выходить из лесу, пока не встал вопрос: чья жизнь важнее — живого сына или потерянной дочери, и тогда мама решила выходить к людям. Обессиленную и еле дышащую принцессу подобрала травница, выходила и оставила у себя до весны.

У травницы они прожили почти четыре года, пока старушка не умерла. Похоронив знахарку и надежды найти дочь, мать обосновалась в ближайшем городе и устроилась на работу прачкой. И жили они так, пока их не нашел дед, свергнувший нового императора и разобравшийся с заговором. Только вот понять, куда делись несколько тысяч человек до сих пор так и не удалось.

На мой вопрос, почему деда не было на свадьбе? Трей объяснил, что в путешествии у

деда неожиданно схлопнулся портал, и он только чудом избежал смерти. Хотя его и выбросило не туда. Путь домой занял пару лет, а когда добрался и все узнал, дед принялся действовать — карать за смерть близких. Вернув доступ во дворец, активировал родовой артефакт и по крови нашел Трея. Узнав, что есть один выживший, дед не прекращает поиски, и по сей день.

— А почему меня артефакт не нашел? — спросила я уже спускаясь с Треем по лестнице.

— А ведь и правда! — хлопнул себя по лбу мой старший брат. — Нужно обсудить это с дедом и магами. Но думаю, это объясняется тем, что твои магические способности были не активны, пребывали в спящем режиме.

— Но если так, то где-то в хрустальных гробах вполне могут спать все наши родственнички, — предположила я, вспоминая сказку о спящей царевне.

Трей хотел что-то ответить, но лакей услужливо отворил перед нами двери, пропуская нас в малую столовую, в центре которой был сервирован стол человек на тридцать.

— Наследный принц Трейниксер арх СКайдемантл, — начал представление лакей, а я дернула Трея за руку:

«Я не твоя сестра. Доверься. Потом расскажу», — мысленно предупредила я, корча умоляющую физиономию.

Трей что-то нашептал лакею, а я успела поблагодарить местные обычаи и их длиннющие зубодробительные имена, когда услышала новую версию своего:

— Изьябелиндора арх Фетис, — гордо оповестил всех лакей.

Грозно сверкнула глазами на проказу брата, мысленно рисуя виселицу и отрывая ему руки-ноги. Услышала такой же мысленный смех в ответ, и решительно вдохнув полную грудь воздуха, сделала шаг вперед.

Ну, здравствуй, дом, милый дом!

Первый шаг оказался самым сложным, но это было только начало. Выросшая в многомиллионном городе я терпеть не могла толпу и шумные компании. А тут все и сразу — три десятка пар глаз, застывших в ожидании твоего неверного шага, жеста, движения. Осуждающих. Презрительных. Я лишь крепче сжала руку братца и улыбнулась ему обольстительной улыбкой, в мыслях рисуя себя идущей по красной дорожке в шикарном платье с обалденным мужчиной за призом в номинации «Человек года». Не знаю, что дальше пошло не так, так как двигалась я с упорством ледокола и под лозунгом: «Вижу цель — не вижу препятствий», но изумленно-шокированные шепотки все громче звучащие тут и там, и выросшее передо мной препятствие в виде массивной спины брата, вынудили притормозить и оглядеться. И даже восторженно присвистнуть от увиденного.

Зал стал действительно сказочным — украшенный яркими огнями, композициями из цветов, лент и свечей. К обеденному столу вела красная ковровая дорожка, расстилающаяся прямо у нас под ногами. Брат был облачен в белый смокинг с кокетливой красной розочкой в петлице, черные брюки и высокие сапоги. А я... Я ступала в потрясающем изумрудном атласном платье в пол. Полностью закрытом. Лишь кружева на рукавах и зоне декольте, которую так щедро хотела оставить открытой служанка и струящаяся по изгибам при каждом движении ткань, смущали пристальный мужской взор.

Выдохнула полностью довольная собой, и слегка подтолкнув в спину опешившего Трея,

с его помощью устроилась за столом. По левую руку от него в непосредственной близости от трона, напротив Трея сидела молодая и красивая женщина, в которой я сразу же узнала неоднократно описываемую мне братом принцессу Асгерис. Она качнулась мне на встречу, но так и осталась на месте, под предостерегающим взглядом брата.

«Больше так не делай», — укоризненно прозвучал в голове голос брата.

«Как?», — удивилась я, оглядываясь по сторонам и выискивая свои возможные промахи.

«Не создавай иллюзий. Я понимаю, что тебе сложно контролировать свой дар. Но, сестренка, нельзя демонстрировать свои силы так очевидно», — читал мне лекцию Трей, отвешивая дежурный комплимент своей соседке справа.

«Как тебе это удастся?», — не удержалась от вопроса я, вспоминая однозадачность всех знакомых мне мужчин.

«Практика, Белочка», — но договорить пусть и мысленно Трею не дал вошедший в столовую император.

Все поднялись и склонили свои головы. Я послушно повторила за всеми, но не удержала глаза в пол и открыто улыбнулась императору. В душе разливалось незнакомое тепло:

«А ты красавица», — прозвучал мягкий голос, и будто ласковая рука пробежала по голове, ероша волосы.

«Всегда мечтала о деде», — промелькнула мысль.

И тут же услышала раскатистый смех. Кинула быстрый взгляд на совершенно спокойного императора и удивленно подняла бровь.

«Кажется, это семейное», — пробормотала я мысленно, почесывая подбородок.

«Не кажется!», — шикнули мне с обеих сторон.

— Как вам наш дворец, леди арх Фетис, — начал непринужденную светскую беседу император.

— Ооо, он очень величествен и впечатляющ, Ваше Императорское Величество.

— Буду рад показать вам все тайные закутки после завтрака.

— С удовольствием приму ваше приглашение, Ваше Императорское Величество, — мысленно гримасничая, расшаркивалась я перед дедом.

— Оставим формальности, можете называть меня просто император Салазар, Изьябелиндора.

— Тогда вы можете звать меня просто Иззи, мой император, — кокетливо ответила я, мысленно поднимая полный бокал.

Император хмыкнул и переключился на принцессу Асгерис. Я же наблюдая за переговорами этой парочки, пыталась понять, почему император стал мне дедом с первой улыбки, а Асгерис так и осталась далекой и недостижимой принцессой. А ведь она была рядом, пока я болела, ухаживала за мной, заботилась, а я ей даже не улыбнулась. Сердце затопило чувство вины, и я улыбнулась женщине напротив. Так и не решив, злюсь я на нее или просто не могу довериться женщине.

— Чем вы собираетесь заниматься дальше, Иззи? — спросил меня мужчина, слева от матери и я с удивлением узнала в нем своего жениха номер один.

— Не знаю. Мне так много хочется узнать, посмотреть, что я, наверное, отправлюсь в путешествие, если Треюшка составит мне компанию.

Упомянутый мной Треюшка, чуть не подавился, и мне пришлось вежливо постучать его по спине.

«Не называй меня так!», — мысленно потребовал принц.

«Да... Тлеюшка гораздо лучше звучит», — подразнила я, смеясь, серьезного братца.

Ну, вот как им с дедом удастся сохранять каменно-равнодушные маски? Я так не умею!

Что ж буду учиться. И это наталкивает меня на мысль:

«Я буду учиться магии!» — громко оповестила я о принятом решении деда и брата.

И впервые за утро заметила, как застывшая гримаса полнейшего безразличия, сменилась тревогой и беспокойством.

«Что? Что не так?», — недоуменно спросила я.

«Понимаешь, Белочка, — вкрадчиво начал Трей, — у нас есть только несколько мест, где учат женщин».

«Позволь, угадаю: послушанию, покорности, почтительности и умению вести дом», — пробормотала я, вспоминая монастыри и пансионы из земной истории.

«Почти, но магии учат только мужчин. Это боевая академия Корвернок, на одном из островов на юге Касата».

«Ух-ты! Это же просто замечательно. Не люблю девчонок с ними так... скучно»

«Принцесса не может учиться в Корверноке», — категорично перебил дед, слушающий нашу мысленную перебранку.

«А я не принцесса!», — злясь на гендерное неравенство этого мира, отрезала я.

«Белочка, но там учеба невыносима. Поверь, я знаю, самому скоро туда возвращаться».

«Жизнь в принципе невыносима. Не зря же говорят, что если бы мы заранее знали, что нам предстоит пережить, никто бы не согласился родиться. Знания и умения, Трей, это сила и власть, а для моей безопасности, тем более в роли принцессы, они нужны вдвойне. Неужели, так сложно купить мне мужскую одежду, представить меня твоим хиляком-кузенком и позволить мне узнавать новое?», — умоляюще посмотрела на брата, а потом перевела такой же щенячий взгляд на деда.

«Я подумаю», — хмыкнул император.

И я, мысленно ликуя, принялась выплясывать победный танец, активно размахивая цветными помпонами.

«Что это?», — спросил Трей, когда очередная девица в непозволительно короткой юбчонке, сделала сальто и растянулась в шпагате.

«Группа поддержки».

«Они почти обнаженные», — возмутился брат.

«У нас все так ходят», — пожала плечами я.

«И ты?», — ноздри Трея гневно раздувались, а губы складывались в натянутую улыбку, с которой он отвечал соседке. Та видно чувства самосохранения лишена не была, потому что отпрянула от улыбающегося принца, напрочь забыв о флирте.

Дальнейший завтрак прошел в тишине и без эксцессов под задумчивое молчание деда и медленное закипание Трея, что все еще варился в идеи моего поступление в академию. Я же предусмотрительно молчала, давая им возможность все обдумать и решить. Знала, что при здравом размышлении они сами оценят эту идею. Потому что представлять меня в обществе сейчас без знаний опасно и для них и для меня. А уж, какая очередь из претендентов на лакомую наследницу выстроится, знала по собственному опыту. И пусть миры разные, но желание урвать дополнительный кусочек власти через брак с наследницей остается неизменным.

Хватит, мне двух сорвавшихся помолвок на всю жизнь. И если первый раз меня в себя

влюбили, притворяясь тем, кем не являлись, то второй раз и вовсе собирались выдать замуж под какими-то таблетками. А тут наверняка есть какие-то привороты или другие магические штуки. И в ловушку попасть без должных знаний раз плюнуть. То ли я думала сильно громко, то ли мужчины пришли к тому же решению, но я неоднократно ловила на себе сосредоточенный взгляд императора и слышала, как постепенно утихают эмоции Трея.

Улыбнулась этим своим мыслям, поднимая глаза от тарелки, и наткнулась на пристальное внимание Анда и спокойно-задумчивый взгляд Зейна. Растянула улыбку шире, подмигнула, торжествуя поднимая бокал. Анд скривился так, словно подавился лимоном, а Зейн приветливо улыбнулся в ответ.

Император отложил приборы:

— Благодарю всех, кто разделил со мной трапезу, мне было очень приятно ваше общество, — церемонно поблагодарил стайку придворных император и, не выслушивая восторженные ответы, кинул: — Трейниксер, жду тебя с твоей гостьей в своем кабинете, — и удалился.

Мы с принцем поднялись из-за стола, вежливо поклонились и отправились догонять императора.

Уже знакомый мне кабинет встретил меня радушно распахнутыми дверями, сделав шаг, хотела продолжить свой внезапно прервавшийся осмотр, но не получилось. Меня сгребли в объятиях и прижали к широкой груди.

— Здравствуй, счастье мое, — бесцеремонно приподняв мой подбородок, повертели лицо из стороны в сторону: — Красавица. Копия своя эльфийская бабка. Знаешь, я ведь был влюблен в нее, в красотку Амреси. И ты хочешь, чтобы я отправил тебя в этот рассадник озадаченных парней, в котором они учатся умирять плоть? И ладно бы просто парни. Но там же сплошь и рядом одни принцы, элита нашего мира.

— Вот и ладненько. Узнаю будущих возможных мужей с неприглядной стороны, — высвободилась я из объятий. — Что? Рань или поздно, но вопрос о браке незамужней принцессы встанет, а мезальянса никто не допустит. Сказки о Золушке хороши только в сказке и совсем не хороши, когда Золушка — мужчина.

— Почему? — удивился наслышавшийся в свое время от меня сказок брат.

— Потому что мужчинам нужно самоутверждаться, быть лучшим и покорять галактику. А пришедшего во дворец нищего каждый будет тыкать в его незавидное происхождение и в то, что только благодаря жене до него снизошли избранные. Выдержат такой прессинг единицы, большинство либо сопьется, либо будет тиранить жену. Я же не готова это проверять и еще меньше готова быть свидетелем падения любимого мужчины, — пояснила я, устраиваясь в удобном кресле.

— И все равно, я против, — возразил Трей, нависая надо мной.

— Трей, ну ты и правда хочешь, чтобы я училась в пансионе благородных девиц? И чему меня там научат? Танцевать? Так это не проблема у меня за плечами семь лет танцевальной школы, покажешь нужные па и все вопросы решаться. Играть на музыкальных инструментах? Мне медведь на ухо наступил еще в детстве. Ты же помнишь мою эпопею с желанием играть на скрипке?

— Это когда ты оборванной струной чуть глаз учителю не выбила? — усмехнулся брат, вспоминая мою истерику по этому поводу.

— Я не специально. Просто нельзя так с детьми: дать инструмент и запретить разбирать, — пожалала плечами, кто ж знал, что единственные крутящиеся штучки — колки, как я потом узнала, крутить нельзя.

— Учат там не только этому, но и умению вести хозяйства, поддерживать светскую беседу и многому другому, — прервал наше углубление в воспоминания император.

— Ваше императорское величество, у меня за плечами Оксфорд — один из старейших университетов нашего мира, и думаю, в некоторых вопросах я найду, чем удивить даже ваших советников. Поймите это не прихоть взбалмошной девчонки, это взвешенное решение. Я ничего не знаю о вашем мире, и все что мне остается — это учиться тому, что другие постигали всю свою жизнь. У меня есть небольшое преимущество — рассказы Трея о мире, но чтобы чувствовать себя уверенной мне нужно образование. И будь у вас смешанные школы, вопроса бы вообще не стояло, — сказала и выдохнула, впервые задавшись вопросом, почему это стало так важно.

Полгода назад, когда отгремели экзамены, и я переступила последний раз порог альма-матер, экстерном получив диплом бакалавра, возвращаться к учебе я не собиралась. Корпеть

снова над учебниками, проводить бессонные ночи за написание очередной курсовой мне хотелось меньше всего. И вот теперь я сама же рвусь в самую гущу академической жизни и муштры. А то, что там будет муштровка, я даже не сомневалась. Какая военка обходится без тренировок до седьмого пота, механической дисциплины и бессознательного заучивания различных приемов? Но ведь элиту войск учат не только этому? Да, и Трей говорил о Корверноке как о магической академии, а значит мне нужно туда.

— Допустим, ты попадешь в Корвернок и мы представим тебя моим кузенком, но тебя же загнобят за то, что ты полукровка. Уши не спрячешь! — продолжал увещевать меня брат.

— Ну, прости, что отцовские гены все потратились на тебя, а на мне отдохнули, позволив вырасти ушам, — привычно, даже немного механически, огрызнулась я.

— Иззи, мы же можем просто пригласить во дворец учителей, — прекратил вспыхнувшую было перепалку император. — А если ты не хочешь жить во дворце, можешь пожить в любом семейном замке.

— В изоляции? И как я социализируюсь? — скептически фыркнув, откинула я вообще-то очень разумное предложение императора. — И все же лучше — Бель. Привычней, — искренне улыбнулась я деду, смягчая резкий выпад.

— Почему тебе так хочется в Академию?

— Не знаю, — призналась я. — Мне хочется научиться себя защищать — я не привыкла быть слабой. Хочется уметь управлять своей магией — она пугает меня. Хочется познакомиться с новыми людьми, а я не умею дружить с девочками. Сколько себя помню, всегда была заводилой в группе парней. Да, и на элиту этого мира посмотреть хочется, сбить спесь с некоторых снобов, — ухмыльнулась. — А еще я боюсь расставаться с Треем, мне кажется, что мы должны быть вместе, потому что грядет что-то, с чем мы по отдельности просто не справимся.

Император слушал внимательно, не отводя своих пронизательных зеленых глаз от моих голубых. Дослушав, постучал пальцами по столу, выбивая какой-то одному ему знакомый ритм.

— Ладно. Ты маг иллюзии, как я уже успел увидеть, да и артефакт смены облика в сокровищнице есть. С этим проблем не возникнет, и даже уши скроем, — усмехнулся он своим мыслям. — Но если кто-то узнает, что принцесса Маркона, училась с мужчинами..., — не договорил, скривился, но и его недосказанности было достаточно, чтобы я поняла: проблемы будут не только у меня, но и у империи.

— Спасибо-спасибо, — радостно визжа, обняла деда, кинув победный взгляд на Трея.

— Дурочка, я же тебя защитить хотел, ты себе не представляешь тот ад, в который ввязалась, — поморщившись на мою искреннюю радость, покровительственно признался брат.

Я лишь улыбнулась торжествующе: знаю я ваших, напридумывают проблем только бы девочки их игрушки не трогали.

Радостное предвкушение не оставило меня и, когда я вылетев из кабинета, не дожидаясь брата, рванула на поиски библиотеки. Мне не терпелось узнать так многое, а у него наверняка есть какие-то дела, проблемы, да и личная жизнь. Поэтому вырвавшись из кабинета, попросила лакея застывшего у двери показать дорогу. Тот пристально на меня посмотрел, презрительно хмыкнул и совершенно невежливо ткнул пальцем.

Хмыкнула в ответ. Ну и ладно, мы не гордые и сами найдем, а тебя мил человек я

все непереносимо запомню. Улыбнулась, злорадно прищурившись, чем ввела в ступор бедного лакея. Бредя запутанными коридорами, задумалась над его реакцией: это он так испуганно на мою гримасу среагировал или улыбка от девушки тут настолько страшная вещь, что как взгляд медузы Горгоны обращает в камень?

Моя глубокая задумчивость как всегда имела болезненные последствия для головы. Остановилась, потирая рукой стукнувшийся о дверной косяк лоб. А где это я? Куда делись высокие потолки, магические огоньки на стенах и разрисованные светлым узором стены?

— Леди арх Фетис? Что вы тут делаете? — удивленно окликнул меня бархатный голос. Подпрыгнула от неожиданности и тут же застонала от боли, на этот раз удачно приложившись макушкой об нависающий каменный потолок.

— Кто так строит? — прошипела возмущенно, потирая ушибленное место.

— Позвольте.

Мужчина развернул меня к себе, отнял мои руки от головы, и раньше, чем я успела возразить или воспротивиться такому самоуправству, провел раскрытой ладонью чуть выше моих волос. Этот жест неожиданно отозвался тысячей покалываний, будто между моей головой и его рукой мелькали разряды статического электричество.

— Еще болит? — спросил растерянную меня кареглазый.

Прикрыла глаза, прислушиваясь к себе, и вынуждена была признать, что боль прошла.

— Нет, — пробормотала я, открывая глаза и оторопела: взгляд наткнулся на полные, чувственные губы правильной формы и торчавшие в разные стороны короткие щетинки темно-русой бороды. Даже не бороды, скорее легкой небритости. Непозволительно близка, настолько, что я машинально облиставшись, подалась вперед в неконтролируемом желании провести по ним языком. Осознав это, отпрянула от него как от огня и снова стукнулась головой. На этот раз видимо для симметрии затылком.

— Осторожней, — предупредил мужчина, пока его рука снова снимала боль, запуская поток мурашек по моей голове.

Фыркнула, понимая всю абсурдность этого ощущения. Говорят, желание рождается от прикосновения к коже, а он даже не касался меня. Шаманил что-то в непосредственной близости, стоя на расстоянии не менее полуметра. И, тем не менее, вторгся в мою зону комфорта. И ощущения при этом были какие-то странные, непривычные. Видно сильно я головой стукнулась.

Эта мысль отвлекла меня от подсчета морщинок под глазами мужчины. Выразительных морщинок, свидетельствующих о том, что этот объект женского внимания еще и любитель посмеяться. Только сейчас его глаза были совершенно серьезны, смотрели на меня внимательно, сосредоточенно. А в потемневшей радужке разгорался огонь. И сбившееся дыхание щекотало кожу. Как? Как ему это удастся? Почему я ощущаю его так, будто он дышит мне в шею, а не шумно выдыхает, раздувая ноздри, почти на расстоянии вытянутой руки?

Хотела покачать головой, скидывая наваждение, но не рискнула. Мало ли. Вдруг тут еще есть стены желающие познакомиться поближе с моей буйной головушкой.

— Где мы? — задала я вопрос, озадаченно оглядывая помещение поразительно похожее на склеп. Или на подземелье.

— В закрытой части дворца. И мне очень интересно как вы сюда попали, леди арх Фетис? — потребовал ответа мужчина, запуская между нами поток холодного отчуждения.

Дышать стало легче. Нет, определенно, если он еще сделает шаг назад, то я смогу,

наконец, перевести дыхание.

— А вы? — тут же откликнулась я, вспоминая, что лучшая защита — это нападение и лучше укусить, и извиниться, чем позволить кому-то обидеть себя.

Заинтересовано вскинула бровь, всем видом демонстрируя ожидание ответа.

— У нас тут тренировка с принцем, — оскалился в улыбке мужчина и отступил-таки на тот злополучный шаг.

Вдохнула полную грудь воздуха и чуть не задохнулась от запаха сырости и плесени. Это что я еще и запахов не ощущала, пока он стоял рядом?

— Проводите меня к принцу, лорд, — потупив глаза в каменный пол, попросила я.

Лицо мужчины перекосило от сдерживаемой ярости. Высокий лоб прорезали горизонтальные морщинки. Длинные пальцы скользнули к моей руке и жестко впились в плечо:

— Что вас связывает с принцем, леди? — грубо процедил кареглазый, притягивая меня к себе.

Шикнула, от прострелившей плечо боли под цепко впившимися пальцами:

— А это не ваше дело, лорд, — окинула презрительно-требовательным взглядом руку мужчины и спокойно озадачила: — Отпустите, вы делаете мне больно.

Блондин, недоумевая, посмотрел на свою руку. Так, словно это была не его рука, а совершенно чуждая ему часть тела, действовавшая на собственное усмотрение.

— Извините, я не хотел, — сбивчиво пробормотал он, пока его рука, разжавшись, запускала новые потоки целебных искорок между нами, устраняя возможные синяки.

— Не стоит, — отдернула я свою руку, чувствуя, как по телу быстрой стайкой проносится очередной поток возбужденных мурашек.

Отступила, сделав шаг назад.

— Думаю, мне не следует оставаться тут. Буду признательна, если проводите к принцу. Нет? Что ж... просто покажите, как отсюда выбраться, — обхватив себя руками, выжидательно взглянула прямо в карие глаза.

— Я провожу, леди. Следуйте за мной, — церемонно поклонился мужчина и, сделав шаг, стремительно направился в нужном направлении. Так будто ему не терпелось быстрее избавиться от ненужной доуки.

Сердце захлестнуло иррациональной обидой. Да, что со мной не так? Почему у меня на этого нестерпимого типа такая реакция? Неужели, это, правда, что женщина определяет потенциального партнера за десять секунд и я еще там, у города выбрала его? А может все-таки домыслы британских ученых? А этот огонь в крови следствие гормонального сбоя и того, что кто-то так и не лишился девственности, дожив до глубоких сединок?

До зала мы шли так быстро, словно за нами гналась кучка приведений с вампирами за компанию. Ну, или кто-то спешил унести ноги от стукнутой на всю голову меня. Мне даже любопытно стало, а его предложение еще в силе или он уже передумал отдавать мне руку и сердце? На этой мысли стройный ряд моих рассуждений сбился, и я задумалась над философским вопросом: почему именно руку и сердце, когда на деле в большинстве случаев мужчины предлагают совершенно другое и второй орган в этом участвует очень редко? С рукой ладно, там все вроде бы понятно, а сердце точно нужно заменить.

То ли коридоры вышли длинными, то ли заданный кареглазым темп был для только что очнувшейся меня сильно быстрым, но в зал я прибежала немного запыхавшись. И так и застыла с открытым ртом на входе, потрясенно уставившись на средневековый бой на мечах. Не просто бой, а магический — перемежаемый красочными вихрями, яркими вспышками, разноцветными фаерболами и сковывающими цепями — удивительно красивое, полное радужных красок шоу.

«И опасное для маленькой беззащитной меня», — падая на пол, как заправский солдат в случае обстрела, констатировала я.

— Бель! Что ты тут делаешь? — ошалело спросил принц, подбегая ко мне и поднимая меня на ноги.

— Библиотеку ищу, — отряхивая невидимую пыль, буркнула я, продолжая создавать видимость занятости.

— В подземелье? — еще больше поразился братец. Хотя куда уж больше?

— Там, куда меня послали, — выпалила я и, решив, что двум смертям не бывать, а одного рассерженного брата как-нибудь переживу, подняла глаза.

— Кто послал? — грозно свел брови нахмурившийся принц.

— Лакей, но я могла и заблудиться, — отмахнулась от вспыхнувшего желания настучать на презрительно-фыркающего слугу брату: мстить я предпочитала сама и верила, что месть — это блюдо, которое лучше подавать холодным.

Брат внимательно посмотрел на меня, так пристально, что я смутилась, и махнул рукой своему противнику:

— Я прервусь. Провожу Бель в библиотеку.

— Не нужно, — пошла на попятную я, вспоминая, что академия-то не просто магическая, а еще и боевая, — я бы не отказалась потренироваться, а еще лучше... спарринг? — умоляюще посмотрела на Трея, строя щенячие глазки.

Принц скептически посмотрел на меня, кинул оценивающий взгляд на мое вечернее платье:

— В этом?

— Нет, почему же, — сосредоточенно закрыла глаза, представляя свое кимоно с черным поясом. Удовлетворенно фыркнула, когда открыв глаза, обнаружила, что все удалось на славу: — В этом.

— Даже так...

Несколько мгновений принц изучал мои босые ноги, а потом махнул рукой, приглашая в центр зала. Шагнула по каменному полу, расстроенная отсутствием татами. И, как и на завтраке с беговой дорожкой, они сами собой материализовались под ногами.

— Ваше высочество, вы не можете..., — вмешался в мои передвижения блондин, вырастая стеной между мной и принцем.

— Поверь мне, Зейн, очень даже могу, — усмехнулся брат.

«Ты что его приворожила? Он уже, какой день ходит сам на себя непохожий», — мысленно поинтересовался Трей

«Угу, пристал как банный лист».

«Какой лист?»

«Липучий. Не отвлекайся. Лучше убери эту стену».

— Отойди, — добавил принц требовательной властности в свой голос и Зейн тут же подчинился, делая шаг в сторону.

Отошел немного и замер настороженным хищником в засаде, готовым ринуться в бой при первой необходимости.

«Это он что? Меня защищать собрался?» — восторженно пролетело в голове.

Заметила насмешливую улыбку подслушавшего Трея, и затихла в ожидании очередной колкости.

«Тебя-тебя, ты же у нас маленькая, слабенькая, беззащитная»

«Не нужно меня защищать. Я девушка самодостаточная», — поклонилась, традиционно приветствуя противника.

«Самодостаточная?» — уточнил принц незнакомое понятие, уступая мне право первого удара.

Терпеть не могу, когда так делают, предпочитая контратакующий стиль. Даже в шахматах всегда выбираю черные — выжидая и наблюдая за противником.

«Трей, ты можешь остановить на скаку коня и войти в горящую избу?»

«Могу», — удивленно отвечает принц, подозрительно щуря свои зеленые глаза.

«Вот и я могу, только делать этого не буду, потому что для этого есть специально обученные принцы», — задорно подмигнула довольная проказой и тут же сделала выпад, проводя первую серию слитных взрывных ударов.

Отпрыгнула от противника, соблюдая дистанцию. Уклонилась от выпада, согнувшись, ушла от удара в живот, провела неудачную подсечку и нанесла акцентированный удар в челюсть.

— Упс, — остановилась выжидательно кружа вокруг нахально лыбящегося Трея.

Тот, потеряв челюсть, ухмыльнулся мне, сделал обманный выпад вперед и ловко провел незамеченную мной подсечку, повалив меня на татами. Стремительно вывернувшись из захвата и, вскинув ноги, ножницами обхватила талию брата, переводя драку в партер. Молниеносно перекатившись, рывком встала напротив Трея, ожидая пока он поднимется.

А дальше все завертелось, закружилось в стремительно хороводе. Принц больше панькался со мной, не жалел, наносил удар за ударом. Настолько быстрые, что я не успевала, уходить от них. Да, и сам Трей пропустил уже парочку.

Колотили мы друг друга долго, постепенно теряя силы. В какой-то момент, мой кулак влетел брату в солнечное сплетение, заставляя сердце тревожно вздрогнуть.

— Трей? — прерывая бой, позвала я согнувшегося вдвое брата. — Ты как? Позвать лекаря? — уже паникуя, спросила, моментально приближаясь к недавнему противнику.

Принц смеясь, резко разогнулся и, проведя подсечку, опрокинув на пол, навис надо мной.

— Я победил! Видела бы ты себя сейчас, — довольно заржал он. — Испугалась, что

покалечила наследника и теперь голова слетит с плеч?

— Дурак, — обиженно оттолкнула брата, пытаясь унять отголоски тревоги и страха поселившиеся в душе.

Встала на ноги и сосредоточилась на том, чтобы вернуть обратно платье. Вернула, только не то, в котором была, а громоздкое нечто, напыленное на меня служанкой.

— Позвольте я посмотрю, леди арх Фетис, — прервал мои попытки обзавестись комфортной одеждой Зейн.

Мужская рука застыла над открытым вырезом декольте, не прикасаясь, двинулась вдоль него, стирая уже наметившийся ниже ключиц синяк, и замерла у виднеющейся ложбинки между поднятыми корсетом полушариями. Дыхание тут же сбилось, судорожно сглотнула, пытаясь унять выпрыгивающее сердце, не к месту вспоминая о том, что пахну я сейчас не лучшим образом. Рука сдвинулась правее, перебираясь на правое плечо, а мне отчаянно хотелось ее перехватить и прижать к груди, позволяя себя ласкать. Пытка недоприкосновениями длилась недолго, но все это время я ошарашенно ловила мурашки проснувшегося либидо и пыталась унять парящих в животе бабочек.

— Вот и все, — хрипло пробормотал мужчина и отступил на шаг.

Я же, обрета неожиданную робость, комкала пальцами пышную юбку, боясь поднять глаза.

— Ты чего притихла, Бель? — подходя к нам ближе, спросил брат. — Ударилась? — заволновался он. — Зейн, что-то пропустил? Где болит? — умильно волновался он, попадаясь в свою же ловушку.

— Попался! — заливисто засмеялась, пряча за смехом искорки вспыхнувшего возбуждения и едва сдерживаемого желания.

Следующие несколько дней превратились в череду утомительных занятий с братом и в попытки избежать встреч с двумя несостоявшимися женихами. И если в первом был хоть какой-то прогресс, то во втором меня будто специально сталкивали с ними лбами. Только встречи с Андом проходили вежливо отстраненно, а с Зейном...вести светские разговоры было архисложно. В каждой фразе, в каждом слове мне чудился эротичный подтекст, пошлая недоговоренность и двусмысленность. Вся моя воля и выдержка превратилась в натянутую струну — дерни чуть сильнее и нападку на мужчину, повалю его с ног и приступлю к развратным действиям сексуального характера. Кошмарное наваждение какое-то...

Не выдержав пытки, пожаловалась брату, предусмотрительно умолчав имя объекта моего преследования. Тот внимательно выслушав, пригласил лекаря, а потом и деда. В итоге вынужденная соблюдать целомудренность принцесса обзавелась еще одним артефактом, приглушающим влечение. На мой вопрос о взбесившемся либидо мне туманно ответили, что я достигла магического совершеннолетия и именно поэтому мне пора замуж.

Что такое это самое пресловутое совершеннолетие я уже подробно изучила в книгах — неконтролируемый магический резонанс с наиболее подходящим и выбранным магией партнером. Вот только в этом мире это редкое и даже необычное явление, потому как девушек отдают замуж раньше, а связав свою жизнь с мужчиной, они теряют возможность резонировать с кем-то кроме него. С мужчинами все, как и в нашем мире, — они полигамны, кроме того случая, когда связывают свою жизнь с резонансным партнером,

тогда вся страсть заикливается на паре.

Из всего прочитанного уяснила одно — магия сделала выбор за меня и выбрала мне в мужа подходящую кандидатуру. Я же позволить себе опрометчиво влюбиться не могла. Хватит, проходили. Это больно и гадко, особенно когда тебя предают или будущий муж вдруг оказывается не тем, кого ты себе вообразила — розовые очки бьются с треском и осколки часто попадают в глаза. Поэтому я снова, как и пару лет назад, повторила свое обещание быть осмотрительной и не доверять первому встречному. Жалела я лишь об одном: в этом мире сохранение девственности было необходимо для рождения детей. Только тот мужчина, с которым проведет свою первую ночь девушка, может стать отцом ее детей и то лишь тогда, когда первая ночь пройдет после церемонии благословения.

В общем, права свободного выбора девушек просто лишили — зажал в углу благородную леди и все она лишена возможности рожать, а мужчина может спокойно жить дальше, правда тоже без детей — магия и их сурово карала за неосмотрительность. Даже посочувствовала местным парням, влезла какая-то девица в постель, скрыла факт девичества и все — обречен умереть без наследников. И как они только еще не вымерли?

Детей я не хотела. Пока. Настолько, что даже мелькнула мысль, а может ну его все: пушусь во все тяжкие, то, что я принцесса осталось в тайне — тень на императорскую семью не брошу, зато разгуляюсь... Но потом вспомнила немногих знакомых женщин сделавших аборт и жалеющих о последствиях. И решила, что потерплю. В конце концов, я разумный человек, а не животное, и сила воли у меня точно есть. Вот, сказала себе, что ни в кого не влюблюсь, значит, не влюблюсь. Нечего отвлекаться на всякие глупости, когда нужно учиться.

На фоне этих размышлений и знаний, я осознала причину гендерного неравенства — ехать в оплот тестостерона и магических резонансов, теперь казалось мне не потрясающей идеей, а сверхъестественной опрометчивой глупостью. Но признаться в промахе и идти на попятную, выбирая учебу в отдаленном поместье, не хотелось. Поэтому последние перед отъездом сутки я провела в библиотеке, отыскивая способы помочь мне уберечь девичью честь в окружении сотни-другой мужчин.

Этому пусть и немного, но способствовала слышанная от одной из папиных знакомых фраза: нет одному — нет никому, а там, где побывал один — можно и другим. Вот такое оно военное братство. Честно, проверять на практике не хотелось, решила положиться на ее опыт все-таки полковник ВДВ, ей видней.

Утомившись, так и заснула сидя в облюбованном закутке библиотеки, склонившись над раскрытой книгой.

— ...поспорили..., — ворвался тихий восторженный девичий шепот, прерывая мой сон, — мей Сейлиат....

— ...шлюшку принца... эрг Джанлуси, — визгливо вторил ему второй.

Поморщилась от этого режущего звука. Прислушалась, но голоса уже удалились. Впрочем, услышанного было достаточно, чтобы вытравить из меня остатки недавнего сна. Поспорили, значит. Зейн и Анд. Маг и Всадник. И объектом их спора стала «шлюшка принца», то есть я, единственная и неповторимая. Что же касается смысла сути спора, то, наверное, все так же тривиально, как и в нашем мире: кто быстрее соблазнит и добьется взаимности.

Глубоко вздохнув, шумно выдохнула. Успокоилась, взяв себя в руки. Разочаровываться в людях, которым симпатизируешь всегда больно, особенно если ты ничего от них не

ожидает, кроме доброго отношения. Зато отрезвили от всяких сожалений и поползновений в сторону объектов личной заинтересованности.

Что ж, ребятки, вы заранее проиграли, потому что «шлюшки принца» не существует, а когда мы снова встретимся, я уже буду его младшим кузенком. А я, так уж и быть, уберегу нас всех от потери возможных отпрысков.

С этими мыслями отправилась искать брата, нужно было кое-что изменить в транспортировке меня в академию, так как отправляться с этими двумя представителями мужского рода, я не хотела. Да, и придется скрыть исчезновение «шлюшки», отправив ее в какой-то таинственный особняк.

В Корвернок мы с Треем явились по отдельности, чтобы как можно меньше привлекать внимание к новенькому первокурснику.

Согласно новым документам я была Изигардом арх СКайдемантл, двадцатилетним троюродным кузеном своего старшего брата. Голос тоже изменился — став грубее. Моя внешность претерпела гораздо меньше изменений — немного заострились черты лица, но остались такими же утонченными, немного подросла, но все равно осталась ниже брата, чуть шире стали плечи, исчезла небольшая грудь и стали уже бедра. Понимала, что это всего лишь иллюзия, но все равно восхищалась, видя в зеркальном отражении своего брата-близнеца.

— Вот таким красавчиком ты должен был родиться, Трей, — подразнила я брата, — а ты не удался.

— Можно подумать, я тебе таким не нравлюсь, — с самодовольной усмешкой ответил принц, откидывая кудрявые локоны с лица. Вздохнула, если наш отец хоть немного похож на этого brutального мачо, то понятно, почему принцесса в него влюбилась. Я бы тоже влюбилась, несмотря на иммунитет против красавчиков. Одни зеленые глаза чего стоят.

Выйдя в порталном зале Корвернока, я немного растерялась, попав в толпу двух десятков молодых парней в изысканной одежде. Все красавцы с благородными чертами лиц, в которых сразу чувствуется породистость. Куда там австралийским пожарникам — тут опыт многовековой селекции и улучшения человеческого генофонда налицо.

— Яркого света, адепты! — раскатистым басом поприветствовал нас мужчина в черной форме.

— Сегодня ваш первый день в академии, и я не буду сильно строг, но всем явившимся во фраках, десять отжиманий, — и пока растерянные принцы соображали, я упала на пол. — Шустрее, что вы как принцески? Упали и отжалась, — вышагивая по залу, оповещал он нас о новых правилах жизни. — С каждой минутой промедления, количество отжиманий растет. Тут у вас нет титула, привилегированности и папы короля, который вас защитит. С сегодняшнего дня я для вас и мама, и папа, и все мои распоряжения вы будете выполнять беспрекословно и без задержек.

— Вам особое приглашение нужно, адепт? — рявкнул мужчина, на одного из задержавшихся принцев, — Двадцать отжиманий! Не заставляйте себя ждать, как девица в первую брачную ночь!

— Запомните, любая задержка в исполнение приказа это наказание, — продолжить вещать магистр, так и не удосужившись представиться. — Мое терпение лучше не испытывать! — пророкотал он, мыском тяжелого сапога ударяя по рукам задерживающего всех принца, так, что тот носом пропахал пол.

— Подчиняетесь вы только мне или ректору. Вы поняли, адепты? Вопросы есть?

— Никак нет! — нестройным хором громко проорали мы.

— Отлично. Следуйте за мной.

— Быстро занимайте комнаты. У вас полчаса до построения, — резко озвучил он, оставляя нас в коридоре с двумя десятками одинаковых дверей.

Сделав несколько шагов, вошла в первую. И застыла, радуясь небольшой, но полностью моей комнате. Кровать, стол, стул, тонкий шкаф в углу — вот и вся мебель. Аскетично, что

тут скажешь. За еще одной дверью обнаружилась душевая кабинка, раковина и унитаз.

В шкафу неожиданно нашлась форма и в памяти всплыли братское напутствие переодеться сразу по прибытии.

Заскочив на пару минут в холодный душ (о горячей воде тут видимо не слышали), быстро облачилась в новую форму, удивляясь тому, как подстраивается под мои параметры ее размер.

Завопила сирена и я, не задерживаясь, вышла в коридор, встала по стойке смирно у двери, ожидая приказа.

— Самый умный? — вкрадчиво спросил магистр, подходя ко мне впритык.

— Никак нет, магистр, — безэмоционально отпартовала я.

— Ваше имя, адепт? — он приблизился ко мне и осмотрел с ног до головы.

— Изигард арх СКайдемантл, магистр! — вытянулась я, удерживаясь от бесшабашного порыва отдать честь и посмотреть на вытянутое лицо магистра.

Красивое, еще довольно молодое лицо, лет сорок не больше. Такое выразительное, что я невольно засмотрелась. В синих глазах мелькнуло презрение, тонкие губы искривились в усмешке, черты разом утратили привлекательность. Больше не сказав ни слова, мужчина отошел от меня. Не сдержавшись, выдохнула облегченно.

— Построиться в ряд! — приказал он и рядом со мной вдоль стены, прямо перед прохаживающим по коридору магистром, быстро вытянулись по стойке смирно остальные адепты. — Меня зовут, магистр Роелк Ироам. Обращаться ко мне магистр или магистр Ироам. Всем все ясно?

— Так точно! — неуверенно выдали мы.

Хотя никому ничего ясно, как я поняла, не было. Мне, например, точно непонятно куда делись уже привычные три буквы в имени: дей — указывающие на простолюдина, дес — на аристократа, эрг — на всадника эргона, мей — мага, арх — на принадлежность к королевскому роду.

— Не слышу!

— Так точно! — громче прокричали мы.

— Отряд Зеро! Следовать за мной! — скомандовал он, и мы почти строевым шагом последовали за магистром.

Даже название у отряда вышло соответствующее, хотя в этом мире «зеро» означало новичков, но и наше значение этого слова недалеко от него ушло. Лишь пережив первый семестр, отряд заслуживал право выбрать себе подходящее название, как и адепты имя. А пока я была номером пять, если верить цифрам на двери моей комнате.

Следующий час превратился в бесконечное: «Стройся! Равняйся! Смирно! Держать строй!». Нам выдали книги, показали полигон и столовую, а потом отпустили в свободное плаванье до рассвета.

Утро началось с сирены, от громкого визга которой я чуть не свалилась на пол.

— Всем встать! Подъем! Подъем! — стуча в двери чем-то гремящим, звал высокий мужской голос. — Всем встать! Веселей! Десять минут на построение!

Подскочила с кровати. Испуганно натянула форму, радуясь, что вчера сил искать пижаму не хватило, и спала я в белье. На холодный душ ушла пара минут, и уже минут через десять я одна из первых стояла возле двери.

В коридоре нас ждал парень лет на пять старше меня. Рыжий, веснушчатый, круглолицый, голубоглазый, с торчащим вверх кончиком курного носа, по-детски припухлыми щеками и полными губами — такая себе святая простота и наивность. Иванушка-дурачок и Антошка в одном флаконе.

Преисполненный собственной важности, с заложенными за спину руками, парень пару раз прошелся по коридору, тщательно выискивая недостатки в форме вверенного ему отряда.

— Я куратор вашей группы, Дунодон. Следовать за мной!

Нас вывели на полигон, где уже тренировались ребята старших курсов.

Поежилась от сырости и прохлады рассветного утра. Релутрас, местное солнце, еще только-только собиралось выглянуть из-за горизонта.

— Магистр Ироам, группа Зеро построена, — доложил он появившемуся магистру.

Магистр только кивнул и, не говоря ни слова, развернулся в обратную сторону. А чего приходил, спрашивается?

Несколько долгих минут напряженного ожидания. А потом, будто из-ниоткуда, прямо перед нами появился мужчина, высокий, широкоплечий, с коротким ежиком серебристых волос и пронзительными серыми глазами.

— Яркого света, адепты. Я ректор Селлиран Чандеел. Рад лично приветствовать каждого из вас в академии Корвернок. Вы уже заметили, что в академии нет титулов? Здесь вы все равны. Вы будете сыты, одеты, обуты и обучены лучше всех в мире. В будущем многие из вас станут правителями, унаследовав власть от родителей. Но чтобы ими стать, необходимо научиться выживать, контролировать и управлять своей магией. Это всё дается нелегко. Само собой ничего не получается. Следующие шесть недель станут для вас испытанием. Испытанием вашей воли, выносливости и силы.

Сделав паузу, ректор выразительно посмотрел на всех нас.

— Но вы не разочаруетесь! — пообещал он и от его проникновенного взгляда у меня затряслись поджилки. — А теперь приступайте к тренировке, группа Зеро!

— Пять кругов бегом марш! — скомандовал магистр Ироам и мы побежали.

Отстала я еще на середине первого круга. Бег и выносливость никогда не были моими сильными сторонами.

— Быстрее! Чего еле плетешься? Это боевая академия Корвернок, принцесска, а не пансион юных девиц, — подбодрил меня Иванушка.

Усмехнулась, ни разу не обижаясь на «принцесску», но ускоряться не стала. Мне еще четыре круга бежать и лучше я их преодолею медленно, но верно, чем упаду после второго. Свои пять кругов добегала предпоследней под недовольный взгляд разгневанно зыркающего магистра.

Сделала несколько шагов, успокаивая дыхание. Больше всего хотелось приземлиться на траву и немного полежать, но едва последний из группы достиг финишной черты, нас выгнали на полосу препятствий. Следующий час слился в бесконечную череду прыжков, подтягиваний, рукоходов, пробежек по бревну, лазаний в трубах и барахтаний в болоте, в которое мы неизбежно падали не в силах его преодолеть.

— Адепты! Благодаря своей медлительности вы пропустили завтрак! — оповестил нас магистр, когда мы, справившись с полосой, остановились, переводя дыхание. — Куратор Дунодон проводит вас на первое занятие по теории боевой магии.

Вот честно никогда не думала, что магию можно учить в теории. А тем более боевую. Но следующие три часа доказали обратное. Преимущественно рассказывали то, что я успела

изучить с Треем, поэтому сидя за столом и слушая лекцию, я немного расслабилась и отдохнула. Это стало моей ошибкой, так как встать на обед было невероятно сложно, но кое-как я все же доползла до столовой.

В огромной столовой было беспокойно. Все шумели, суетились, о чем-то споря. Промелькнувшее любопытство озадаченно притихло под укоризненные громкие рулады, воспроизводимые желудком.

Еду на поднос собирала, не особо разбираясь — не время быть гурманом. Отыскав одинокий свободный столик, скрытый от посторонних глаз большой белоснежной колонной, устроилась за ним и принялась методично жевать еду, жалея о том, что в рационе нет какого-нибудь бодрящего энергетика.

Взгляд выхватил невысокого парнишку в центре одной из групп, того самого, что прибежал последним. Парни повыше и значительно крупнее, нещадно задирали его, громко насмешничая и отпуская похабные издевки, видимо в отместку за пропущенный завтрак.

— Что яйца не выросли, чтобы ответить? — кинул один из парней, в котором безошибочно читался предводитель местной тусовки.

— А у кого-то видимо переросли, — негромко хмыкнула я, отправляя себе в рот кусок мяса и не желая нарываться на подвиги.

Переросток повернулся, окинул всех быстрым пристальным взглядом, и безошибочно угадав меня как единственного подрывателя его свежесбитого авторитета, двинулся в мою сторону.

— О, тут еще одна такая же мелкая тролья отрыжка.

Не обращая внимания на подколку, дожевала мясо и, наколов на вилку очередной кусочек, отправила его в рот.

— Нет, ты не тролья отрыжка, ты эльфийский выпрысок, — продолжил глумиться этот недалекий индивидуум.

Вокруг все смолкло. Притихли разговоры и споры. Теперь все адепты напряженно следили за тем, как будут дальше разворачиваться события вокруг меня.

Я же равнодушно жевала, зная, что мое молчание взбесит его еще больше.

— Ты осторожнее злись, а то еще немного и крышу сорвет, некуда будет свое величие прятать, — заметила отстраненно, радуясь тому, что голос у меня звучит довольно уверенным басом.

Не люблю конфронтации, но отец учил, что, вступив в битву, отступать, следует только тогда, когда можешь выиграть тактическое преимущество. Сейчас же мое поведение решает все последующее отношение со стороны присутствующих — устою и завоюю авторитет, отступлю и всю учебу придется слыть слабаком, которого все и вся будут задирать, стремясь самоутвердиться за чужой счет. И даже брат не поможет и не спасет от этих задир. Наоборот, его защита, только усугубит ситуацию. Знаю, проходила неоднократно.

Подкинутый мужским кулаком поднос взлетел вверх. Лишь быстрая реакция и взметнувшаяся на долю секунды раньше рука, спасла меня от умывания чужим обедом.

— Упс, — пробормотала я, замечая, как некрасивым пятном расплывается овощное рагу на моем собеседнике. — Тебе идет морковка, она делает тебя даже милым...

Улыбнулась дружелюбно, вставая из-за стола и выпрямляясь в полный рост, что даже под артефактом остался средним. На мгновение я пожалела, что иллюзия не представила

меня двухметровым увальнем, с которым всякие отщепенцы просто побоялись бы связываться.

Злость, желание растерзать кое-кого, превратив в хорошую отбивную, и неудовлетворенный аппетит, требующий эту самую отбивную сожрать, окрасили мое лицо новой улыбкой. Такой радушной, что противник отшатнулся.

— У тебя ко мне какие-то претензии? — спросила, вопросительно вскидывая бровь. И не дождавшись ответа, продолжила: — Если никаких, то позволь откланяться за новым обедом.

Выйдя из-за стола, обошла застывшего в негодовании парня. Но стоило сделать шаг, как он отмер и принялся атаковать. Поднырнула, уклоняясь влево, под устремившийся в мою сторону кулак, ударяя противника левой рукой в живот, хук справа, и прилетевший удар коленом в незащищенное достоинство, довершил дело — грузное тело согнулось пополам, а парень завопил таким фальцетом, что мне на миг стало его жаль.

— Ты как? Не сильно ударился? Я такой неуклюжий, — поспешила я на помощь поверженному сопернику, тут же одергивая себя напоминанием, что грешно смеяться над убогими.

Тот выпрямился, грозно стрельнул глазами, в которых плескалась тьма и обещание скорой расплаты...

Прозвеневшая предупреждающая сирена, заставила парней подскочить со своих мест, спешно бросая недоеденный обед.

«Эх, не умеешь ты заводить друзей, Белочка», — пожурела я себя, с сожалением рассматривая валяющуюся на полу порцию еды, под жалобную трель желудка, осознавшего, что с подкреплением мы обломались.

— Спасибо, — произнес совсем рядом тихий голос.

Подняв голову, заметила, что в столовой остались только я и парнишка.

— Не за что, — пробормотала, спеша на очередное занятие и, успокаивая свой разбушевавшийся организм обещанием обильно поужинать.

Парень навязчивой тенью последовал за мной. Лишь в аудитории немного замешкался, но услышав пару колких смешков, растерянно замер возле облюбованного мной стола.

— Садись, чего уж там, — фыркнула я, убирая со стула свои вещи.

Парень, испуганно сжимаясь от каждого громкого звука, спешно упал на стул.

— Я Фокси..., — начал было он, и запнулся, увидев стремительно вошедшего преподавателя.

В аудитории почти сразу повисла напряженная тишина, но преподаватель, окинув нас всех тяжелым взглядом, особо задержавшись на нас с парнишкой, щелкнул пальцами и, не давая нам времени на раздумья начал лекцию.

— Меня зовут магистр Деранал Кинэлвин, — представился преподаватель, как и куратор, опуская приставку, указывающую на его возможное место в обществе. — Все вы знаете, что в магии особо важна концентрация. У многих из вас способности уже пробудились, но я вижу и тех, чья магия еще не инициирована, — донесшиеся с последнего ряда скабрёзные смешки вызвали недоумение и очередную зарубку «спросить у Ника». Но резкий пронзительный взгляд преподавателя и чуть вскинутая вверх черная бровь разом прекратили все смешки. — Если кому не интересно, я не держу, — усмехнулся он. — Но, не сдав мне экзамен, ни один из вас не пройдет подготовительный этап, — предупредил

магистр и, уже не обращая внимания на парней, продолжил: — Итак, концентрация. Может, кто-то из вас поведает нам, что это такое и чем она так важна?

Кто-то поднял руку, вызывая у меня стойкое дежавю и возвращая в школу, и после одобрителного кивка магистра принялся отвечать, но что вещал звонкий голос, я не слышала, буквально залипнув на изучении преподавателя. Молодой, лет тридцать не больше, хотя с возрастом тут все не так читаемо, как на Земле. Высокий, широкоплечий, с резкими правильными чертами лица, в которых просматривалась порода, он был красив какой-то хищной мужественной красотой. Прямой ровный нос, глубокие миндалевидные глаза в пушистом обрамлении густых черных ресниц, узкие скулы... А этот чеканный рот? Я готова была поклясться, что стоит ему улыбнуться и на щеках появятся ямочки. Мужчина был настолько привлекательным, что хотелось подойти и заглянуть в его бездонные глаза, выяснить какого они цвета...

Покачала головой, отгоняя наваждение. Если тут все магистры такие, то неудивительно, что девчонок не принимают. Они только и будут что любоваться.

Кто-то тронул меня за рукав, и я перевела взгляд на парнишку, притихшего рядом. Взгляд зацепился за холеные пальцы с бесцветным маникюром, отметил несколько жеманные движения, тонкие запястья.... Да, тяжело ему придется в академии с его явно просматривающейся голубизной. Интересно, он сам это осознает? Вон как на магистра уставился с чуть приоткрытым ртом и восторженным взглядом...

И что мне с ним делать? Этого я тоже спасла. Пусть и не от смерти, но, судя по всему, скоро ситуация ухудшится. Не знаю, как в самой академии, но на подготовительном курсе все эти принцы напоминали стайку взбесившихся мажоров, уверенных в своей безнаказанности. А что делает стая, когда находит жертву?

Словно почувствовав, что я отвлеклась, преподаватель грозно посмотрел на меня. Вопросительно подняла бровь, тщательно прислушиваясь к словам.

— Повторите, что я сказал, адепт....

— Номер пять, магистр, — подсказала я, моментально подскакивая со стула и затягивая тем самым время, — Концентрация — это особая сосредоточенность на достижении цели, — проговорила четко, удивившись этим всплывшим в голове словам, произнесенным голосом магистра.

— Что ж способность к ментальной магии у вас однозначно есть, адепт пять, — хмыкнул преподаватель, — но вслух я говорил не это, поэтому на следующее занятие вы мне подготовите доклад о разнице между концентрацией и созерцанием, — и в интонации, с которой он произнес последние два слова, мне почудилась скрытая насмешка.

Магистр отвернулся от меня и как ни в чем небывало продолжил свою лекцию. Села на стул полностью сбита с толку, но думать о вьезшихся в подкорку мозга словах не стала, отложила на потом, полностью сосредоточившись на лекции.

Весь оставшийся день парень следовал за мной. Пока я не выдержав, не втолкнула его в ближайшую аудиторию и не потребовала, схватив за грудки и прижав к стене, благо мой рост и вес это позволяли:

— Ты.... Говори, чего тебе надо!

А он вдруг разреvelся.... Так горько. Навзрыд. Что я, немного опешив, отпустила тщедушное тельце и отошла на пару шагов. Еще напугаю болезненного.

Парень, совсем как девчонка, обиженно шмыгнул носом, грациозно достав откуда-то носовой платок, и высморкался так аккуратно, что я поморщилась. Во всех моих действиях и поведении было в разы меньше женственности...

На миг даже стало обидно, что природа на мне в этом вопросе отдохнула. Хотя при чем тут природа? Излишки воспитания. Трудно расти принцессой, когда все детство проводишь в лесу, лагерях и с мальчишками.... А теперь балы, этикет, придворные — кошмар...

От всех этих мыслей стало немного тошно, и я нетерпеливо поторопила парня:

— Ну?

— Это... была... самая... глупая... идея..., — наконец сквозь серию всхлипов прорвалась фраза. — Сегодня... же попрошу... отправить... меня домой....

— А я тут при чем? — никак не могла понять я своего места в этой истории.

— С тобой... не страшно..., — и новое громкое завывание во весь голос.

«Точно, девчонка», — поморщила я брезгливо нос, вспоминая извечную плаксивость редких подружек. А потом что-то в мозгу щелкнуло, и вся картинка сложилась.

— Ты девчонка? — вопрос прозвучал так презрительно, что на миг стало неловко. Но очередная серия судорожных всхлипов разрушила неожиданно возникшее ощущение неудобства и смущения.

— Да, — громко всхлипнув и элегантно высморкавшись, произнес он... или точнее она. — Думала, тут познакомлюсь с будущим мужем.... Но он такой гад...

— И кто он?

— Гайедрис арх Воллендрон, — пробормотала она и завывала еще громче, заставив меня пожалеть о том, что полог тишины ставить я пока не умею.

— Один из тех, кто травил тебя в столовой?

— Травил? — удивилась Фокси так, что на мгновение даже слезы на ее глазах высохли.

— Преследовал, донимал, задира, — выдала я список всплывших в голове синонимов. — Там в столовой...

— Ага. Голубоглазый блондин... Мечта всех принцесс от шестнадцати до двадцати пяти...

— А после двадцати пяти, что ума резко набираются? — поинтересовалась ехидно, вспомнив, что самой уже скоро двадцать один — возраст совершеннолетия.

— Нет, — снова всхлипнула принцесска, — После двадцати пяти они для него старые, — и вновь принялась рыдать горько, навзрыд.

— Прекратить истерику! — добавив в нотки командного тона, подсмотренного в каком-то кино, приказала я.

Девчонка ткнулась лицом мне в плечо, и я машинально погладила ее по голове...

— Жаль, что он не такой как ты, — пробормотала она, в мой мокрый от ее слез камзол,

слегка отстраняясь, и добавила неожиданное: — А может, ты женишься на мне? — подняла на меня загоревшиеся надеждой глаза.

— Прости, но нет, — попробовала вежливо прекратить я очередные матримониальные поползновения в мою сторону.

— Ну, почему? Ты милый. И ты мне нравишься, — доверчиво заглядывая мне в лицо, бормотала Фокси, а мне стало почему-то больно разрушать эти необоснованные надежды, но лучше сейчас, чем позже...

— Потому, что я тоже здесь инкогнито, — выпалила я, и, поняв, что девушке ничего не понятно, сняла медальон. — Но я могу тебе помочь проучить жениха.

— Как? — вскрикнула она и совершенно по-идиотски потеряла сознание на моих руках. Ну, и что прикажете делать? Я, конечно, девушка сильная, но не терминатор. Придется звать подмогу, а точнее принца на белом коне...

Принц явился, а вот коня в Академию не пустили.

— Что случилось? — влетел перепуганный Трей и не один, а с подкреплением в виде двух своих неразлучных товарищей.

— Эээ... Как бы ничего..., — замешкалась я, радуясь тому, что успела надеть обратно медальон, и предстала в виде такого себе глуповатого парня.

«Ты сам прийти не мог? — выругалась мысленно, не зная, как теперь себя вести: — Мне вот это тело нужно оттранспортировать в мою комнату».

«Почему в твою?» — возмутился братец.

«Потом по секрету расскажу, а пока придумай, как избавиться от Анда и Зейна, а то как-то странно будет, если ты потащишь парня ко мне в комнату, словно я последний слабак».

«Можно подумать, что нет!»

«Я девчонка, мне простительно», — фыркнула я, пока Трей подставив плечо, перетянул вес принцессы на себя. Еле сдержала громкий выдох облегчения.

— Анд, Зейн, это мой бестолковый кузен Изигард арх СКайдемантл, — представил меня парням брат.

— Можно просто Иззи, — пробормотала я, за что тут же получила укоризненный взгляд от Трея.

«Прекрати строить Зейну глазки, а то он решит, что ты по мальчикам», — одернул меня брат.

— Так ты расскажешь, что случилось? — спросил вслух, отвлекая меня от раздумий, когда именно я строила глазки.

«Я и есть по мальчикам!» — огрызнулась я, так и не поняв, что Трей имел в виду, ведь я ничего такого не делала.

Эх, нужно было больше времени проводить с братом, а то выдам себя своим поведением.... Ну, не приучена я чесать яйца, материться, как портовый грузчик, обсуждать девчонок и плевать. А что еще делают парни? И если в столовой и на занятиях я могла выдать себя за нелюдимого придурковатого парнишку, то в близком общении вся моя конспирация могла накрыться медным тазом.

— Я его немного поучил уму-разуму, — не придумала я ничего лучшего, как представить все дракой: — А теперь не знаю, что с ним делать.

Трей просто взвалил принцессу себе на плечо и, не говоря ни слова, направился на

выход.

— Трей, куда ты его тащишь? — спросил до сих пор молчавший Анд, когда мы прошли в жилой корпус.

— Я должен объяснять? — вскинул брови вверх брат, выразительно смотря на друга.

— Обычно ты это делаешь, — вмешался в разговор Зейн. — Да, и бесчувственные тела ты обычно без разговоров не таскаешь.

— Не хочу, чтобы кузену досталось за драку. Поэтому просто отнесу тело в его комнату, а там пусть сам разбирается.

— Но почему именно ты?

— Да, потому что этот дурак не умеет делать отвод глаз. А тащи он тело по коридорам, сам знаешь, что было бы.

Дальнейший путь прошел в тишине, если не считать мысленные нотации Трея, по поводу моего безрассудного поведения и якшанье с хлюпиками.

«Ты чего такой злой?» — не удержалась я от вопроса.

«Первый день, Белочка, а ты уже успела найти себе приключения. Я уже боюсь, что дальше будет».

«Это не я их нашла, братишка. Это они меня нашли, а я просто ничего не могла сделать. Скажи, а ты уверен, что в вашей принцовой академии Корвернок никогда не было принцесс?»

«Белочка, тут общие душевые на полигоне. Сложно скрыть отсутствие того самого».

«Блин... Как я об этом не подумала... А как же?»

«Вот и я не вспомнил сразу, а сегодня после тренировки.... Есть правда один выход, но не уверен, что он нам подходит».

«Что за выход?»

«Артефакт достаточно силен, чтобы создать полностью реальную иллюзию. Вот только ты должна представлять, что нужно создать. И я...», — смутился брат.

«Гм..., — прервала я установившееся неловкое молчание: — За это можешь не переживать. Я довольно хорошо это могу себе представить. Даже краснеть, и залипать не буду на мощные торсы, — расхохоталась я, поняв, о чем так сильно тревожился брат, и тут же посерьезнела, вспомнив про сопящую на его плече проблему: — Только,... а у нас есть еще один такой артефакт?»

«Нет. Но тебе и одного хватит»

«Мне-то хватит, а вот у принцессы на твоём плече с артефактом проблемы».

«Принцессы?» — удивился брат и чуть не уронил свою драгоценную ношу.

«Принцессы, — подтвердила я. — Я, поэтому тебя и звала».

Брат ушел, небрежно бросив тело принцессы на кровать, мысленно взяв с меня обещание, что я все расскажу вечером. Едва за гостями закрылась дверь, Фокси открыла свои удивительные похожие на кусочки застывшего янтаря глаза:

— Кто это был?

— Мой брат, — не стала юлить я. — Трей тебя не выдаст, можешь не переживай. А теперь рассказывай, как ты очутилась в этой мужской обители.

История оказалась простой и банальной для этого мира. Фокси было уже двадцать три и, опасаясь ее резонанса с кем-то не из высшего сословия, отец договорился о

династическом браке, не поинтересовавшись мнением дочери и уверяя, что он лучше знает, что ей нужно. Может и так. Только выходить замуж за незнакомца и жить с навязанным мужчиной Фокси не собиралась. Хватит, насмотрелась на родителей, которые за вежливо-отстранёнными улыбками скрывали вереницу бесконечных любовников. То ли дело тетя с дядей, невидимое притяжение между которыми буквально искрило. И пусть в их браке не было детей, но они были счастливы.

Вот и сейчас расстроенная Фокси нашла спасение в тетушкиных объятиях. Оказалось, что в их семье издревна от матери к дочери передается амулет, подаренный им богиней Никтией, которая, влюбившись в простого смертного и отказавшись от брака с богом, была изгнана отцом с парящего острова Вальхра. Никтия с Дарелвусом нашли приют в доме далекой прабабки Фокси и по одной из версий стали родоначальниками новой ветви рода, к которой девушка и относится. Как бы то ни было, но годы прошли, а амулет, позволяющий девушке принять образ парня, остался. Был у амулета и один существенный недостаток — иллюзия была неизменной.

Прозвенел гудок, командуя отбой и прерывая наш, грозящий затянуться на всю ночь, разговор.

Утро наступило неожиданно рано и опять под пугающий вой сирены. Приняла быстро душ, вспоминая вчерашний разговор с Фокси, и ругаясь на то, что не могла предусмотреть такой мелочи. Даже не подумала о заковырке в этом вопросе. Хотя, казалось бы, стоило. В нашем мире у меня возникла бы та же проблема.

Папа растил меня бойцом и маленькой принцессой одновременно. Тренировки, соревнования и красивые платья — все это наполняло мою жизнь с первых дней. И пусть я не всегда с этим мирилась, и иногда откровенно протестовала, не понимая, зачем мне, так мечтающей быть похожей на отца, все эти рюши и реверансы, но стоило папе сказать: «Ты же моя принцесса!» и я таяла и с упоением штудировала абсолютно не нужный, как мне казалось учебник. Может, это и привело к тому, что я упустила вот эту самую сторону своего развития, ограничившись учебником анатомии, уроками сексуального воспитания, которые у нас велись от случая к случаю, и одним единственным фильмом для взрослых — необходимым атрибутом лагерной пижамной вечеринки. Только вместо того, чтобы уставиться на происходящее на экране, я следила за лицами товарищей по несчастью, так и не сумев понять, что интересного в «этом» они находят...

Включила холодную воду, отгоняя воспоминания и озадачиваясь вопросом той самой болтающейся между ног парней деталью.

Несколько минут напряженно вспоминала картинки, пытаясь воспроизвести хоть что-то похожее. Только сейчас поняла свое маленькое упущение, если не считать виденных в музеях статуй и учебника по анатомии, все остальные картинки не относились к спокойному состоянию этого самого органа, а парни тогда откровенно ржали над размером этого самого у Давида и Аполлона. Всплывшая в памяти картинка фильма, была отмечена как несостоятельная — воспроизведи я это самое в таком виде и меня точно неправильно поймут.

На пятнадцатой попытке создать иллюзию нужного размера и формы я сдалась и махнула рукой, решив, что раз парни достоинством постоянно меряются, то больше лучше, чем меньше. Правда, теперь от этого немыслимого безобразия, выпирающего из штанов, страдало мое чувство прекрасного, напоминая балерунов в трико, что так впечатливших

меня в детстве. Да, и ходить было неудобно, но это так... мелочи.

Не знаю, как работает эта иллюзия, но чувство было такое, будто этот отросток сформировался из моей плоти и крови, а не был простым обманным изображением. Всю тренировку я ловила себя на желании почесать неудобный, мешающий бегать, орган. Тонкую кожу натирала неожиданно жесткая ткань, вызывая болезненные ощущения, а ходить приходилось, буквально, выставив вперед яйца. Н-да, нелегка и неказиста жизнь простого мужика...

К концу тренировки все мои мысли были только об этом самом, неожиданно оказавшимся таким проблемным, отростке. Я даже поняла, почему мужчины ходят растопырив ноги и только в крайних случаях бьют друг друга по яйцам — это реально больно. Весь спектр ощущений смогла познать, упав на бревно и вскользь задев это самое. Чуть не завывала от вспышки фантомной боли, но вовремя напомнила, что как бы то ни было, а нервных окончаний я там себе не сооружала и больно мне быть не должно. Не должно, я сказала!

Холодный душ несколько отрезвил, но голова настолько озаботилась состраданием к бедным парням, что я даже любопытства к их обнаженным фигурам не проявила.

Выйдя из кабинки, столкнулась с кем-то в дверях.

— Смотри куда прешь, — фыркнул незнакомец, удерживая меня двумя сильными руками.

Глаза быстро пробежали по мускулистому телу, отыскивали больше всего тревожащий меня объект изучения.

— Надо же маленький, как ..., — пробормотала мысленно, понимая, что свой воображаемый атрибут я изрядно преувеличила. И с оглушающей неловкостью услышала свой бас и громкий насмешливый хохот по сторонам. — Упс, прости, задумался, — подняла глаза, сталкиваясь взглядом с уже знакомым переростком, не дававшим проходу Фокси в столовой, и готовым разорвать меня на кусочки: — А... это ты. Не ожидал, не ожидал, — сокрушенно покачала головой. — Это так трагично..., — добавила проникновенно и сочувственно, не успев вовремя прикусить, решивший поупражняться в словесных дуэлях, язык, — что мы постоянно сталкиваемся.

Парень вскипел еще больше. Не говоря ни слова, а, только что-то неразборчиво мыча, притянул меня к себе, за шею отрывая от земли. Гневно дыша мне в лицо, он снова попытался что-то сказать. Но в глухом обиженном рычании ни одного слова разобрать не удавалось. Вот, что недостаток словарного запаса с людьми делает! Где же ему грешному знать великий русский, особенно его нелитературную часть. Интересно, а принцы материться умеют или у них все через поклоны и расшаркивания?

— Пусти меня, юродивый, я не из твоей песочницы! С мальчиками в эроигры не играю, — попыталась вырваться, но стальные тиски пальцев только сильнее сжались на горле, перекрывая дыхание, и я зачастила: — Да, не переживай ты так. Размер не главное. В конце концов, мужчина не импотент, пока у него есть хоть один палец, а твои вон какие большие и толстые, куда лучшая замена...

Что я несу? Наконец-то откуда-то из глубины моего сознания выползли здравомыслие и самосохранение, заставляя прикусить изрядно распоясавшийся язык.

— Ну ладно, ладно. Все у тебя хорошо, — успокаивающе произнесла я. — Уверен, что принцу никто не посмеет указать на такой маленький недостаток, — а, нет, показалось, ни здравомыслием, ни самосохранением тут не пахнет.

Рука на горле сжалась сильнее, и тут же разбудила рефлекс. Отточенное долгими практиками тело среагировало раньше, чем я успела вспомнить, что именно туда я решила больше не бить. Только в крайнем случае! Ладно, спишем на необходимость спасти свою хрупкую шейку.

Здоровяк отшвырнул меня от себя, смазав летящий в мою сторону удар, и сложился пополам. Гордо встала, поправила почти слетевшее с моих причиндалов полотенце и, расправив плечи, под тихие свистки, направилась к шкафчику. Одевалась нарочито медленно. Знала, что если поспешу и покажу, как хочу поскорее сбежать, продемонстрирую слабость.

— Ну, ты даешь! Что это было? — спросила, выскочившая за мной из душа, Фокси.

— Адреналин, — пожалала плечами я, испытывая непонятный стыд и понимая, что незаслуженно обидела парня. Кто ж знал, что размер его больная мозоль? — Либо бей, либо беги. Бегать я не люблю, а бить необязательно кулаками.

Прикрыла глаза, приводя растрепанные короткой стычкой чувства в порядок. Зря я так прошлась по его самолюбию. Теперь точно друзьями нам не быть. Ну, и пусть. Сам виноват, мог и не утрировать ситуацию, а перевести все в шутку.

— Тебе его совсем не жалко? — как-то растерянно поинтересовалась подруга.

Недоуменно посмотрела на нее:

— А ему разве тебя вчера было жалко? Или... Он что...? Тебе нравится? — отметила я, заметив, как под моим пристальным взглядом расплывается краска на ее лице.

— Чуть-чуть. Совсем капельку. Он такой красивый...

— Но маленький, — вредно добавила я.

— И совсем не маленький. У всех остальных парней был такой же, это у тебя какой-то мутант-переросток в штанах, — снова покраснела Фокси.

Рассмеялась, радуясь тому, что хоть кто-то провел время с пользой за любованием прекрасными телами. А вот с моими причиндалами теперь точно ничего не сделаешь. И все мои надежды уменьшить размер, доведя его до среднего, накрылись медным тазом, слишком много было свидетелей моего обнажения. Придется ходить и страдать до окончания курса.

В столовой отыскала глазами Трея. Хотелось спокойствия и хоть немного тишины, а только с ним я могла немного расслабиться. Рассекая подобно ледоколу появляющиеся передо мной преграды в виде сбившихся в стайки принцев, пролабировала сквозь толпу и плюхнулась рядом с братом. Бросила выразительный взгляд на замешкавшуюся Фокси — ну, давай, девочка, никто не будет вставать, и отодвигать тебе стул, помогая устроиться. Подруга покраснела и тяжело уселась рядом.

— С этим нужно что-то делать..., — буркнула про себя, мысленно решая проблему краснеющих щек принцессы и ее манер.

— С чем? — спросил оказавшийся напротив меня Анд, вздымая вверх черную бровь.

Да, что за день сегодня такой!

— С количеством принцев... Что-то их чересчур много, — не придумала ничего лучше я, чтобы увести разговор от волновавшей меня темы

— Настоящих принцев мало. Тебе ли не знать, кузен? — с упреком вклинился в начавшийся диалог Трей. — Сам же знаешь, что принцы тут в основном инкогнито и большинство с несколькими побратимами.

— И вы на самом деле не знаете, кто из них, кто? — недоуменно спросила я.

— Только побратимы и друзья, если ты им сам откроешься. Но от этого предостерегают магистры и это нарушение устава академии.

— Но... зачем? — удивилась.

— Безопасность, — фыркнул в ответ брат. — Пару веков назад из академии пропали два принца Гайи. Несмотря на масштабные поиски, привязку к родовым артефактам, принцев так и не нашли. Меньше, чем через год, не пережив утраты сыновей, король Гайи скоропостижно скончался, а на престол взошел муж его сестры.

— Поговаривали, что именно он и стоял за похищением и убийством принцев, но доказать ничего не смогли, — вмешался Зейн. — Даже ходили слухи, что держал их где-то, угрожая королю, и вынудив того написать странное завещание.

Трей просверлил друга предупреждающим взглядом, будя во мне спящий интерес.

— Что за завещание?

— Ничего, там странного, — отмахнулся, брезгливо морща нос, брат. — Простая политика, — и я бы поверила этой игре, если бы подспудно не чувствовала ее нарочитость. — У вас сегодня день выбора, — перевел разговор брат, заметив мой полный неверия взгляд.

— Что уже? — удивленно воскликнула Фокси.

— Уже.

— Что это значит? — потеревила Трея за рукав, отмечая про себя нотки испуга в голосе принцессы.

Тот посмотрел на друзей сокрушенным взглядом, в котором застыло укоризненное разочарование старшего брата вынужденного возиться с мелкой глупой надоедой.

— Сегодня у вас будут выявлять способности к магии и ее ключевые направления, — вежливо и снисходительно улыбнулся мне Зейн.

— Направления?

— Ты с какого дуба рухнул? — невежливо захохотал Анд.

— С того самого, под которым тебя бросили, — вызверилась я и прикусила язык.

«Осторожнее, Белочка. Анд далеко не глуп, пусть и любит вести себя по-дурацки».

«А по нему не скажешь», — мысленно фыркнула я в ответ на упрек брата, понимая, что почти выдала себя.

— Ты же знаешь, что в мире существует много разных видов магической энергии? Ментальная, энергия смерти и жизни, стихийная разных направленностей, природная.... Перечислять можно бесконечно. Особенно, если учитывать те, что относятся к энергии королевского рода и держатся втайне. Способности управлять энергией могут быть активными или пассивными. Если они у тебя активные и допустим у тебя склонность к воздуху, то ты можешь вызвать ураган. Если же пассивны, то ты можешь только считывать направление воздушных потоков, — продолжил свои пояснения Зейн, не отвлекаясь на наши разборки. — Сегодня все ваши способности будут выявлены. Вас вынудят продемонстрировать даже самые ничтожные из них.

— Вынудят? — зацепился мой разум за показавшееся неуместным слово.

— Мы не имеем права говорить об испытании, — спокойно и равнодушно пожал плечами Анд.

Зазвенела уроненная кем-то вилка. Обернувшись, отметила дрожащие руки Фокси, суетливо возящейся с тарелкой и прячущей напуганные глаза.

— Ты чего? — наклонилась к ней ближе.

— Вы подружились? — вздрогнула от неожиданности и перевела взгляд на спрашивающего Анда.

— Это так заметно? — фыркнула, пренебрежительно растягивая буквы.

Вскинула вверх брови, ожидая, что этот безмерно раздражающий меня сегодня тип, может еще сказать и спросить. Но он молчал, грозно сверля меня своими темно-серыми глазами, будто надеялся проникнуть внутрь меня и рассмотреть все сокрытое, вывести все тайное...

— У нас сегодня появятся фамильяры? — дрогнувшим, немного истеричным, басом разорвала сгущающую тишину Фокси.

— Если выживете, — насмешливо фыркнул Анд.

«Ничего не бойся, Белочка. Ты же знаешь, если бы тебе что-то угрожало, ты бы уже была у деда».

— А что кто-то не выживал? — испуганным фальцетом взвизгнула Фокси.

— И где ты такой взялся? — пренебрежительно покачал головой сероглазый. — То от хлюпика в нос получаешь, то визжишь, как девчонка.

— За хлюпика ответишь, — холодно предупредила я. — Вечером после выбора.

— Ты сначала доползи...

— Доползу. Назло тебе и доползу. Даже если придется покинуть лекарское крыло.

— Иззи, лучше отдохнуть после дня выбора. У вас даже вечерней тренировки не будет, — предупредил Зейн. — А тебе Анд должно быть совестно провоцировать на вызов мальчишку.

— Нарываешься? — грозно зыркнула на своего отчаянного защитника, совсем не польщенная его защитой.

— Нет. Просто не хочу, чтобы ты пострадал.

Посмотрела на брата, доедающего кусок мяса, тот лишь улыбнулся и легонько качнул головой:

— Если Иззи вдруг не доползет, вызов перейдет ко мне как к старшему родственнику, — меланхолично отметил Трей, отрезая очередной кусочек мяса и взглядом обещая, что кому-то не поздоровится и этот кто-то явно не сидящий с ним рядом темноволосый, а маленькая скромненькая я.

Фыркнула раздраженно. Как же они все меня бесят сегодня!

«Две стычки, Бель. Две. Меньше чем за сутки. А сейчас третья! Ты специально нарываешься?»

«Нет. Он сам...»

Да, навела шороху. И это называется «я не буду выделяться».

«То есть ты не говорила Громиле, что у него маленький член?»

«Нет, конечно. Как ты мог такое подумать? Громила.... У вас, что есть прозвища?»

«Не называть же нам друг друга по номерам?»

«А какое у тебя?»

«Мрак»

«А у Зейна?»

«Тень»

«Дай догадаюсь, а Анд у вас Сумрак?»

«Нет, — непонятно почему расхохотался у меня в голове брат, — Он у нас Клиф»

«Клиф? Обрыв?» — удивилась я, примеривая это прозвище к Андру.

«Именно»

«А я? Мне уже придумали прозвище?»

Брат лишь отрицательно качнул головой, а дальше прозвенела очередная сирена, призывая нас на занятия, и разговаривать стало некогда. С грустью посмотрела на недоеденный завтрак. Эх! Папа утверждал, что хорошие дела сложно вершить на пустой желудок.

«Значит, будем пакостить!» — улыбнулась мысленно, вспоминая привычную отговорку.

В огромном пустом зале нас ждал Дунодон и магистр Ироам.

— Как вы все уже знаете, сегодня для вас день Выбора, — без каких-либо предисловий начал вещать магистр, прохаживаясь вдоль выстроенного ряда принцев. — Выбор, который вы сегодня совершите, определит вашу судьбу. Из каждого испытания вы вынесете вещь и урок. Сделает вас это сильнее и умнее или наоборот ослабит, зависит только от вас. Не спешите хватать первую попавшуюся вещь, не гонитесь за их количеством — все равно при переходе на следующий уровень лишние вещи исчезнут. Будьте внимательны к урокам — от них зависит прохождение. И помните, время в испытании и реальности течет неравномерно. Вы можете умереть там от старости, не справившись с заданиями, в то время как тут пройдет всего пара часов. Вам понятно?

Магистр окинул нас жестким выразительным взглядом, считывая реакции на сказанное.

— Что будет с теми, кто не справится? — задал вопрос рядом стоящий принц, почесывая горделивый нос — невысокий, кудрявый, как одуванчик, хрупкий блондин, которому только очков не хватало для образа интеллектуала-заучки.

— Разрешаю проверить это на себе, — пожал плечами магистр. — Еще вопросы?

«У матросов нет вопросов», — мелькнуло в голове скептическое, а судя по озвученной инструкции и услышанному ответу задавать их себе дороже.

— Что ж я рад, что вы все такие понятливые, — злорадно усмехнулся магистр и спешно покинул зал.

Рыжий исчез из зала также стремительно, лишь на пороге обернулся:

— Будьте внимательны и осторожны, — предупредил он и скрылся, затворяя дверь.

Что-то щелкнуло. Лязгнуло. Раздался жуткий царапающий скрип. Стало стремительно темнеть — это опускались металлические ставни, закрывая окна и погружая зал в темноту. Кто-то из принцев кинулся к двери, но ее уже не было — лишь чистая белая стена и темная пустая комната.

Я почувствовала, как мою руку сжали в тиски, тонкие дрожащие пальцы Фокси. Стиснула ее в ответ.

Снова что-то заскрежетало. Кто-то из принцев зажег магический огонек и зал наполнился теплым неярким светом.

Только это уже был не зал, а библиотека, со стеллажами полными книг, свитков и фолиантов, прячущая свои самые ценные сокровища где-то в высоте.

— И что нужно делать? — поинтересовалась у меня Фокси, зажигая голубоватый светлячок.

Пожала плечами, вспоминая сказанное магистром:

— Мы должны найти вещь и извлечь урок.

Некоторые свитки ярко мерцали, словно норовили привлечь наше внимание, но меня упрямо тянуло заглянуть повыше. Разглядев в отдалении приставленную к одному из стеллажей лестницу, я потянула за собой Фокси.

Однако, когда я попробовала ступить на ступеньку, нога прошла словно через пустоту.

— Иллюзия, — громко выдохнул кто-то рядом, и я узнала парня — божий одуванчик, что задал вопрос.

— Спасибо, кэп, — машинально огрызнулась я, недовольная тем, что лестница

оказалась не настоящей, а меня влекло наверх.

— Джан, — представился парень, почесывая пальцем нос.

— Иззи, — буркнула в ответ и улыбнулась, надеясь улыбкой смягчить резкость своих слов.

— Фокси, — назвалась принцесса. — Как думаешь, что мы должны сделать?

— Не знаю, — пожал плечами парень. — Предлагаю понаблюдать за другими.

Я обернулась на возникшую сумятицу. Принцы разделились кучками и совместно искали выход. Группировки были понятны и вполне очевидны — часто королевские семьи, желая скрыть и сберечь наследников, с самого рождения окружали их наперсниками — детьми высших родов, что росли и воспитывались на равных, носили ту же фамилию и в будущем становились верными соратниками короля. Так было и с Треем, Зейном и Андом. Одиночками же выступали в основном дети не прямой линии наследования. Таких, кроме нашей троицы, было еще двое. Один из них уже вовсю вчитывался в свитки, второй ощупывал и простукивал стены.

Переходя от одного стеллажа до другого, проводила руками по полкам, вертела в руках свитки, книги, вчитываясь в нескончаемый калейдоскоп букв. От переизбытка информации рябило в глазах, но взгляд ни за что не цеплялся. Ни одну книгу или свиток, не хотелось задержать в руках чуть дольше, ни одна прочитанная фраза не пробудила спящее любопытство, и вместе с тем нестерпимо тянуло забраться вверх и посмотреть те книги, корешки которых прятались вверху. Потрепанные переплеты с затертыми неразборчивыми надписями влекли и манили, так как манит спрятанный до поры до времени торт.

Улыбнулась пришедшему на ум сравнению, вспомнив, чем закончилась моя встреча с тортом. Мне тогда шесть лет исполнилось и все как обычно - праздничный торт, гости, конкурсы, игры. Только кто-то никак не мог дотерпеть до того момента, когда уже можно будет попробовать воздушные шарики украшавшие этот самый торт. И, ожидаемо, я полезла за ним, спрятанным на самый верх кухонного шкафчика. Лишь в последний момент папа уберег меня от падения, подхватив на руки. А вот торт этой участи не миновал, но столкнулся не с ожидаемым полом, а с папиной головой.

— Вкусно, — слизывая с пальцев крем, снятый с папиной головы, заявила я под вспышку фотоаппарата прибежавшего на шум дяди Мити. Так, и остался мой шестой день рождения в памяти этим самым снимком.

Неожиданно, что-то щелкнуло, вырывая меня из этих счастливых воспоминаний, но полных горечи неизбежного. Стена, по которой елозил руками парень, крутанулась, а когда вернулась на место, возле нее никого уже не было. Место тут же обступили другие принцы.

— Что это было? — испуганно воскликнула Фокси.

— Кажется, он прошел на следующий уровень, — пробормотал Джан, удивленно качая головой.

— А что он сделал?

— Не знаю.

Я к их разговору почти не прислушивалась. Поддавшись своему любопытству, дергала стеллаж, проверяя его устойчивость. Внутри все звенело от необходимости забраться наверх, словно что-то там влекло меня, звало, ждало, как тот самый торт...

— Иззи, ты куда? — окликнула меня Фокси, когда я уже поднялась на высоту пару метров.

Отвечать не стала, с упорством горного барана взбираясь наверх.

— Горим! — крикнул кто-то.

Неловко дернулась от неожиданности и чуть не свалилась. Обернувшись, увидела, что стены библиотеки вдруг вспыхнули огнем, отпугивая от себя столпившихся принцев.

Что-то кольнуло руку. Отдернула, роняя несколько пыльных свитков. Поднявшееся облачко вековой пыли забило нос, легкие.... Чихнула.

Громкое «А-а-апчхи!» разлетелось по пустым сводам библиотеки, отозвалось звонким эхом и испуганно затихло.

Еще одно «апчхи!» вторило первому, и я содрогнулась. Зажала нос рукой, чтобы прервать эту череду чихов, но третье «апчхи!» оказалось еще сильнее.

Дышать было нечем, глаза слезились. Тело с трудом удерживалось на высоте, каким-то невероятным образом ухватившись за стеллаж. Пока я, потеряв равновесия, не сорвалась вниз, в последний момент, пальцами вцепляясь в казавшиеся устойчивыми полки....

— Осторожно, — только и успел крикнуть кто-то в стороне.

Я же громко и предупреждающе завопила, замечая, что падаю прямо на собирающих, разбросанные мной сокровища, Фокси с Джаном. Но недолгий ор тут же прервался новой чередой чихов. Будь проклята эта аллергия на пыль!

Однотруппники подняли головы, но отреагировать не успели.

Автоматически закрыла глаза, сгруппировалась, выставив вперед руки, будто этот простой защитный жест мог помочь мне избежать встречи с каменным полом.

Удар...

Соприкосновение вышло не таким жестким, как я себе воображала, словно кто-то в последний момент подложил мягкую перинку...

Открыла глаза. Темнота. Подо мной что-то теплое и ... шевелящееся. Затылок неприятно ноет от боли — все же стеллаж меня догнал. Эх, опять я получаю знания нетрадиционным способом.

Тело подо мной застонало, и я дернулась. С головы с громким глухим хлопком упало что-то тяжелое.

— Счастье прилетело, — криво улыбнулась, находя взглядом увесистый фолиант, которому была обязана болезненной шишкой.

— Прошли? — удивленное восклицание Фокси, разорвало тишину, а голубой светлячок осветил новое помещение.

Рядом с ней обнаружился одуванчик Джан. У каждого из них в руках был свиток. Потрепанная книга валялась чуть в стороне. Потянулась к ней и меня опалило обжигающим жаром.

— Может, уже слезешь? — простонал парень, послуживший мне подушкой.

Аккуратно скатилась в сторону, не сдержав стон от режущей боли в голове.

— Что это было?

— Доставка забытой тобой в библиотеке вещи, — буркнула, узнавая в нем того, кто первым прошел испытание.

— Правила поведения принцев? — удивленно вскидывая брови, прочитал он название книжицы. — Ты смеешься?

Парень потянулся к моему фолианту, но тут же обиженно одернул руку.

— Жжется!

— Вынесенную вещь взять может только владелец, — озвучил догадку Джан, отдергивая руку от свитка Фокси.

— Но я не брал учебник по этикету! — возмутился парень.

— А что брал? — спросила принцесса.

— Ничего. Я не успел, — огорченно развел руками парень.

— Одна вещь, один урок, — пробормотал одуванчик, зажигая зеленый огонек. —

Посмотрим, что тут у нас...

Решив не отставать от честной компании, потянулась к догнавшему меня фолианту. Стерла пыль с коричневой кожаной обложки. Провела рукой по выдавленному на ней золотому рисунку. Попробовала открыть.... И не смогла. Будто это был не фолиант, а сейф замаскированный под книгу. Видела такие в магазинах. Даже папе на один из праздников покупала. Под пистолет, с кодовым замком, прятавшимся в переплете. Он тогда с меня поржал и сказал, что это нецелесообразно, оружие нужно для защиты, а из такого сейфа его пока достанешь, семь раз умереть успеешь.

С этим все оказалось еще сложнее. Никакого замка или чего-либо на него похожего я обнаружить не смогла. Рисунок же на обложке с изображением золотистой птицы, похожей на лебедя с длинным хвостом, заточенной в клетку, казался мне неправильным и вызывал желание эту самую клетку открыть. Никогда не любила ограничение свободы.

Провела рукой по тому месту, где была нарисована небольшая дверца. И заметила одну особенность — выпуклости и вогнутости рисунка напоминали тактильный шрифт. Нет, внешне все выглядело как цельная выдавленная полоса, а вот когда проводишь по ней пальцем, то в этой полосе выделялись бугорки и ямы.

— Техника контроля пурпурной энергии, — вслух прочитала Фокси, название своего свитка.

— Круто, наверное, — с сомнением откликнулась я, разглядывая ее свиток.

— Техника неумирающей жизни, — обрадовано похвалился Джан.

Новичок присвистнул и придвинулся к нему, заглядывая через плечо. Фокси дернулась посмотреть, но осталась стоять рядом:

— А у тебя что? — спросила она меня.

— Птичка в клетке, — пожала плечами, продолжая елозить пальцем по той самой дверце.

Что-то острое укололо меня, и я резко отдернула руку, машинально поднося ее ко рту и слизывая капельку своей крови.

— И ничего не написано? — продолжила любопытствовать принцесса, сосредоточенно разглядывая мой фолиант.

— Нет, — усмехнулась я. — И не открывается. Ну, что будем стоять и рассматривать дары или выбирать?

В этот момент сверху что-то треснуло, и громким шлепком кто-то упал рядом. Застонал. Послышался новый шум и удар...

— О, еще один принц выбрался, — усмехнулась я, когда вместо отборной ругани, донеслись лишь сбивчивые извинения.

Выражаться я не любила, пусть и могла сторяча обозвать кого-то придурком, но вот эти «простите, я так неуклюж», «не будете ли вы так любезны», вызывали зубовой скрежет. Станные они, эти принцы. Хотя их тоже можно понять — мало ли кто тебе упал на голову. И в свете этой отстранённой вежливости совершенно непонятной становится стычка в столовой. Они что-то знают о Фокси, что посмели ее задевать, или ее женственные манеры действуют на них, подобно красной тряпке на быка?

— Иззи, ты идешь? — окликнул задумавшуюся меня Джан.

— Да, конечно, — подтвердила я, пытаюсь приспособить фолиант на своих руках. Тяжелый, массивный, просто идеальное средство самообороны. Жаль только, что предназначение этой громоздкой фиговины непонятно.

Неспешной толпой двинулись по единственному темному коридору, пока сзади с глухим шлепком выпадали из библиотечной комнаты принцы. Коридор закончился десятком одинаковых дверей, а стоило нам отвернуться, как определить ту, через которую мы вошли, стало невозможно. Ни пылинки на полу способной выдать наши шаги, ни какой-либо символики. Голое, абсолютно чистое каменное пространство.

— Куда идем? — задал вертящийся у всех в голове вопрос Джан.

Принц-подушка фыркнул, глядя на нас, и двинулся в первую же дверь. А та, стоило ему переступить невидимый порог, закрылась, слившись со стеной и отрезая от нас принца.

— Весело, — обернулась я по сторонам.

Бегущие впереди нас огоньки, вызванные Фокси и Джаном, разом погасли, словно кто-то невидимый подул на них, приглушая магический свет. Повеяло холодом и сыростью, воскрешая в моей памяти так любимые мной в детстве ужастики с приведениями. Рука стоящей рядом Фокси судорожно вцепилась в мое предплечье.

— Не хватает механического голоса сообщающего, что наше время истекло, — пробормотала, отгоняя липкую пелену нахлынувшего страха.

— Шутишь? — дрогнувшим голосом поинтересовалась Фокси.

Под ногами что-то дрогнуло. Где-то внутри возникло ощущение подъема, то самое чувство, которое испытываешь в темном лифте.

— Джан? — позвала я одуванчика.

Но в ответ не донеслось ни звука. Тишина. Оглушительная и почти осязаемая. В какой-то момент, я стала слышать биение сердец и чье-то копошение, а медленно адаптировавшееся к темноте зрение уже выделяло в кромешной тьме силуэты.

— Под ногами что-то движется, — буркнула я, почувствовав шаткость того камня, на котором я стояла.

— Двигается? — запаниковала принцесса. — Ой, точно. Оно по мне ползет! — и громко вереща, запрыгала на одной ноге.

— Думаешь, эти твои пируэты помогут? — морщась от неприятного ощущения в оглушенном ухе, спросила я, перехватывая свой фолиант и вознамериваясь сразить им невидимых противников. — Или ты решил их оглушить? Лучше пошли искать двери.

Но утихомирить Фокси мои увещевания никак не помогали. Принцесса, надрывно визжа, выплясывала, намертво вцепившись в мою руку, из-за чего мои попытки удобно перехватить единственное оружие были просто бессмысленны. А когда очередной ее выверт привел к тому, что я еле удержалась на ногах, я не выдержав, гаркнула:

— Отставить панику! — и заметив, как стусевалась Фокси, уже спокойно добавила. — Нет там ничего.

— Отт-ку-да, тты зна-ешь? — заикаясь, спросила принцесса.

— Вижу, — уверенно заявила я, хотя на деле не видела ничего, кроме наших силуэтов и тонких ниточек ведущих к дверям. И выглядело это так, будто у меня вдруг активизировалось ночное зрение, когда видишь не очертания предмета, а тепло, что оно излучает.

— Ви-ди-шь? — все еще стуча зубами, удивилась Фокси.

— Вижу, поэтому успокойся и прекрати дергаться. Какой у тебя любимый цвет?

— Цвет?

— Цвет, — повторила я, осторожно освобождая свою руку из сжавших тонкое запястье пальцев.

Что-то коснулось моей ноги, поползло вверх, забравшись под штанину. Усилием воли погасила паническую атаку, зная, что если я сейчас пискну, это будет подобно снежному кому, скатившемуся с вершины горы.

— Гелиотроповый, — выдавила из себя принцесса.

— А это какой? — пришел мой черед удивляться.

— Ну как же? — недоуменно воскликнула принцесса, забыв о копошащейся под нашими ногами мерзости. — Это цвет цветка гелиотропа. Ярко-лиловый.

Мне это ни о чем не говорило, но задерживаться в этой комнате не хотелось. Выбрав ближайший к нам оттенок фиолетового, направилась к двери. Почему именно так? Не знаю, я и сама не понимала причин своего поступка, но стоило Фокси приблизиться к мерцающему прямоугольнику двери, как она начала открываться. Узкая дверь не позволяла пройти вместе, и я любезно пропустила принцессу вперед.

— Пригнись, — предупредила я, но было поздно — Фокси уже успела стукнуться головой об откос.

Застонала от боли, согнулась почти вдвое и сделала шаг вперед. Послышался звук падения и новая волна всхлипов. Почти ожидаемо коварные двери сразу же захлопнулись, оставляя меня в темноте и одиночестве. И дверьми, высота которых стремительно уменьшалась, а, следовательно, пол ускорился, грозя, расплющить меня об потолок.

Метнулась к первой же двери, попавшей в поле моего зрения, зеленоватый контур которой призывно пульсировал. Вот только пара шагов, а высота сократилась на добрые двадцать-тридцать сантиметров. И если, когда уходила принцесса, можно было просто пригнуть голову, то теперь проем по высоте достигал только до моей груди. Несколько мгновений промедления, и пока я размышляла о том, как лучше выбираться с учетом того, что невидимый пол с другой стороны может оказаться ниже, сократили высоту прохода до моей талии. Пришлось вставать на четвереньки и, выкинув в открытую дверь фолиант, ползти. На минутку посетила крамольная мысль остаться в помещении и дожидаться потолка. Почему-то я не обратила на него внимания, а с учетом того, что все мы останемся живы, его вполне могло и не быть, и пол поднял бы меня на поверхность.

Все эти мысли проносились в голове, подобно озарению, пока я, стиснув зубы, сдерживала болезненные стоны. Ударилась я знатно. На миг, в череде вращающихся перед глазами звездочек, мелькнуло сожаление, что в этот раз не было никакого принца-подушки. Зажегся слабенький свет, лишая меня способности видеть разноцветное излучение.

Посидела пару минут, приходя в себя и потирая саднящие места. А потом, вспомнив про горы и Мухаммеда, подхватив фолиант и недоумевая, какой же вещью я обзавелась на этот раз, направилась по узкому коридору.

Коридор казался бесконечным. Пару раз оттянутые тяжестью руки, порывались выкинуть эту непонятную, не желающую открываться книгу, но каждый раз при этой мысли на душе скребли кошки — не привыкла я бросать нерешенные задачи и не отгаданные загадки, а именно таким виделся мне этот манящий своей тайной фолиант.

Внезапно, по обнаженной коже лодыжки, быстро перебирая множеством маленьких лапок, стремительно промчалось что-то пугающе щекотное. Взвизгнув, стянула с себя штаны, оголяя внутреннюю поверхность бедра, где притаилось это многолапо-мохнатое нечто — странную помесь мохнатого паука птицеда со скорпионом. Жуть жутчайшая, к которой я бы ни за что не притронулась, предпочтя обойти десятой дорогой, если бы это воплощение моих кошмаров не вонзило в меня свои мощные когтистые хелицеры. И уже нацелила клыки в сторону моей нежной и такой уязвимой кожи.

Резким движением, оторвав от ноги это членистоногое, брезгливо запулила его подальше. Оставленный след в виде двух пекущих огнем припухлых красных точек, похожий на змеиный укус, мне совсем не понравился, и я надавила на них пальцами, выдавливая возможный яд или жало. Кровь выступила неохотно, слишком мала была ранка. А прижечь мне ее нечем. Спирта нет, огня тоже. Да, и вообще никакого антисептика — вся моя аптечка осталась во дворце. И в руках ни иголки, ни ножа. И ногти, как назло, тупые.

Да, что ж мне так везет-то? Одна находка колется, вторая кусается и впрыскивает яд... Вспомнив про фолиант, отыскала то самое место, которое кололось и, изогнувшись, попыталась его повернуть так, чтобы можно было пустить себе кровь.

— Чем это ты занимаешься? — очень вовремя поинтересовался кто-то.

Чуть не закричала зубами с досады, представив открывшуюся незнакомцу картину и то, что он мог бы подумать. Впрочем, как говорится, каждый думает в меру своей распущенности, а следовательно, это ему должно быть стыдно за свои неправильные мысли.

— Мы-то думали, тут драчка, а тут дрочка...., — ну вот, кто о чем, а парни о том, что у них болит и, судя по всему, сильно чешется...

Не обращая на умников внимания, провела фолиантом по ноге и едва сдержала болезненный вскрик. Все же внутренняя поверхность бедра не самое удачное место для таких манипуляций. Слишком чувствительное. Кровавая царапина немного промахнулась, и я застонала от досады. Передвинув фолиант чуть выше, упорно царапнула им второй раз. Мне повезло и я задела одну из ранок. Пока не передумала, спешно повторила процедуру. Хотя в голове уже давно проснулся разум уверяющий, что это, во-первых, больно, во-вторых, бесполезно, и, в-третьих, опасно. Что тут же подтвердили парни.

— Драчку можем быстро организовать, — насмешливо заметил все тот же неутомный, приближаясь ближе.

— Двое на одного? — поинтересовалась, отпустив фолиант на пол и надавливая на ногу двумя руками. Порадовалась текущим из нужных мест ручейкам крови. Все же самоистязания это не мое и повторять сей подвиг, я не намерена.

Припухлость к этому моменту увеличилась почти вдвое и сейчас по размеру была в половину моей ладони. Эх, отсосать бы возможный яд... Но, если заикнусь, поймут совсем уж неправильно. Да и говорят, это только в книгах срабатывает.

Понаблюдав пару секунд за кровавыми потеками, под язвительные смешки, все же

застегнула брюки, натянув их обратно.

Подняла голову, непроизвольно расправив плечи, усмехнулась, встречаясь с двумя появившимися противниками взглядом. «Страх и сомнения — худшие враги любой победы», — учил отец, а жизнь не раз убеждала меня в правильности этого изречения.

Краем глаза заметила шевеление в той стороне, куда улетел мохнатолапый членистоног. Кажется, кто-то решил попробовать атаковать меня вновь. Перед глазами яркой вспышкой мелькнул образ, где этот самый мохнатый паук, только раза в три крупнее, сидит на моем плече, щелкая клешнями и отпугивая противников, а его свернутый в трубочку, длинный, как у скорпиона, хвост, внушает страх нашим врагам. И мир при этом видится мне пятью сложенными картинками, охватывая происходящее за спиной и по сторонам до мельчайших деталей, но образы смутные, словно кто-то навел камеру на предмет, приблизив его максимально.

— А... это ты, — вдруг отмер парень и обменялся быстрым взглядом со своим другом. Тень недовольства мелькнула на его породистом лице, но тут же исчезла, так быстро, что могло и показаться.

— Видимо, я, — не удержалась от ухмылки, пока внутри разочарованно клокотал вопрос: «Что кина не будет?», а я уже настроилась на обещанную драчку и храбрилась от нахлынувшего адреналина.

Паук, забрался на фолиант, и теперь настороженно следил за нами, выпятив хвост.

— Урмиус, — восторженно прошептал, молчавший до сих пор, парень постарше и машинально стал между увесистым томом недоступных мне знаний и своим другом, заслоняя того от возможной угрозы.

Эх, что за принцы в этом мире... Чем больше знакомлюсь, тем меньше мне они нравятся.

— Где ты нашел живого урмиуса? — поинтересовался все тот же неугомонный принц, с нетерпением девицы увидевшей красивое платье в руках конкурентки, но не отыскавшей такого же в магазине.

— Нигде, — ответила правдиво, пожимая плечами.

— Тогда этот реликт стоит разыграть по праву сильнейшего.

Закатила глаза от пафоса такой привычной фразы «гони бабки, нас больше».

— И кто же тут сильнейший? — усмехнулась дерзко, приготовившись к нападению.

Но все решил паук. Вспрыгнув мне на штанину, моментально взлетел на мое плечо и, судя по перекосившимся лицам моих противников, угрожающе оскалился.

Недовольно цокнув губами, принц развернулся и скрылся в коридоре.

Второй парень, чуть замешкавшись и немного отстав, повернулся ко мне:

— Будь осторожен. Не знаю, где ты взял это ископаемое, о котором уже пару столетий никто не слышал, но урмиус смертельно опасен — малейший укус или царапина и ты труп. Обрадовал... Нечего сказать.

«Ник!» — не особо надеясь, позвала брата.

Пусть Трей и предупреждал, что во время выбора не сможет мне помочь, так как ментальная связь блокируется, но слышали же мы друг друга сквозь миры?

Снова стянула штаны, рассматривая уже затянувшуюся двойную ранку. Припухлость сошла на нет, не оставив и следа. Яд, если он был, уже наверняка разбежался по телу.

«Трей!» — снова повторила я зов, досадуя на свою несостоятельность.

Что даже попрощаться не дадут с единственным родным человеком? А ведь в жизни только все стало налаживаться. Последняя мысль вызвала острый приступ жалости к себе и пусть сдаваться и умирать я не собиралась, но крамольная мысль — «всё тлен и лучше не трепыхаться» все же посетила мою голову, внося сумятицу, а потом так же стремительно ее покинула, скатившись слезинкой по щеке. Некогда мне. Вот пройду этот злосчастный выбор и буду страдать. Даже поною у брата на плече, сводя его с ума своей истерикой.

Что-то мохнатое коснулось щеки, стирая слезинку. Дернулась от неожиданности, почувствовав прикосновение юркого языка. Он что? Решил и за щеку меня укусить? Одного моего смертоубийства ему мало?

«Тише ты, неугомонная! — устало прикрикнул на меня кто-то в моей голове. — Не умрешь ты! Ни один яд теперь тебя не убьет! Да, и вообще, как можно убить избранницу феникса?»

«Феникса?» — оторопело повторила я, вспоминая сказки об огненных птицах, воскрешающих из пламени.

«Феникса! — уверенно повторило это членистоногое, наконец-то, покидая мое плечо и перебираясь на фолиант. — Ну, чего стоишь? Пошли! Нам еще птичку эту бешенную искать!»

«Не командуй, насекомое!» — огрызнулась, злясь на себя за проявленную слабость. Все же не пристало Изабелле Фетисовой реветь и паниковать, когда надо действовать. Не этому учил меня папа.

«Я не насекомое!» — возмутился паук, пока я поднимала фолиант и выбирала направление.

«А кто?».

«Тот, кого ты вообразила, — я даже замерла на месте от неожиданности. — Чему тебя вообще учили, бестолочь? Урмиусы — воплощение страхов».

В голове разом промелькнули все когда-либо виденные ужастики, а учитывая, что иногда заснуть я могла только под них, смотрела я их много, но монстров никогда не боялась, люди меня пугали значительно больше. И вот, как оказалось, такая помесь паука со скорпионом. Усмехнулась, вспомнив свой второй страх — летучих лисиц, и с открытым ртом наблюдала, как на моих глазах происходит перевоплощение. Когда же на меня посмотрели два круглых глаза в окружении светло-коричневых очков на заостренной собачьей мордочке с закругленными ушками, присвистнула от восторга и удивления:

«Круть!»

«Я могу летать!» — восторженно завопил урмиус, взмахивая своими черными кожистыми крыльями и поднимая пыль с каменного пола.

Теперь урмиус был размером с фолиант, а размах черных кожистых крыльев превышал его раза в четыре, достигая метра. Неудивительно, что крыланы так напугали меня в детстве. Увидишь такое создание, пикирующее на тебя в пятилетнем возрасте, еще не так испугаешься. Пусть даже оно и в вольере зоопарка.

«В таком виде он мне нравится больше», — вынуждена была признать я, почесывая за пушистым ушком, спикировавшего мне на плечо крылана. Все же к страху перед пауком добавлялась брезгливость, а этот зверек был довольно симпатичен. Хотя и довольно тяжел.

На мою мысль крылан смешно фыркнул и тут же истаял, возвращая себе форму паука.

«Нравится ей, как же! Мелкий какой-то. Эх, был бы парень, так я бы на что-то путное был похож, а так...», — разочарованно протянул крылан, окидывая себя взглядом.

«Слушай, если ты воплощаешь мой страх, то, как принцы поняли, что ты урмиус?»

«У нас таких тварей, как ты вообразила, не водится. Это ж надо было такое придумать», — недовольно осматривая свое тельце, пробормотал урмиус.

«Это ты еще «чужого» не видел и остальных выдуманных страшилок. Да, и не я это придумала, такие хвостатые паучки водились в древности. А я мелкая любопытная была, вот и читала все, что не попадя. Особенно увлекалась палеонтологией», — почему-то начала оправдываться я.

«Молчи уж!» — недовольно буркнул паук, а у меня в голове настойчиво мелькнула мысль о том, что я должна была вынести из испытания вещь, а не это говорящее членистоногое и, если я нечаянно прихлопну его этим фолиантом, то за вещь он вполне сойдет.

«Так, что с принцами?»

«А что с ними? Мало того, что девчонка, так еще и непутевая... Как ты вообще в Корвернок попала? Неужели, запрет на обучение женщин сняли? Или ты, поэтому такая бестолковая, что тебя ничему не учили? Да, и зачем вообще вас учить, если вы должны дома сидеть и наследников рожать».

«Еще один шовинист выискался на мою голову. Слушай, а давай, я тебя потеряю? Сделаю вид, что в той комнате с дверями никакой вещи не нашла».

«Я тебе потеряю! Я что зря ждал тебя столько лет?» — обиженно проворчал паук.

«Так зачем ждал? Принцев же тьма тьмущая. Каждый год выбор проходит. Выбрал бы себе любого».

«Любой не подойдет. Магия у них не вкусная, — как-то обреченно признался урмиус: — Фонит страхом или слабостью».

«Прям-таки у всех?»

«Ну, почему же у всех. Только у тех, у кого схожий дар. Остальные мне не подходят».

«А схожий это какой?»

«И чему тебя только учили?»

«Ничему», — качнув головой, призналась я.

«Ты маг иллюзий. Это твой основной дар. Не заметила, как все видят то, что ты представляешь?»

Вспомнила свое пробуждение, зал и красную ковровую дорожку, убегаящую из-под ног. И как раньше это не сопоставила? Трей же говорил, а в моей голове не отложилось. Слишком много всего навалилось последнее время, некогда было остановиться и задуматься. Я даже свой внешний вид приписывала артефакту, забыв о том, что уже неоднократно корректировала его в едва заметных мелочах.

«Что ты там говорил про феникса?» — вернулась я еще одному непонятному мне моменту.

Коридор закончился ярким сиянием в конце тоннеля, потянувшись к которому, сделала очередной шаг, пресекая отчетливо видимую черту, где состыковывались свет и тень, и замерла от неожиданности.

Передо мной приветливо раскинулась уютная поляна сочной зелени с яркими цветущими островками. Над головой сияло жаркое солнце. Воздух одуряюще пах озоном, скошенной травой и легкой смесью потрясающе нежных цветочных ароматов. Возле моих ног притаился огромный камень с замысловатым узором, от которого в разные стороны

разбегались причудливо изогнутые тропинки.

— Налево пойдешь — коня потеряешь..., — еле слышно пробормотала я, уж очень сильна была ассоциация с былинным камнем из старых сказаний.

Только тропинок убегало не три, а как минимум пара десятков и все разные — узкие, широкие, полностью вытоптанные, заросшие густой травой, извилистые и прямые. И я очень сомневаюсь, что для каждой из них есть своя присказка. Хотя...

На минуту задумалась, пытаюсь решить, как же все-таки выбрать нужную, пока не вспомнила притчу про мудрецов, заблудившихся в лесу, и не свернула на ту тропинку, к которой у меня больше всего лежала душа — маленькую, едва приметную в несмятой траве и какую-то зовущую что ли.

И стоило мне ступить на нее, как все стремительно изменилось. Небо заволокло темными, готовыми пролиться тучами, а пронизывающий холодом ветерок закрутил парочку маленьких ураганов. Обернулась и ... не увидела камня, хотя сделать успела от силы десятков шагов. Вместо него за моей спиной, будто отрезая меня от всего живого, зияла зыбкая непроглядная пелена. Пугающая и приближающаяся.

«Беги!» — завопил в моей голове урмиус.

И я побежала.

В какой-то момент грянул жуткий громовой раскат, и темное небо расчертило огромной молнией, разделив его на две части — насыщенно-синюю и огненно-красную. Усилившийся ветер донес запах моря. От возможного ливня прикрыла голову фолиантом, бежать с которым на голове, а не под мышкой, оказалось неожиданно удобней.

Всего пара минут бега и вокруг меня, буквально, разверзся ад на земле.

Первый росчерк голубой молнии, долетевший с синеющей части неба, выбил почву из-под моих ног, оставив небольшую воронку и обдав пылью. На миг затормозив, очнувшись, когда горячий камень размером с теннисный мячик, прочертив небо, по касательной обжег жаром правое плечо и рухнув на землю, оставил занявшуюся бодрим пламенем воронку.

«Беги!» — повторил свой вой урмиус

Но я и без его подсказок уже стремительно неслась по тропинке.

Это было странно, пугающе, дико.

Пахло дымом сотни пожарищ. Я словно попала в кино про войну на съемку сцены с коврами бомбардировками, что прокладывали дорожки с двух сторон от тропинки: слева — молниями, справа — камнями и стеной огня. И стоило мне оступиться и сойти с этой тонкой дорожки, как я попадала под артиллерийский обстрел.

Одна из молний угодила в мои удерживающие фолиант пальцы, оставив болезненно-ноющий ожог и занемевшую конечность, двинуть которой я теперь была не в силах.

Сколько это продолжалось? Секунды? Часы?

Для меня все слилось в стремительный монотонно-виляющий бег, постоянные попытки уклониться (с чем очень хорошо помогал своевременно предупреждающий и видящий на 180 градусов паук) и выворачивающую наизнанку жгущую боль.

Еще один неверный шаг и камень попал прямо мне в голову. Сила удара была такой, что я невольно присела на подогнувшихся коленях, с трудом удержавшись на шатких ногах, а когда немного восстановила дыхание и перестала считать кружащиеся в голове звездочки, все стихло...

Тучи ушли также внезапно, как и появились, не пролив и капли дождя. Оставив безмятежное небо над головой и яркую траву под ногами...

Устало упала на колени и распростёрлась на зеленой траве, следя за игрой маленьких перистых облачков отставших от тучи.

«Что это было?» — стучал в голове настойчивый вопрос.

«Очередное испытание», — пришел ответ, заставляя задуматься.

Ладно, допустим, уроком в этот раз стало доверие. Все же без подсказок урмиуса и безоговорочного следования его приказам, я бы осталась на этой тропинке. Но тогда что за вещь я вынесла?

Нужно было встать и осмотреть себя, чтобы не было таких же сюрпризов, как с пауком, но мне было откровенно лень. Разморенное теплым солнышком тело не хотело двигаться, глаза сами собой закрывались, а неестественная тишина глушила даже мысли, оставляя одно безмятежное спокойствие.

«Не спи, дуреха! Не проснешься!» — истошно заорал в моей голове урмиус, а потом впился болезненным укусом в здоровое предплечье.

Подлетела от неожиданности и немного обиженно, потирая место укуса, посмотрела на паука.

«Ты чего?»

«Видишь, эти голубенькие цветы?» — вместо ответа спросил очевидное урмиус.

«Не слепая», — буркнула с досадой, поднимая фолиант.

«Это не цветы, а даджи. Они тебя усыпят, а потом съедят».

Посмотрела на почти земные колокольчики — такие же маленькие и нежные, и не поверила. Разве может такой хрупкий цветок представлять угрозу?

«Ой, дуреха. Смотри!»

Урмиус сполз с моего плеча и, щелкнув зубами, перегрыз тоненький стебелек у самого основания соцветия. В ту же минуту из цветочка вылетело маленькое злобное существо и, грозно шипя, принялось атаковать урмиуса. Тот, хоть и был в пару раз больше, но стремительно сбежал, занимая уже привычное место на моем плече. Грозное существо подлетело выше, прямо к моему лицу, и вдруг ткнуло чем-то напоминающим меч. Отмахнулась, как от надоедливой мухи, и ощутила саднящую боль на ладони.

«Бежим!» — закричал урмиус, пока я, широко раскрыв глаза смотрела на тучу этих крылатых существ взвизгивающих в небо.

Снова понеслась непонятно куда и непонятно зачем.

Уже через пару минут бегство стало утомлять. Я задыхалась, легкие буквально горели. Остановилась и повернулась к противнику лицом. Крылатые шмакодавки нагоняли. Перехватив фолиант за край, принялась отмахиваться им, сбивая недофей.

«Так их!» — радостно завопил паук, когда один из удачных взмахов сразил сразу несколько существ.

Занесла ногу, готовая втереть в землю павших, но остановила в паре миллиметров от распростертых тел. Надо же такие маленькие и такие противные...

— Убирайтесь! — приказала громко. — А то вернусь и всю поляну вашу сожгу, — я почти блефовала, но все эти сражения меня утомили.

Стая, громко жужжа, сделала пару кругов вокруг меня, осыпав меня забивающей ноздри пылью, но нападать больше не стали: отлетели на расстояния, а когда я отодвинула ногу, прихватив своих контуженных раненых, исчезли с моих глаз.

Хотелось снова упасть на землю и насладиться отдыхом, но повторять больше такую глупость не стала. Вытащила из центра фолианта круглый багрово-красный гладкий камень,

оставивший изрядную вмятину в кожаной обложке. Взвесила на руке и вздохнула. Кто бы объяснил мне, что вообще происходит, но урмиус молчал, о чем-то размышляя, а больше рядом со мной никого не было.

Оглянулась и поняла, что тропинку я потеряла.
И куда теперь идти?

Отгоняя от себя мрачные мысли, что нет-нет да просились на ум, бессильно озиралась по сторонам, чувствуя, что еще немного, и я достигну той точки, когда тщательно отодвигаемая волна страхов и сомнений заполонит меня и вырвется безудержными слезами. Слишком много всего навалилось на меня. Слишком долго я отгоняла и отрицала происходящее, не желая принимать действительность. И вот теперь я чувствую себя беззащитной и одинокой, запертой неизвестно где. И эта неизвестность пугает...

Недовольно покачала головой, снова задвигая скопившийся негатив подальше. У меня сегодня будет повод со всем этим покончить. Вот выберусь и спущу пары, мутузя одного заносчивого типа.

Пока боролась с очередным приступом острой жалости к себе, удивляясь тому, что они зачастили, вертела в руках камешек. Небольшой (и, слава богу, а то бедная бы была моя голова), полностью гладкий, в виде капли с острым кончиком и широким округлым основанием, настолько ровным, что в его естественное происхождение не верилось. Ну, не бывает в природе настолько симметричных форм.

А эти золотистые прожилки на кроваво-красной поверхности и вовсе напоминали какие-то загадочные письмена, руны или иероглифы. Вот только я в этом ничего не понимала.

Отложив камушек, принялась изучать оставленную им вмятину, отмечая ровные края и разбегающиеся в стороны круги. Их было три. И каждый из трех выделялся едва заметным переходящим оттенком и тонкой росписью витиеватых символов. Самый большой круг заканчивался возле лап птицы, теперь широко распахнувшей крылья, бьющиеся о стены клетки. И столько застывшего ожидания была в ее взгляде...

Вложила камешек закругленным краем в выемку. Тихий щелчок и камень сдвинулся, встал намертво. Коснулась торчащего кончика, теперь напоминающего наконечник стрелки, в то время как круги напоминали циферблат загадочных часов и, повинувшись импульсу, пальцем наклонила к тому месту, где в нашем мире была бы цифра три.

Удивилась, когда камушек послушно накренился и свободно двинулся по кругу. Что-то снова щелкнуло, появилось загадочное сияние камня. На миг, мне показалось, что крылья птицы дернулись, а во взгляде мелькнуло облегчение...

А потом камушек полностью погрузился в книгу и, с небольшим трепетом книга распахнулась у меня в руках.

— Офигеть..., — вырвалось у меня изумленное, пока я, вперив глаза, разглядывала открывшиеся мне символы и картинки.

«Арханский, — восторженно пробухтел в моей голове урмиус, — утерянный язык первых магов».

Повертела фолиант, пытаясь перевернуть страницу, но их не было, словно вся книга и состояла из этой страницы и толстенной обложки.

С разочарованным вздохом пожав плечами, с насмешливым смешком пробормотала:

— Бель — собирательница реликтов, — вовремя прикусив язык на слове «бесполезных». — Почти в одном ряду с Ларой Крофт — расхитительницей гробниц и Зеной — королевой воинов...

Закрыла книгу, так и не разобрав ни одного символа. Даже понять смысл рисунка было невозможно, уж очень он напоминал детские каракули и наскальную живопись.

Картинка на обложке изменилась: теперь не было клетки, птица парила в свободном полете, неся в лапах сияющий загадочный циферблат. Но стоило страницам коснуться друг друга, как камешек немного выдвинулся, а изображение вновь поменялось — теперь птица гордо восседала на циферблате, сложив крылья.

Повернула камешек в другую сторону и все повторилась — щелчок, новый разворот книги с другими картинками и летящая птица на обложке. Чудеса! А камешек - ключ от клетки.

Провозившись минут пятнадцать, каждый раз под недовольное брзжание урмиуса открывая новый разворот, пришла к выводу, что циферблат — это какая-то сложная система страниц, разобраться с которой прямо сейчас мне хоть и не терпится, но явно придется отложить до более безопасного места.

Поднявшись на ноги, пожалела о том, что при наличии магии никто не снабдил меня такой потрясающей вещью как описанный в куче книг пространственный карман — спрятала бы туда фолиант и не таскала бы эту ограничивающую движения и оттянувшую руки тяжести.

Эх, мне бы колечко. Такое маленькое незаметное и огромным вместительным шкафом внутри. И так явственно приставила, что почти не удивилась, когда это самое колечко появилось на пальце, а передо мной распахнулось пространство, являя отцовский книжный шкаф с небольшим сейфом, о существовании которого знали только мы с ним.

«Дуреха, на что ты благословение доджей потратила», — заворчал недовольный урмиус.

Он вообще после нашего побега благодушием не блистал, словно что-то в наших отношениях неумовимо изменилось. Тоже мне отношения — пара часов знакомства, а рассуждаю уже так, будто мы с ним вместе пуд соли съели. И он брзжит подобно ревнивому мужу.... Рассмеялась пришедшему на ум сравнению.

«Благословение?»

«Доджи тебя одарили, а ты выкинула их созидательную пыльцу на это... эту...», — он даже слов подобрать не мог.

«Полезную шутовину, в которую можно положить все что угодно и не таскать его за собой. Хочешь, и тебя туда спрячу? Вот место как раз на мягкой подушечке есть?» — предложила я, ставя книгу на подходящую по размерам полку и отмечая, что в шкафу есть все необходимое — и книжные полки и длинные ящики, в которые удобно будет сложить оружие, и специально сделанные отсеки под пистолеты и всевозможные бутылочки, и просто полки для сменной одежды. Красота. Огромная вместительная красота!

Ключ, поддавшись наитию, решила спрятать в сейф. Даже пароль установила — день рождения отца.

«Не нужно меня прятать».

«Ну, не нужно, так не нужно», — покладисто согласилась я, поворачивая на пальце кольцо и закрывая шкаф.

«Это ж надо благословение доджей на такую ерунду потратить, — продолжил возмущенно ворчать урмиус, едва пространство закрылось с тихим щелчком. — Их пыльцу

для самых заветных желаний используют, а она...»

Стоило ему это сказать, как в голове возник Питер Пен со своей Динь-Динь и то, как опрысканный пылью феи, этот нежелающий взрослеть мальчик летал. Захотелось того же...

Сама не заметила, как тело оторвалось от земли. Удивление, изумление, восторг переполнили меня, когда я поняла, что лечу, свободно левитируя в воздухе. Радостно кувыркаясь, делая очередной вираж, я так увлеклась баловством, что вспомнила о пауке только тогда, когда в поле зрения показались крылья огромного крылана.

— Урмиус? — озадачилась я, вспомнив про паука.

«Кто же еще, дуреха, тебя от самой себя спасти будет!»

«Меня от чего спасти», — самоуверенно фыркнула я.

«Ну-да, ну-да... И поэтому ты решила влететь в зыбкую пелену?»

«Зыбкую пелену?»

«Аномалию, в которой магия не действует. Видишь впереди?»

Я присмотрелась и... ничего не увидела. Лишь едва заметные переливы на солнце. Это было красиво и странно, так словно кто-то запустил огромный мыльный пузырь, протянувшийся от края до края. С приближением зрелище становилось все более завораживающим.

— Ой, — вскрикнула перепугано, поняв, что не могу развернуться, и меня словно магнитом втягивает в пелену.

«Снижайся, дуреха, пелены уже не избежать, но хоть не расшибешься!»

Послушно начала спуск, но высота была набрана немалая, а расстояние, отделявшее меня от пелены, быстро сокращалось, и двигаться становилось все труднее и труднее...

«Не успеешь! Эх, а я так надеялся, что наконец-то нашел себе мага...», — разочарованно протянул урмиус... прощаясь?

Меня закрутило, всем своим телом чувствовала натяжение этой невидимой пленки, а потом она прорвалась с тихим треском, и я начала стремительно с возрастающим ускорением падать, будто меня выкинули в открытый отсек набравшего высоту самолета, а парашют выдать забыли...

Вспомнив про парашют, вспомнила и любимую сценаристам сценку с зависанием парашютиста на ветвях деревьев. Слева от меня над обрывом как раз возвышался могучий раскидистый исполин, и я всеми силами потянулась к нему. Получалось откровенно плохо — лавировать на воздушных потоках меня не учили, а за полчаса лета я успела только немного разобраться в балансировке. Через пару минут страданий поняла, что дерево пролетает. Точнее я пролетаю мимо него.

Зато под моими ногами теперь был пологий спуск с высокой горки, и это несколько отдаляло мое столкновение с землей. Эх, мне бы снег и саночки, мелькнуло в голове. Только откуда же снег посреди лета? Лучше тогда уж зорб*...

Сама не заметила, как воспоминания о спуске в прозрачном шаре, возникли так отчетливо со всеми испытываемыми во время спуска ощущениями, что я на миг прикрыла глаза, отгоняя вновь захвативший трепыхающееся сердце страх. С закрытыми глазами представить себя в зорбе было много проще. Даже тело автоматически сгруппировалось, и я почувствовала себя хомячком, крутящим колесо в клетке.

Мысли переметнулись к страхам. Никогда не была отчаянно смелой. В детстве боялась почти всего — клоунов, открытой воды, темноты, замкнутых пространств, людей в белых халатах, одноклассников.... Да, проще перечислить чего я не боялась, потому что список моих страхов окажется бесконечным. Но однажды просто устала бояться. Да, и папа настаивал, что страхам нужно смотреть в лицо. И я, преодолевая почти панический ужас, входила в темную комнату, заплывала глубоко в море, смотрела ужастики... и вполне ожидаемо начала ловить от этого кайф. На сегодня адреналинового кайфа был явный переизбыток, и это грозило обернуться полной апатией.

Открыла глаза и облегченно рассмеялась. Теперь я точно — Белка в колесе. Зорб воспроизвелся именно таким, каким я его видела — две прозрачные сферы, наполненные воздухом между ними, и я бегущая внутри и подпрыгивающая как мячик на неровностях. Осталось только надеяться, что этот головокружительный бег скоро закончится и мой шар остановится.

Я врзалась в один камень, другой и наконец-то остановилась. Выбралась через полуметровое отверстие наружу и хотела уже развалиться на земле, но умудренная недавним опытом рисковать не стала.

Ошарашенный урмиус молчал, вращая своими глазками по сторонам. Да, космонавтом ему не быть — вестибулярный аппарат явно подводит. Хотя это странно, учитывая, что пауки летают на паутинках...

«Я не паук!» — тут же возмутился урмиус.

Пожала плечами, не став спорить. Я-то привыкла к тому, что паук это просто паук, а тут магия...

«Что это было?» — поинтересовалась я, разглядывая застывший зорб в поисках пробки. Залезать внутрь я больше не собиралась, бросать не хотелось — мало ли что пригодится, вдруг я снова летать начну, а тащить с собой.... Спрячу-ка я его в свой чудо-шкаф.

«Не знаю. Я такую штуку первый раз вижу».

«Да, я не про штуку. Я ее представила, а она появилась, как пространственный карман».

«Магия дождей? Слишком щедро с их стороны за сохранение никчемных жизней».

«Почему никчемных? — удивилась я. — Может, я их принца не пристукнула».

«Нет. Простые рядовые доджи. А вот одаривал тебя принц, — и, заметив мой недоуменный взгляд, пояснил: — у него крылья были тройные».

И как вообще рассмотрел? Я кроме мельтешения перед глазами и злобной физиономии ничего не видела. Хотя, что тут скажешь — паук!

«Я не паук!» — раздраженно завопил в голове урмиус.

Потупилась виновато. Обижать единственного товарища по несчастью не хотелось, но мне это стабильно удавалось. Напомнила себе, что это я виновата в его паучьем виде. И несколько раз повторила слово «урмиус», воспроизводя картинку своего скорпионо-паучка и создавая новую цепочку ассоциаций.

«А это не может быть вещью, которую мне нужно найти?» — обратилась я к пауч... черт, урмиусу.

«А урок?»

«Что-то типа будь осторожнее? Тогда и доджей следует считать, как испытание, а мой чудо-шкаф, как вещь», — продолжила размышлять я, вмещая сдутый зорб на полочку шкафа. Хорошая вещь, жаль, что бесполезная. Насоса нет, а сам лопнешь, пока надуешь.

«Тьфу, нашла проблему. Воздушника попросишь», — прекратил мои стенания урмиус.

И впрямь чего это я, тут на все проблемы найдется магическое решение.

Оглянулась и вздохнула. Куда ни глянь безмятежная степь с редкими деревцами, слева и справа заканчивающаяся высоченными горами. Оглянулась, за спиной тоже гора, пусть немного пониже, но все же пугающая. Это с нее я катилась кубарем? Нет, увольте, я больше туда не лезу.

Повернулась к горе спиной и отправилась искать хоть какую-то затерянную тропинку или остатки цивилизации.

«Ничего, мелкая, выберемся», — подбодрил устроившийся на плече па... урмиус.

«Куда ж мы денемся, — пробормотала я, замечая прогресс в его обращениях. Так, глядишь и до Бель дорасту. — Так как тебя величают, друг ты мой сердешный?»

«Чести иметь имя, я не был удостоен».

Я аж споткнулась от этих слов. В голове крутился один вопрос «Как так?» и ему в ответ пришло понимание — имя дают родители или другие близкие существа, а какие близкие у воплощения страхов?

«Вместе придумаем? — предложила я и тут же оправдала свой порыв, отметив его желание возразить: — А то, так и останешься пауком. Ну, не могу я думать о тебе по-другому.

Под придумывание имени для урмиуса дорога текла быстрее и не так одиноко, но, сколько бы ни перебирали имен, консенсуса так и не достигли.

Зато сами не заметили, как вышли к реке из кипящей лавы, перед которой столпилось несколько широких спин полукругом, огородивших что-то на земле.

Пару минут я выискивала в этой толчее знакомые лица, но никого так и не увидела. Зато поняла, что несколько принцев столпились возле двух валяющих друг друга в пыли тел. Напомнив себе о том, что когда дерутся двое третий лишний, уже хотела обойти группку болеющих седьмой дорогой, но тут из-под съехавшего капюшона одного из драчунов мелькнула запыленная, но от этого не менее узнаваемая макушка Одувана.

На миг притормозила, оценивая ситуацию. Несмотря на небольшой рост и отсутствие груды мышц, Джан был в разы гибче и стремительней, чтобы уже сейчас можно было

однозначно заявить о победе. Громоздкому противнику просто нечего было противопоставить уходящему от очередного захвата верткому Одувану. И техника его боя мне нравилась — было в ней что-то брюслиевское и джекичанское. Мне до такого еще расти и расти.

Замерла от восторга, когда Джан ловко провел серию незаметных в своей молниеносности ударов и плавно перетек в очередную позицию.

Двое из наблюдающих за дракой принцев сделали шаг вперед, обмениваясь быстрыми взглядами. Присмотревшись, узнала задир из столовой, а поверженный, значит, Громила... Эх, не хотела же вмешиваться, но трое на одного как-то не спортивно.

— О, Джан, вот ты где. Развлекаешься? — подходя ближе, окликнула я Одувана, предупреждающим взглядом наградив парочку. — И что за повод?

— Да, так. Не могли решить, кто первый через реку переберётся, — ответил мне Джан, отряхивая пыль с одежды одним взмахом руки.

— Это через вот эту что ли? — кивнула я в сторону реки. — И как собрались перебираться?

— Да, на лодке. Вон стоит, — указал один из наблюдающих за дракой принцев, вырастая рядом с нами.

— Мммм, — еле сдержала смехок я, заметив притаившуюся в кустах деревянную лодчонку, — Ну, так пусть плывут первыми. Раз им не страшно, — предложила я, озираясь по сторонам, но не находя ничего хотя бы отдалено напоминающего то, чем можно воспользоваться для перехода.

— Ты серьезно? Хочешь, чтобы они первыми прошли последнее испытание? — вздернув брови, спросил Джан, а я вдруг задумалась о степени образованности местных принцев.

— Они не пройдут, — спокойно заметила, размышляя о таких очевидных проплешинах. Пока мы с Джаном переговаривались, парочка успела подхватить под мышки третьего (все же хорошо его Одуван отделал) и бегом кинулась к причаленной на берегу лодке.

— Стойте, — заорала я, увидев, что они всерьез мчатся навстречу огненной лаве. — Да, стойте же, придурки, — выругалась с досады, когда один из них повернулся и согнул руку в извечном жесте.

Нужно будет у Трея спросить, это меня послали или поблагодарили сейчас, а то мало ли какие сложности перевода могут возникнуть.

— Да, остановитесь же, — выкрикнула я, срываясь с места и несясь туда, где парни уже устраивали в лодку своего друга.

Добежала я, к тому моменту как они, пыхтя, начали сталкивать лодку в воду. Оттолкнула одного уже готового шагнуть в лаву на песок. Джан, каким-то чудом оказавшийся рядом, толкнул второго.

— Вытаскиваем его. Быстро! — распорядилась я, шагая в уже наполовину спущенную и занявшуюся на носу лодку.

Дернула за руку громадное тело...

— Не тронь меня!

— Идиот! Сгореть заживо решил? — выругалась сквозь стиснутые зубы, борясь с отмахивающимся от меня громилой.

Кто-то огрел его по голове, и тот мигом обвис, а я, пошатнувшись, чуть не села. Тяжеленный бугай. Кто-то перехватил, удерживая меня крепкой рукой.

Выпрыгивала уже из полыхающей огнем лодки, опаливая ноги:

— На песок его! Крутите, — сбивая огонь с загоревшихся штанов, вопила я, видя, что по Громиле пламя взлетает просто с космической скоростью.

А я-то надеялась — в огне не горит, в воде не тонет...

Затушив штанины, оглянулась. Громила лежал и постанывал, парочка парней, в одном из которых я узнала недавнего советчика, и видимо помогавших в эвакуации, светила обгоревшими штанами. Занявшаяся подобно спичке лодка догорала в стороне.

— Что это было? — спросил один из принцев и все как по команде уставились на меня.

— Вам, что учителя не рассказывали, что, попав в жидкую лаву, можно сгореть в считанные секунды?

— Лаву? — переспросило сразу несколько голосов, переводя взгляд с меня на реку.

— Лаву, — повторила я.

— Но при чем тут лава, если это обычная вода? — поинтересовался кто-то неуверенно.

— Вода? — пришел мой черед удивляться.

— Вода, — повторил Джан, задумчиво разглядывая мое лицо.

От этого пристального взгляда стало неловко. На минуту даже показалось, что Одуван догадался о том, кто я такая на самом деле. Поежилась.

— Ты видишь сквозь иллюзии, — констатировал он после небольшой заминки.

Пожала плечами. Я сейчас ни в чем не была уверена. А каждая лишняя минута пребывания в этом месте наталкивала на желание тереть нос и повторять за Алисой:

— Все чудесатее и чудесатее.

** Изабелла размышляет о зóрбинге — экстремальном аттракционе, заключающемся в спуске человека в прозрачном шаре — зорбе — с горы или в пересечении водоёма внутри аналогичного шара.*

Сидя на берегу и перебирая в волнении травинки под руками, я четко уловила, как после слов Джана, в глазах собравшейся вокруг нас толпы высокородных мелькнули опасение и страх. Встревоженные и напряженные принцы почти сразу предпочли оставить нас одних — кто-то спешно отвернулся, пряча лицо, кто-то и вовсе отошел в сторонку и теперь, держась поодаль, украдкой бросал в мою сторону косые и осторожные взгляды — узнанным не хотелось быть никому.

Рядом со мной остался сидеть только Джан и тот парень, что предупреждал меня на счет урмиуса. И если второму, я была уверена, скрывать нечего все же не принц, то Джан... Джан выглядел подозрительно. Чувствовалось в этом всем какая-то недоговоренность, а еще откуда-то пришло ощущение, что он не тот, за кого себя выдает. Ну, не может парень,двигающийся подобно ленивому хищнику, быть хлипким ботаником...

«Интуиция, малышка, всегда слушай интуицию. Это ведь не просто какое-то призрачное чувство или ощущение. Это способность нашего мозга анализировать информацию. Смотри, ты на переходе, на тебя несется машина, и ты неосознанно рассчитываешь ее скорость, траекторию движения, ширину покрытия, погоду, учиываешь остальные машины, пешеходов, место возможного столкновение с тобой и еще массу факторов.... Все эти сложные физико-математические расчеты, на которые, задай тебе эту задачу, ты потратишь уйму времени, ты проводишь в уме за долю секунды. Быстрее компьютера. И пусть ты не получаешь точное цифровое решение, но еще до того как сделать шаг, ты уже знаешь ответ — успеешь ли перейти. Так действует и интуиция. Просто факторы, которые она принимает в расчет мы пока не в состоянии осознать», — прозвенел в голове голос отца, всколыхнув забытое наставление.

— Я не вижу сквозь иллюзии, — запротестовала почему-то шепотом, спустя всего пару секунд. — Иначе бы ты перестал быть одуванчиком, Джан.

Одуван приблизился ко мне и шепнул чуть ли не в самое ухо, вызывая стайку мечущихся по рукам мурашек:

— Верно. Не видишь. Но то, что делаешь ты, гораздо опаснее... И тебе лучше не распространяться об этом.

И посмотрел так многозначительно, что больше задавать вопросов я просто не стала. Расспрошу у Трея, что не так с магией иллюзий и почему из этого нужно делать такую огромную тайну. Хотя, если предположить, что я всем внушила лавовую реку вплоть до ожогов оставленных ей на коже, то становится страшно от собственной силы.

Между тем Джан не стал задерживаться на берегу, отошел от меня и спокойно вошел в лаву, а потом просто поплыл под удивленные возгласы толпы принцев. Закрыла глаза, представляя вместо раскаленной лавы спокойную безмятежную воду и дивясь тому, что на этого самого принца моя магия не действует. И это еще один вопрос, который нужно будет обсудить с братом.

Оставаться с озирающейся на меня толпой без единственного союзника было страшно. И не потому, что я боялась самих принцев, больше страшилась себя и своей силы, которая непонятно, как и когда проявится. Поэтому, едва убедившись в безопасности Джана, поднялась на ноги и пошла вдоль берега.

— Ты куда? — окликнул меня незнакомый знакомец.

— Пойду, поищу переправу, — ответила, не оборачиваясь и с изумлением находя в своих руках черный хрупкий цветочек, который я машинально вертела. Чудной цветочек, словно застывший на веточке человечек в шапочке с двумя черными крыльями и ярко-красными глазенками. — Спасибо тебе, — пряча цветочек от посторонних глаз, повернулась к парню. — Меня зовут, Иззи.

— Леннуалл, — приветливо улыбнулся мне в ответ незнакомец.

Застыла, не зная, что сказать. Дежурное «Очень приятно» так и повисло в воздухе между нами. Неловкая тишина становилась все гуще, звонче, ощутимее, и уже готова была взорваться, когда Леннуалла позвали.

«Опять резонанс?» — выругалась озадаченно, чувствуя, как все тело плавится под действием чужой силы.

«Перенос».

«Что?»

Урмиус в моей голове терпеливо со снисходительной презрительностью повторил:

«Перенос. Ты не на него среагировала, а на того кудрявого. Только он, как и ты, под защитой артефактов, вот и почувствовала запоздало».

Хотела возмутиться тому, что слишком на многих моя магия резонирует, но не успела, следующие слова урмиуса буквально выбили почву из-под ног:

«Откуда у тебя ночной ангел?»

«Ангел?» — удивленно покрутила я цветок, моментально догадавшись, о чем он. А что похож... Нимб на голове, черные крылья за спиной — точно ангел. Жаль, что сорвала такую красоту. Уничтожила... Убила... Горечь от осознания этого хлынула волной, сметая остатки спокойствия.

Присев подняла горсть земли, подчиняясь какому-то наитию, представила горшочек перед глазами, наполнила его землей и посадила цветочек, крепко приминая землю вокруг тоненького стебелька. Знала, что это бесполезно, но для успокоения эльфийской части моей души требовалось попытаться.

«Редкое хищное растение. Раньше густо росло в эльфийских лесах, но те магией вывели эту заразу, покусившуюся на их бабочек. Сейчас водится только в непролазной чаще священного леса. Лучи Релутраса его убивают, даже странно, что этот еще не испепелился — на берегу же рос. Хотя вон, какой чахлый и хлипкий, не сладко видимо ему пришлось. Да, не сокрушайся ты так, его невозможно сорвать», — читал лекцию в моей голове отстранённый голос урмиуса.

От его слов стало еще горше, по щеке скатилась одинокая слезинка и, сорвавшись вниз, оросила примятую землю. Повернув кольцо, открыла свой шкаф, пряча на одну из полок горшочек с местным краснокнижным цветком.

«Жалостливая ты, собирательница реликтов», — констатировал урмиус.

«Может, и тебя в шкаф?» — всхлипнув, предложила я, а то мало ли кого еще я убью?

Шкаф закрылся, пряча от меня цветок и испытываемые мной чувство вины, горькое сожаление, сочувствие и страх разом схлынули, оставляя странное опустошение. Пара мгновений и ко мне вернулись переполняющие меня до этого усталость, досада и скрытое опасение перед собственной силой, такое, какое бывает, когда перед кучей зрителей выходишь на татами, а потом с ужасом смотришь на сильного поверженного противника.

«Именно поэтому ночных ангелов и уничтожили. Они влияют на любого, заглядывая ему в душу и пробуждая совесть».

«Ты же говорил из-за бабочек», — недовольная открытием, поморщилась я.

И зачем мне такое растение? Рыдать каждый раз как увижу горшок? А что хорошее средство предотвратить истерику — устроил слезоразлив по графику и все можно смело идти покорять вершины, не боясь захныкать от сбитой коленки.

«Бабочки были только предлогом», — задумчиво покачал головой урмиус.

«Ты еще лапкой подбородок потри», — фыркнула я, представив умильную картинку в голове.

Урмиус тут же закатил глаза. Вылупилась на него с негасимым интересом — очеловеченный скорпионопаук переросток, что может быть интересней?

«Я не паук!» — по-человечьи нетерпеливо возмутился урмиус, гордо вскидывая голову и потрясая передней парой лап.

«Действительно! — покладисто согласилась я: — Так на чем мы остановились? Карим, Казимир, Керан....», — продолжила перечислять имена, вспомнив, что мы дошли до буквы «к». Эх, мне бы справочник!

Время тянулось медленно, превратившись в кисель и делая этот день бесконечным. Я устала до изнеможения, но как выбраться из этого места не знала.

«Пройдешь реку и свободна...», — всплыли в памяти ответ-напутствие Трея.

Легко сказать.... Да только, сколько не пробовала подойти к реке, я будто натыкалась на невидимую стену, что мягко отталкивала меня от нее. Выбиралась и вновь шла вдоль берега, чтобы через несколько шагов снова спуститься к реке и наткнуться на стену....

«Сатир, Сапфир, Самир, Сериосис....»

«Нет-нет-нет», — отзывался на мои предложения урмиус.

Каменная россыпь, виднеющаяся из воды, стала неожиданностью. И чем ближе я подходила, тем больше беспорядочное нагромождение камней обретало очертания узнаваемого рукотворного сооружения.

Спустившись к воде, любопытствуя, попробовала подойти поближе и стена, до этого преграждавшая мне проход, вдруг исчезла, растаяла, словно ее и не было.

До первого камня, полностью скрытого водой, было всего несколько метров. Неосторожно ступив, почти сразу ушла с головой под воду. Какая же тут глубина, если мои ноги до дна не достают?

Урмиус недовольно зацокал языком и сорвался с моих плеч, обретая форму крылана.

Взобравшись на первый камень, чуть не провалилась в бойницу. Шпили, башенки, высокие стены — их словно кто-то аккуратно уронил в воду, положив на бок. Перебравшись на шестиугольный донжон, прикрытый сверху ржавыми штырями решетки-герсы, пошла по нему.

Деревянные укрепления ворот прогнили, железо за века успело осыпаться ржавой крошкой, вместо окон зияли разбитые цветные витражи...

Я шла по донжону и удивлялась улавливаемым, несмотря на разруху, мощи и красоте замка, представляла, как он выглядел во времена своего рассвета — грозный и величественный, наполненный сияющими огнями и счастливыми людьми...

С содроганием сердца остановилась, сделав несколько шагов по центральной стене башни, заметив витиеватую закорючку из двух букв — К и С....

«На заре темных веков, когда мир погрузился в хаос, в одной семье родились близнецы. Старшего звали Кротость, а младшего — Справедливость.

В те времена правили сила и власть, а слабому не было места в этом мире.

Справедливость был горяч и не мог стерпеть обиды слабого, каждый раз вставая на их защиту. Кротость был уступчив и благоразумен, молчаливо выслушивал всех, не вступая в бой. И часто Справедливость корил и обвинял брата за такую его слабохарактерность, а Кротость слушал и улыбался, не споря и не возражая.

Однажды, Справедливость увидел, как темные обижают совсем юную красавицу, не сдержавшись, вступился за нее. Убил одного из темных, а девушку спрятал в дальней пещере. Когда же вернулся в родное селение, увидел лишь догорающее дымными кострами пепелище, груды мертвых тел, насаженные на колья головы матери и старейшин, и умирающего на пыточной дыбе Кротость.

— Подвал... ход... спа..., — прошептал брат и умер, словно это было единственным, что держало его в этом мире.

Закрыв глаза брату, Справедливость после недолгих раздумий спустился вниз, а когда открыл подвал, увидел тайный ход. Проследовал им и очутился в цветущей долине, где жило множество существ. Некоторых он узнал сразу — это были те слабые, из-за которых он корил брата, за то, что не давал вступить за них. Большинство же было ему незнакомо. Но они все с доброй улыбкой приветствовали его, пока один из малышей не воскликнул:

— Ты не Кротость...

— Нет, — признался Справедливость. — Мой брат погиб.

И тут же горестный вой огласил окрестности.

— Чего вы так убиваетесь? — удивленно спросил Справедливость, горько зарывавшую женщину.

— Он спас меня и мою семью, — пробормотала та, не поднимая глаз.

— И меня.

— Нас, — доносились сливающиеся в гул голоса, которым вторило непрерывное рыдание.

И понял Справедливость, что Кротость за все это время успел спасти больше слабых, чем сможет он за всю свою жизнь. И покаялся он перед братом за все плохие мысли и слова, давая себе клятву в том, что теперь Справедливость никогда не будет существовать отдельно от Кротости.

Много лет прошло с тех времен, но, даже обретя престол, не забывал Справедливость о данной клятве», — всплыла прочитанная в книге рода легенда.

И эти завитушки так похожи на наш родовой герб, только буквы местами перепутаны.

Чем дальше я шла по донжону, тем больше понимала, что это не совпадение, а мой рок — именно в этом месте должен оказаться каждый из рода СКайдемантл.

«Твой свет — каждому», — прочла я надпись на чудом уцелевшем витраже, изображавшем мужчину с пронзенной пикой грудью и льющемся светом из раны.

«Стремясь — достигаю», — гласила надпись на симметрично расположенном окне, в цветных осколках которого мне виделся другой мужчина — внешне очень похожий, а внутренне — полная противоположность. Они оба шли к одной цели, но пути каждый из них избрал разные. Первый — обходил горы, второй — их покорял.

«Ни зной, ни стужа, не изменят меня», — прочла я немного выше, продолжая идти посередине и периодически отступая на одну из привлечших внимание граней.

Перебежав на левую грань, нашла в этом же ряду:

«Сильному духу всё возможно».

«Плод кротости — величие», — нашлись буквы чуть ниже верхнего яруса — гурдиции,

на правой грани.

«И это не холод, лишь ветер перемен», — вторила им надпись на левой части донжона.

Пафосные надписи закончились так же неожиданно, как и появились. И в этом всем было что-то неправильное, словно кто-то написал пример, добавил равно, а ответ так и не вывел.

Побродив в поисках какого-нибудь знака, но так его и не обнаружив, пробежалась по полусгнившей треугольной крыше, что угрожающе трещала под ногами, иногда осыпаясь хрупкими каменными осколками.

На длинный железный шпиль, венчающий башню, ступала осторожно, опасаясь, что прогнившее железо крошкой осыплется под ногами. До берега оставалось всего несколько метров, несколько шагов или мощных гребков и я...

Почти не удивилась, когда устойчивая опора просела, уходя под воду и вместо спокойной реки, меня закружило пенистым водоворотом, стремительно уносящим подальше от вожаемого берега...

Меня закружило сильной струей воды, словно кто-то невидимый нажал слив, пронесло пару растянутых до невозможности секунд, неприятно растягивая неподготовленное к этому экстремальному спуску тело, и выкинуло огромным фонтаном воды в тихую заводь. Проплыв по инерции несколько метров, попробовала нащупать дно и с удивлением встала на ноги. Здесь было неглубоко, вода едва достигала пояса, и стоило мне выпрямиться, как верх одежды моментально высох, будто кто-то подул теплым феном.

Я стояла в воде в центре котлована со всех сторон окруженная пологими склонами высоких поросших густым лесом гор. На берегу этого небольшого озерца ступенеобразно возвышавшиеся мраморные статуи диковинных существ, переливались всеми цветами радуги в алом свете заходящего Релутраса.

Завертелась, скользя глазами по сторонам и пытаюсь взглядом ухватить малейшие детали. Тут были существа похожие на грифона, на котором летал брат, и на драконо-птеродактеля Анда. Были и трехголовые огромные псы с крыльями, похожие на легендарных церберов, полульвы, напоминающие сфинксов, пегасы и крылатые змеи с петушиной головой — василиски...

Первый, ближайший к воде ряд значительно поредел, а в зияющем пространстве виднелась примятая трава, словно еще недавно тут кто-то застыл в ожидании, а дождавшись, покинул это место, оставив отпечаток могучего тела. И это означало только одно — кто-то из группы уже прошел Выбор. Такие же пустоты встречались и во втором, и в третьем рядах, но значительно меньше. В четвертом и вовсе отсутствовала лишь одна статуя. А мне почему-то вдруг вспомнилось, что на вершине яблони обычно самые сладкие яблоки...

Что-то громко булькнуло и меня окатило волной. Поежилась от холода, но теплый ветерок вновь не заставил себя долго ждать, и быстро просушив одежду.

Вынырнувший же рядом незнакомый адепт на удивление остался мокрым, но это его не смутило.

— А ты чего ждешь? — спросил он меня так, словно мы с ним встречались пару минут назад в перерыве между лекциями.

Хотя может, и виделись там на берегу... Присмотрелась. Нет, не узнаю. Пожала плечами.

— Ну, ты как хочешь, а мне не терпится выбраться отсюда, — насмешливо фыркнул он, окинув меня высокомерным взглядом, и побежал в сторону берега так, словно спешил занять последнее место в уходящей маршрутке.

Оглянулась — погони не заметила. И куда спешит, спрашивается?

— И как?

— Просто выбираешь самого сильного и все. Эргона не тронь — он мой.

— Да, я как-то и не собирался, — призналась я, пытаюсь вспомнить, кто такой этот самый эргон.

— Не мешкай! Лови момент, а то еще кто-то появится, — снисходительно улыбнулся мне довольный незнакомец, поясняя: — В первых трех рядах самые сильные магики. Точнее самых сильных уже разобрали, — с досадой пробормотал, проходя мимо пустоты. — Видишь, грифонов уже нет. Да, и эргонов не осталось.

И, действительно, в оставшихся в первых рядах я распознала парочку василисков,

пегасов, церберов и сфинксов и еще какие-то странные похожие на богомоллов существа с треугольной головой. Представила себя на таком и передернула плечами от омерзения. Нет, это я урмиуса в его паучье-скорпионьей форме на плече носить уже привыкла, а к этим привыкнуть будет очень сложно, а скорее невозможно. Одни эти сабле-лапки внушают непередаваемый трепет. Эх, мне бы кого-то милого...

Взгляд вернулся к парню, что прыгал возле эргона, восторженно крича и воодушевленно доказывая, выписывая замысловатые па шаманского танца с бубнами. Ветер не доносил слов, но все его действия были наполнены такой патетики, что не хватало только громкого крика и ударов кулаками в грудь, чтобы понять, кто тут самый альфовитый победитель.

Только эргон никак не реагировал, и статуя, так и осталась застывшей статуей.

Принц снова принялся что-то объяснять, доказывать. Даже подхватил палку и изобразил несколько связок.

Мне показалось или каменное веко эргона дрогнуло, приоткрывшись, а выражение мраморного лица сменилось с равнодушного на снисходительное? Подул ветерок и парня смело обратно в центр озера.

Ловко отпрыгнула, избегая брызг, и вопросительно посмотрела на эргона. Донельзя довольного эргона, нужно сказать! И это натолкнуло меня на мысль, что не мы выбираем себе магика, а они выбирают нас. Мы же, как те гладиаторы на арене Колизея, должны доказать свою удаль и мастерство.

Посмотрела на принца, что упрямо вновь взбирался в третий ряд к облюбованному эргону. Только в этот раз, статуя демонстративно поднялась на каменные ноги и повернулась к принцу спиной, оставляя того ошеломленного и недовольного таким поворотом дела.

Отвернулась, избегая растерянного взгляда парня, становиться свидетелем чужого конфуза не хотелось. Люди не любят тех, кто видит их поражение, а мне с ним еще учиться.

Так, и пошла в противоположную от него сторону, размышляя о своем. А точнее о том, что эрг — это обращение к всаднику эргонов, такому как Анд, гар — к всаднику грифона, а мей — к магу. На ком летает Зейн? Я видела его один раз на грифоне, но тот был из конюшен брата. Тогда, что значит это мей?

«Мей означает магика, не относящегося к трем высшим. Это собирательное название», — занудно пояснил урмиус, пока я взбиралась к четвертому ряду.

«Трем высшим?»

«Трем: эргонам — самым мудрым из высших магов, грифонам — самым сильным и быстрым и фенирам — самым магически одаренным. Но фениры уже много веков не являлись на Выбор».

«Являлись?» — переспросила я.

И почувствовала, как урмиус закатил глаза. На мое недоумение пояснил:

«Связь становится крепче. Когда ты дашь мне имя, ее уже будет не разорвать, а мы будем ощущаться как единое целое, — и тут же продолжил: — Магики не являются жителями этого мира. Раз в год их призывают на Выбор, где они выбирают себе того, с кем хотят разделить вечность и стать верным соратником...»

Урмиус что-то еще говорил, но я уже не слышала, потому что увидела его — маленького, невзрачного, еще неоперившегося птенца, одиноко застывшего на огромной площадке.

Я и сама не поняла, как оказалась у этой статуи и протянула руку к нему, желая.... Не

знаю, чего я желала, но мне до ужаса хотелось его приласкать и согреть, сказать ему, что он не один. В нем я видела себя — неловкого, угловатого, непохожего, потерянного в чужом мире подростка, и девушка, которую никто не пригласит на дискотеке, не выберет, потому что она не такая, как все...

Едва мои пальцы коснулись мраморной головы, как их охватило оранжевое сияние и тысячи маленьких молний разбежались в разные стороны, поднимая шерсть на птенце. Руку кольнуло ответными разрядами, а потом ее лизнул шершавый язык, и я засмеялась от этой ласки.

Он не был птицей, такой, какими я привыкла их видеть, если не считать пингвинов, сходство с которыми было отдаленным, но, тем не менее, выраженным. меховой комок грязно-серого цвета прямо стоял на двух мощных коротких лапах и был ненамного выше меня, теряясь на фоне огромных магигов.

— Эрнас, — прошептала я всплывшее невесть откуда имя.

Откуда-то пришло понимание, что это именно оно. Его. Правильное, истинное. А сверкнувшие ледяным огнем глаза, лишь подтвердили эту убежденность.

«Ну вот, кого-то сразу назвали, а кому-то за целый день имя придумать не могут», — обиженно пробубнил урмиус.

«Рагнар», — выпалила, бросая взгляд на досадно потирающего мохнатыми лапками мордочку паука, и вспомнив про «меховые штаны»*.

Урмиус довольно застрекотал, вытянулся, увеличившись в размере раза в два, и затопив меня волной счастья и радости, замолчал.

Я же перемены с пауком почти не заметила, зато с интересом следила за тем, как меняется мой птенец, расправляя огромные в размахе крылья, твердые, как закаленная сталь. Как наполняются ярким светом неестественно синие глаза со зрачком-щелочкой, и слазит с тельца пушок, оставляя мелкие и короткие, похожие скорее на волоски, золотисто-оранжевые перья. Длинный чарующий своей яркостью павлиний хвост и две маленькие лапки там, где их не должно быть у птиц, зато были у их предков — архозавров.

И снова волна щемящей нежности и любви затопила меня, наполняя радостным предвосхищением, заставляя ликовать каждую клеточку моего тела в необычной эйфории перерождения...

А потом меня накрыло оглушающей волной ненависти и презрения, и спокойную тишину разорвал человеческий крик...

Вздрогнув, обернулась на крик, и испуганно замерла от увиденного.

Не смирившись с отказом, принц, каким-то чудом забрался на эргона и теперь, опасно балансируя, и бешено взмахивая, раскинутыми в стороны руками, в попытках удержать равновесие, что-то громко и с остервенением орал.

Меня окатило волной презрения и раздражения, а потом обожгло холодной яростью.... И это были не мои ощущения, но задаваться вопросом, было просто некогда.

— Заткнись! — заорала я, кидаясь навстречу этому не шибко одаренному, решившему, что он может повелевать магическим зверем, превосходящим его в несколько раз: — Замолчи!

Но разбушевавшийся принц не успокаивался, истерично требуя подчинения на основании того, что он кронпринц какого-то Пефраука.

Мгновение, и эргон ожив и извернувшись, сбросил с себя неудачливого всадника, разворачиваясь в его сторону и выдыхая пар из ноздрей.

— Нет! — закричала уже эргону, под аккомпанемент душераздирающих, наполненных болью воплей.

И когда он повернул ко мне голову, отвернувшись от жертвы, машинально подняла вверх руки, ладонями к эргону:

— Уходите, возвращайтесь в свой мир, если никто не хочет его выбрать.

«И что же ты будешь с ним делать? Оглянись, отсюда не выбраться без магика!» — пророкотал раскатистым басом эргон в моей голове.

Прищурившись, окинул меня выжидательно-любопытным взглядом.

— Что-нибудь придумаю, — признавая его правоту, пробормотала я.

«На фенира можешь не рассчитывать. Ему еще много магии нужно впитать для полного перерождения, а он уже почти иссушил тебя».

Страх кольнул острой иголкой несмотря на то, что я пока не понимала всей сути магии и не умела ее использовать, но и терять это неведомое сокровище не хотелось. Будто мне предложили отдать кусочек печени или почку — вроде и без них жить можно, но все равно уже как-то не так.

— Неважно. Если будет нужно еще — отдам все, — ответила я, ничуть не кривя душой. — Мне не жалко.

«Глупая. Отдавать все нельзя — выгоришь. А некоторые и вовсе не стоят таких жертв. Вот сжег бы я этого будущего правителя и народ Пефраука, наверняка, сказал бы мне «спасибо».

«Не факт. Его смерть, может погрузить страну в хаос. И не одну. Да, и он уже получил довольно болезненный урок», — мысленно вывалила приходящие на ум возражения.

«Думаешь, достаточно?» — скептически посмотрел на все еще катающегося по земле принца эргон.

«Жизнь рассудит», — философски заметила я, гася порыв броситься и оценить раны, с тревогой убрав руки принца от лица. Пар, конечно, дело страшное, но не настолько же, чтобы несколько минут метаться, визжа от боли. Да, и регенерация у правителей хорошая.

«Не арх — тряпка. Только и может, что зубочисткой своей махать», — презрительно фыркнул эргон, оплевывая принца.

Промолчала. Да, и что я могла ответить? Лишь смотреть, как вертится принц, словно уж на сковородке, не предпринимая попыток приблизиться. Я не самоубийца, чтобы вставать под обжигающий пар. А вдруг там не только пар из широко раздувающихся ноздрей, но и пламя изо рта?

«Правильно мыслишь, девочка», — рассмеялся эргон, легко читая мои мысли.

Тут все менталисты или только мне так везет, что все без спросу лезут в голову?

Эргон урчаще рассмеялся:

«Это ты... Как это ты сказала? Менталист. Ты читаешь мои мысли, и ты мне транслируешь свои, а не наоборот. Кто вас учит, недотеп?».

«Никто», — призналась я, вспоминая о том, что еще несколько дней назад могла только мечтать о магических способностях.

«Вон оно что, — задумчиво проворчал эргон. — Что ж, принцесса, будет нужна помощь — назови мое имя».

«Имя? Но ты не представился!».

«Ты знаешь», — расхохотался эргон, взлетая и обдавая меня теплым ветерком.

Мне показалось или этот позер махнул мне крылом?

Под шум и шуршание взлетающих крыльев, кинулась ко всё еще вертящемуся от боли принцу.

— Ты как? — спросила, отнимая его руки от обожжённого лица, боясь узреть страшные ожоги. Но ничего не было, даже кожа не покраснела. Это такая мастерская иллюзия?

Все мои вопросы потонули в гневном шипении бодро подскочившего умирающего:

— Как ты посмел отпустить моего эргона?! Он должен был стать моим, а ты... Ты с ним разговаривал, я видел, — на меня нацелился обвиняющий палец избалованного мальчишки: — Ты должен был подчинить его мне! Мне, наследному принцу Пefфраука!

Хмыкнула, вставая, немного ошалев от этой вопиющей наглости. Эх, наверное, нужно было позволить его немного поджарить. Глядишь, поумнел бы.

«Я же говорил», — долетел рокочущий смех эргона.

Обернулась по сторонам, но никого не увидела.

— Фенир мой! — вдруг заорал этот недоумок и со скоростью горного козла рванул к моему птенцу.

Эрнас полностью преобразился. Исчезли угловатости и сутулость, наполнилось мощной грацией тело, став шире и крепче. Теперь это была крупная хищная птица, от которой ощутимо веяло угрозой.

Предупреждающий клекот и прищуренный взгляд все же остановили стремительно несущегося принца. Тот притормозил растерянно, а потом его взгляд остановился на мне...

— Сделай так, чтобы он подпустил меня к себе, — приказал этот ко... кронпринц.

— С чего бы? — спросила я, выжидательно глядя на наглеца.

— Потому что я, принц Пefфраука, приказываю тебе!

— Тапочкам своим будешь приказывать!

— Да я.... Я..., — праведно возмутился принц, захлебываясь переполняющим его негодованием и не в силах придумать мне наказание: — Велю отрубить тебе голову!

— Можешь попробовать, — разрешила я.

И расхохоталась, представив себе эту картину: приходит такой принц-ясный свет к деду и говорит: «Отрубите принцессе голову», а тот испуганно мечется по дворцу, а потом плаксиво просит: «Не губите, лучше в жены возьмите!». Главное, чтобы дед с Треем кое-кому в процессе голову не снесли, а то корону держать не на чем будет.... Хотя у него уши эльфийские может за них зацепится?

Эх, надеюсь, мы не родственники. Я-то понимаю: в семье не без урода.... Но упаси Бог от таких...

Между тем принц предпринял еще одну попытку подойти к Эрнасу. Фенир взмахнул огненным крылом, и штаны принца упали наземь, оставляя ягодицы, прикрытые нижним бельем с надписью: «Большой во всем». Закатила глаза, сдерживая рвущийся наружу смех.... Может, порекомендовать такие же Громиле, чтобы больше не сомневался?

«Может, уже полетим?» — поинтересовался Рагнар.

«А с этим что делать? Уговаривать Эрнаса позволить ему себя оседлать не хочется, да и принц не из тех, кто поймет правильно, начнет что-то требовать. Но и оставлять тут как-то, не по-человечески», — раздумывая, потеряла я нос.

Заметив краем глаза движение, обернулась в поисках угрозы. Одинокий магик похожий на трехголового пса с крыльями, озадаченно смотрел на принца, а потом с тоской посмотрел на меня.

«У меня уже есть выбранный», — с сожалением развела руками я.

Уж больно симпатичным был этот мохнатый пес, похожий на огромную шерстяную варежку и совсем не страшный, несмотря на роговые наросты на позвоночнике и три длинных раскачивающихся из стороны в сторону хвоста.

«Отвезешь принца?» — спросила, присаживаясь рядом и поглаживая надбровные дуги на центральной голове.

«Ладно, — вздохнул он, — но потом ты назовешь мое имя».

«Зачем?» — удивилась я.

«Чтобы я мог остаться в твоём мире», — озадачил меня магик, лапаясь ко мне как самая обычная собака.

Беспомощно посмотрела на Рагнара на своём плече.

«Решай быстрее, оковы призыва перестают действовать и скоро меня выкинет в полумир», — поторопил трехголовый.

«Почему ты не улети с остальными?»

«Ты смешная и смелая, я же всего боюсь и стесняюсь. Мне есть чему у тебя поучиться».

«Зачем тебе это?»

«Это наше искупление», — буркнул пес и, не дождавшись моего ответа, подошел к принцу.

— Уходи! Убирайся! Я не пройду запечатление с никчемным цербером! — визгливо заорал тот, норовя пнуть пса ногой.

— Не пройдешь! — отрезала я, жалея, что у меня нет под рукой сковородки, чтобы вбить мозги в этого особо одаренного индивидуума. Хоть чуточку! — Он мой. Ты можешь остаться тут и выбираться сам или можешь полететь с нами. Выбирай!

Устроилась на широкой спине пса, послав успокаивающую улыбку фениру. И почему фенир, если он феникс?

«Фенир становится фениксом только после огненного перерождения», — проконсультировала меня бесплатная справочная на плече.

Все-таки мне безумно повезло с моим фамильяром.

«С тремя», — поправил меня урмиус.

«Как с тремя?»

«А ты думала, имя назовешь и всё?»

Но ведь и, правда, думала. А теперь что же получается у меня два магика, а у принца не одного? Может, удастся еще отговорить летающего цербера?

Кронпринц, недовольно ворча, начал взбираться впереди меня.

Сдвинулась назад, уцепившись за широкий спинной вырост. Длинная шерсть оплела мои ноги, надежно фиксируя меня на спине цербера.

«Спасибо», — поблагодарила, немного ослабив хватку.

Цербер дернулся и взлетел, размахивая огромными кожистыми крыльями.

Стоило ему набрать высоту, как перед нами возникла радужная пленка, натянулась, и с хлопком выпустила нас из ловушки.

Неужели, этот бесконечный день Выбора закончился?

**Рагнар Лодброк — легендарный датский конунг, наиболее близкий к оригинальному смыслу перевод прозвища — «Меховые Штаны»*

Трейниксер арх СКайдемантл

Никогда раньше Трей не думал, что будет так тревожиться, волноваться и сходить с ума от неизвестности.

— Лучше бы замуж выдал! — с досадой ударил по магическому тренировочному манекену, вновь и вновь прислушиваясь к своим ощущениям и тревогам.

Невероятно медленно текущее время, превращало каждое мгновение в вечность, заставляя Трея снова и снова кидать бесполезный зов и ловить малейшие колебания магического фона.

— Волнуешься? — спросил, подавая полотенце Зейн.

Закатил глаза от невозможности соврать и необходимости — это сделать. Ну, с чего бы ему волноваться за какого-то кузена, о котором до недавнего времени ни один из его друзей не слышал? Другое дело сестра. Но Белочка так не хотела, чтобы кто-то знал о том, кто она. Да, и они с дедом, поразмыслив, пришли к тому же выводу. Хрупкая, уязвимая, ничего не знающая об этом мире она становилась прекрасной мишенью для тех, кто годы назад пытался захватить власть, уничтожив императорскую семью, и избежал возмездия.

— Волнуюсь, — тем не менее, признал Трей, не став юлить перед побратимом. Да, и кому еще доверять, если не тому, кто неоднократно прикрывал твою спину?

Утратив спокойствие, вновь прислушался к себе, уловив отголоски страха и недоумения. Как тогда, всего полчаса назад на полигоне, когда от нахлынувшей паники и удивления умудрился даже пропустить джеб* Арда. Хотя, чему тут удивляться? Их связь и сквозь миры доставала, а тут всего лишь особое пространственно-магическое измерение между их миром и полумиром. Усмехнулся на этой мысли, кулаком стирая кровь с рассечённой губы.

— С ней все будет в поряд...

Зейн еще не успел договорить, а Трей уже подхватил его за грудки и, вжав спиной в стену зло прошипел:

— Повтори!

— С ней все будет в порядке, Трей. Кем бы она ни была, я никогда не сделаю того, что может навредить ей, — спокойно повторил друг, не делая попытки освободиться.

Долгая битва скрещенных взглядов и руки принца наконец-то разжались, отпуская не трепыхающуюся жертву.

— Как догадался? — спросил, беспокоясь, что что-то выдало его сестру.

Думать о Белочке как о младшей, тщательно опекаемой, сестренке ему всегда нравилось. И та ответственность, что он всегда испытывал по отношению к ней, становилась понятна и вполне объяснима. Все же он старший брат. Пара дней. Всего пара дней, а он уже привык к ней так, будто она всегда была частью его.

«А она и была», — ворчливо пробормотал внутренний голос, вклиниваясь в его рассуждения.

— У нас с ней резонанс, — ошарашил Трея Зейн, вызывая новый поток ярости и страха.

— И что планируешь делать?

— Пока просто быть рядом. Узнать ее лучше и позволить ей узнать меня. И еще Трей тебе стоит знать — мы с Ардом на нее поспорили.

— Что? — вскипел принц. — Да, как вы посмели? Да, я вас..., — и осекся, потому что

варианта было всего два: продолжать игру Белочки и тогда он не имел права вступить за нее — фаворитки свободны в своем выборе или открыть друзьям правду и тогда...

— Обязательно. Но я тебе уже говорил, что не причиню ей вреда. Ард тоже ничего не сделает против ее воли.

Новая волна страха захлестнула Трея, едким колким холодом опалило в районе солнечного сплетения и, внутренний источник отозвался магическим взрывом, вызывая ледяной озноб. А потом все прошло. Так же быстро, как и налетело. Лишь магический резерв отозвался гулким эхом опустошенного порывом источника.

Никар Всемогущий, что же это такое?

Недолго думая, принц ринулся к Источнику, куда уже наверняка начали прибывать новички вместе со своими семьями и питомцами.

Первыми всегда появлялись маги — им легче всего было подчинить магов и семейств. Вторыми всегда появлялись всадники белых грифонов, за которыми шли цветные эргоны. И завершали обряд всегда самые сильные — черные эргоны и грифоны.

К тому моменту, как Трей с Зейном оказались на площадке, маги уже вышли. Довольные или удрученные в зависимости от результата, они толпились растерянными кучками и лишь после окрика куратора, расходились в разные стороны.

Подруга Белочки тоже появилась, за ее спиной грозно фыркал белый грифон, и выглядела она вполне довольной и счастливой. Обернулась по сторонам, но не увидела Белочку, зато заметила его и тут же ринулась к Трею.

— Иззи?

— Еще не выходил. Ты видел его?

— Во второй комнате. Он спас меня.

— Восемь, — прошептал Зейн.

— Что? — обернулся Трей на друга.

— Осталось всего восемь новичков, — пояснил Зейн.

— Семь, — пробормотала подруга Иззи, указывая рукой на вышедшего парня.

Так они и стояли, отсчитывая количество покинувших Выбор. Если первые парни выходили из Выбора один за другим, то, чем дальше, тем больше времени было между прошедшими.

— Три, — пробормотала подруга, указывая на возникшую в стороне от них фигуру.

— Черный эргон, — прошептал Зейн.

Черный эргон всегда один и завершающий, но сегодня в выборе оставалось еще два новичка и это тревожило. Озадаченный происходящим магистр отправил куратора за ректором.

— Неужели не пройдет?

Трей грозно зыркнул на сболтнувшую глупость Фокси и та, тихо ойкнув, прикусила язык.

— Ждем, — возвестил явившийся на зов ректор и все притихли.

С каждой минутой встревоженная толпа становилась все больше и больше, а оставшиеся два новичка не появлялись. Ректор все чаще кидал тревожные взгляды на часы на главной башне академии, но ничего сделать не мог.

Выбор длится до полуночи. Лишь после того, как часы отобьют, они смогут войти в промежуток между миром и полумиром, чтобы вывести тех, кто не прошел.

Тридцать секунд. Двадцать. Пятнадцать. Стрелка неумолимо отбивала счет, кто-то

начал громко считать:

— Девять, восемь, семь...

Солнечное сплетение обожгло, волна чистой родной магии окатила Трея, наполняя резерв так, что он растянулся, став в несколько раз больше и грозя лопнуть, а внутри все заволокло восторгом и восхищением.

А потом он увидел ее... Маленькую фигурку, восседающую на огромном трехголовом псе с огненными крыльями за спиной.

— Фенар.

— Цербер.

— Урмиус.

— Эй, вы чего все застыли? Ему помощь нужна, — громко завопила Иззи, тыча пальцем в перекинутое через цербера тело. — Спасибо, что подвез. Ты чудо! — похлопала она по холке одно из опаснейших магических созданий и залихватски скатилась вниз по его спине.

«Ни дня без пафоса!» — провозгласила она уже в голове Трея, стремительно сокращая расстояние между ними.

«Дурочка. Я чуть с ума не сошел!» — только и мог пробормотать принц, принимая ее в свои объятия.

И только смущенные смешки, и грязные намеки заставили их смущенно отступить друг от друга и продолжить отыгрывать выбранные роли.

«Хорошо, хоть целоваться не полезла», — буркнула Белочка, разжимая руки на его шее и тут же споткнулась, припадая на ногу.

«Что с тобой?» — встревожился Трей.

«И... Импровизация», — сдерживая смех, застонала сестра и обессиленно осела на пол.

— Врача! — заорал куратор. — У него откат!

«Упс... Держись братик!» — и новая магическая волна влилась в Трея.

«Что ты творишь?» — зашипел он, сквозь стиснутые от боли зубы, ощущая, как по магическим каналам струится мощный поток, увеличивая старые и прокладывая новые. Так на весеннем разливе реки выходят из берегов, создавая новую карту.

Мгновение и все прошло, а его резерв вырос раза в четыре. Трей чуть не присвистнул от этого открытия, так вот о какой связи магических близнецов говорила мать. Не просто слышать друг друга, но и обмениваться магией без каких-либо преград и ритуалов на любом расстоянии...

Трей даже присвистнул от открывающихся перед ними возможностей.

«Не отдавай меня им!» — испуганно завопила Белочка, и Трей очнулся вовремя, чтобы заметить, как сестру пытаются увести.

— Благодарим за помощь, но о кузене я позабочусь сам.

— У него почти полное истощение, если не отвезти в лекарское крыло будет только хуже.

— Со мной все хорошо, — вмешалась неправдоподобно бодрая Иззи, поднимаясь на ноги: — Минутная слабость. Уже все прошло.

— Действительно... Резерв полон наполовину. Но все равно, я пришлю настойку, выпьете перед сном.

— Он... Он... отобрал у меня фенира. Я требую разбирательства, — брызгая слюной, завизжал очнувшийся кронпринц.

— Нужно было послушать совета Рагнара, и позволить ему свалиться..., —

пробормотала себе под нос Белочка, закатывая глаза.

Изабелла Фетисова, урожденная арх СКайдемантл

Стайка шепотков разбежалась по залу, подхваченная притихшими и с интересом следящими за событиями адептами. Заспорили, заголосили возмущенно прошедшие сегодня Выбор. Присутствующие здесь кураторы и старшекурсники натянули на лицо ехидные улыбки, приготовившись со всем вниманием следить за событиями...

— Попкорна не хватает, — буркнула себе под нос и усмехнулась, заметив задумчивый взгляд обернувшегося ко мне Зейна.

Гомон нарастал, студенты спорили все громче ожесточеннее. Впереди меня незаметно выросли сразу две спины. Поморщилась, раздумывая над этой загадкой, и протиснулась между ними.

— Я ж не девчонка, — выпалила, подавив желание показать язык укоризненно взиравшему на меня брату.

Ректор, со снисходительной улыбкой следящий за разгорающейся перед ним драмой, призывно постучал по мраморной колонне. Подождал пару секунд и громко спросил:

— Номер двадцать три, если не ошибаюсь?

— Хамлаин арх Голеннтаз арх Пидрамон, кронпринц Пефраука, — преисполненный спеси и гордости величаво кивнул принц.

— Вы пропустили мою вступительную речь? Или куратор не разъяснил вам сложные для усвоения моменты? — вопросительный взгляд ректора скользнул по группе мужчин, остановившись на незнакомом мне преподавателе. — Что ж для тех, кто на косоголях* повторяю. В Академии Корвернок нет титулов и рангов, будь вы хоть трижды архом, здесь вы все равны. Поэтому ваше имя мне знать ни к чему, — тише заговорил Селлиран Чандеел и возникшие смешки стихли как по волшебству. — Что касается вашего заявления, то позвольте узнать, как именно у вас отобрал фенира адепт номер пять? Я не вижу на вас ран. Оружие на Выбор было не пронести? Неужели, напугал вас урмиусом? — новая волна смешков прокатилась по залу.

Ректор улыбнулся и вновь отрывисто стукнул по колонне.

— Я вижу, вы все устали, да и время уже за полночь, а на рассвете вас ждет тренировка, но мне все же придется вас немного задержать и прояснить некоторые моменты. Сегодня вы все прошли испытание Выбором. Кто-то выбирал сам, кого-то выбирали, но оказаться здесь вы могли только в том случае, если выбор совпадал. На первом задании каждый из вас получил вещь несущую необходимые ему знания, — на этих словах я нашла глазами Джана и усмехнулась, вспомнив «Правила поведения принцев», словно поняв, о чем я думаю, парень скривился.

— На втором задании вы все получили какую-то способность, раскрыв свой дар, — поднялся заинтересованный гул. — Давайте, не будем сегодня задерживаться дольше, чем нужно, — поднял руку ректор, призывая к тишине: — завтра вам все подробно объяснят преподаватели и кураторы, а если останутся вопросы, я к вашим услугам. На третьем - вы получили в дар магическую вещь, воспроизведенную для вас магией созидания. На четвертом — вам приоткрылась история вашего рода, дав подсказку. И на последнем уроке вы познакомились с магическим существом — магом, вашим верным другом и компаньоном. Все вы знаете, что магия можно приучить, только назвав его истинное имя, которое вам откроет полумир, — посыпались подтверждения: — Так вот, номер двадцать

три, как зовут фенира?

— Я не должен произносить вслух его истинное имя, — насупившись, выпалил недовольный принц.

— Не должны, — кивком головы подтвердил ректор, — но позвать вы его можете и мысленно. Позовите! — приказал мужчина.

Принц растерялся, глаза забегали в поисках подсказки, но подсказать было некому. Остановились на мне:

— Это он помешал мне узнать имя и установить ментальную связь! — ткнув в меня пальцем, заверещал принц.

— Номер пять позовите фенира, — перекрикивая вновь возникшую сумятицу, распорядился мужчина.

Но мне даже звать не пришлось и фенир, и цербер моментально очутились возле меня. И если птенец встал за спиной, то цербер покорно прилег у моих ног.

— Вот оно даже как, — окинув заинтересованным взглядом нашу композицию, улыбнулся Селлиран Чандеел и, отвернувшись к принцу, продолжил: — Выбери вас фенир, номер двадцать три, он бы уже стоял рядом с вами. Магики - не вещи, им нельзя приказать. Но вам не стоит расстраиваться: испытание Выбором вы можете пройти и в следующем году, — принц открыл рот, собираясь возразить, но на удивление не вылетело ни звука. — А теперь все спать. Тренировку никто не отменял. Магики сегодня ночуют в ваших комнатах, чтобы связь закрепилась, а утром вы их отведёте к братьям. И не забудьте покормить. Со всеми вопросами и сложностями - к кураторам!

И не дожидаясь пока смолкнут обсуждения, ректор покинул Источник. Преподаватели потянулись вслед за ним, мы тоже не стали задерживаться и под пристальным взглядом Роелка Ироама, вопросительно выгнувшего темные брови, сбежали ко мне в комнату.

Как бы Фокси не хотелось обсудить происшедшее, а брату узнать подробности у своей двери я попрощалась со всеми. Лишь уходя, Трей коснулся рукой одной из голов цербера, и я заметила перетекающий с его пальцев магический поток:

— Тебе не хватит сил на троих, — пояснил он, и меня вновь окутало теплой волной родной магии.

«Спи, сестренка. Сладких снов», — пожелал Трей, посылая мне мысленную улыбку и объятия.

Послала ему ответ, впервые жалея о необходимости соблюдать конспирацию. И почему здесь так не любят принцесс?

** джеб — внезапный прямой удар в боксе.*

** Косоголи — саблезубые медведи. В давние времена существовала особая каста воинов на косоголях. Их мощи завидовали, в бою им не было равных, но в обычной жизни об их «смекалке» ходили легенды.*

Тому, кто придумал правило ночевать с магами, явно не приходилось делать этого в выделенной комнатухе сразу с двумя.

— Нда.... Повезло еще, что у меня нет эргона, — пропуская в комнату своих питомцев, пробормотала я.

Комната и так была небольшой, как моя спальня в старой хрущевке. Но когда в нее протиснулись два мага, пространство сжалось настолько, что я ощутила себя запертой в каменном склепе. Была в детстве такая практика.... Брр. До сих пор морозит от проделки мальчишек и страха, что я тогда натерпелась.

— Вы проходите, присаживайтесь. Будьте как дома, но не забывайте, что в гостях, — улыбнулась я, произнося стандартную фразу.

Вытащила из-под подушки свою привычную одежду для сна, отправилась в душ. Пока шла, раздумывала над тем, насколько папа всегда оказывался прав. Почему-то сегодня сдерживаемые воспоминания о большом и теплом, как плюшевый мишка, мужчине, что всегда бережно поддерживал меня, хлынули безудержным потоком, и я, стоя под струями горячей воды, беззастенчиво разревелась, смиряясь с потерей.

В голове перемещалось все старое, прошлое, уже давно забытое и новое, сегодняшнее, еще не до конца осмысленное и пережитое, и эту лавину я ничем не могла остановить. Я словно видела все со стороны, как какое-то интересное кино.

— Папочка, ну вот скажи, зачем мне этот нудный этикет, если можно сразу в глаз? — вопрошала девочка с двумя кривыми хвостиками, сбитыми коленками и отсутствующей парочкой передних зубов.

— Потому что не всегда стоит сразу в глаз, принцесса. А этикет.... Это оружие, которое есть у каждого воспитанного человека. Ты в смущении, тебе сказали что-то обидное, и ты не знаешь, что на это ответить. Или зашла в комнату и над тобой все смеются. Можно кинуться в бой и даже сразить всех противников, а можно спрятаться за вежливыми словами и спокойно поставить всех на место. Как думаешь, где у тебя больше шансов одержать победу?

Девочка морщит нос, привычно прикусывает падающую на лицо прядь длинной челки и смотрит так серьезно и проникательно, будто понимает что-то тайное.

— Ладно, выучу я твой этикет. И все эти нудные ложки.

— Пап, ну почему... он же мне так нравился? — сквозь всхлипы спрашивает девочка-подросток, беззастенчиво вытирая нос о шикарную рубашку мужчины.

— Что ты с ней возишься? И не держи ее на коленях. Она уже взрослая, — перекрывает ее рыдания голос матери.

И от этого грубого окрика рыдания становятся лишь сильнее. Ей уже четырнадцать, и она уже давно переросла папины коленки. Она знает это, но не может отказаться от успокаивающего отцовского тепла, от чарующего аромата кофе, лимона и миндаля, кутаясь в его любовь как в теплый флисовый плед.

— Глупая моя малышка, — стирает слезы с ее щек отец, — сколько еще раз будет разбиваться твое сердечко, пока окрепнет и научится стойко переносить невзгоды. Даже я

когда-нибудь стану причиной твоих слез.

Последняя фраза что-то цепляет. Рыдания по поводу разочарования в первой симпатии сразу стихают. Девочка отстраняется, чтобы посмотреть на него:

— Ты? Пап, ну ты же никогда не обидишь меня, — заявляет она со всей убежденностью юного сердца.

— Все может быть, принцесса. Все может быть. Но помни всегда, что я тебя люблю.

*— До луны и обратно? — переспрашивает, улыбаясь и забывая обо всех своих горестях. Это их пароль, заимствованный из когда-то прочитанной на ночь сказки**

— Скорее до самой-самой Кассиопеи, — отвечает папа и начинает привычно щекотать, а она смеется и визжит, зная, что Кассиопея — это самая дальняя звезда, видимая невооруженным взглядом.

За этими картинками селевым потоком хлынуло одиночество и опустошение, от которых так хочется выть. Шмыгнула носом, сползая по стенке. Безудержную плотину воспоминаний не остановить. Я, словно выпустила джина из бутылки.

— Тише, ну ты чего? — вдруг оказывается кто-то рядом, поднимает, прижимая к теплому телу.

Вжимаюсь, радуясь такой поддержке. Интуитивно ощущая кого-то родного и близкого в этих объятиях.

— Все же хорошо? — спрашивает это кто-то, постепенно возвращая мое сознание.

— Папы больше нет, — срывается с моих уст отчаянное и так хочется крикнуть: «Уже никогда ничего не будет хорошо!»

— Так вон оно что, — шепчет все тот же укутывающий теплом голос, выдергивая меня из мрачных раздумий. — Спарринг?

Хмыкаю, моментально приходя в себя. Вспоминаю, где я и кто я. Кому что, а мальчишкам лишь бы подраться. Нет, я и сама не раз спускала пар в зале, но сейчас сил не осталось ни на что.

— Утром, — отвечаю, резко успокоившись. Отступаю на шаг, шурясь, смотрю в глаза парня-одуванчика. — Прости, а что ты делаешь в моем душе?

— Ээээ.... Дверью ошибся? — и посмотрел так вопросительно, словно это невыученный урок и я ему подсказать должна.

— Уверен? Вот аж настолько? — скептически хмыкнула в ответ, радуясь тому, что по забывчивости не сняла артефакт. Похоже, теперь мне и спать с ним придется.

— Ну, не совсем, — поморщился в ответ парень, лишая меня своего тепла. — Я ошибся дверью в спальню. Но не мог пройти мимо рыдающего..., — он сделал секундную паузу, подбирая нужное слово и брезгливо поморщившись, выдавил из себя: — парня.

— Лучше бы прошел мимо, — обернула я полотенце возле бедер, пряча за таким простым и несколько несвоевременным движением свое смущение. — Раз мы все выяснили, — выразительно перевела глаза на дверь.

Внутри все клокотало от досады и растерянности. Мало того, что кто-то потревожил мое одиночество, так еще этот кто-то стал свидетелем моей непростительной слабости. И как теперь завоевывать авторитет? Хотя вряд ли Одуван кому-то расскажет о происшедшем, но все равно. Именно в его глазах быть слабой мне хотелось меньше всего.

И, наконец, парень парня обнимает — это нормально? Почему-то именно эта всплывшая в самом конце рассуждений мысль возмутила больше всего.

— Ты это..., — замялся Джан, запуская руку в волосы. — Ты не стесняйся. Это нормально. Я тоже, когда умер отец, плакал. Правда, мне тогда было восемь..., — добавил растерянно.

— А мне двадцать, — пожалла плечами, задетая последней фразой: — Ты все сказал? Я спать хочу, — и снова сопровождала слова выразительным взглядом.

— Про спарринг предложение в силе, если что..., — уже в дверях обернулся Одуван.

— Я не понятно сказал? Проваливай! — разозлилась я.

Джан отступил, скрываясь за дверью.

— Может лекаря позвать? Ты какой-то нервный, — выглянул парень, еще больше доставая меня.

— Тебе по слогам повторить? Про-ва-ли-вай! — вскипев от ярости, бросила я, сжимая обмылок в руке.

— Может, все же лекаря?

Обмылок все же взлетел вверх и стукнулся о моментально закрытую дверь.

— Я тебе покажу лекаря, — бурча себе под нос, бросилась в комнату я, но непрошеного гостя уже и след простыл.

И что это было, спрашивается?

Две огромных туши на мои мысленные возмущения лишь лениво повели ушами, продолжая дрыхнуть без задних ног.

Утро подкралось незаметно. Уже по-осеннему прохладное, клубящееся темными тучами за окном.

— Недоброе, — недовольно буркнула я, глядя на темно-серое низко нависшее небо.

Вставать не хотелось. Выбираться из-под теплого одеяла тем более. Но от тренировки никуда не денешься. Потянулась, лежа в кровати, и решительно поднялась — позволю себе минуточку задержаться и просплю все на свете. Знаю, проходили.

На полигоне уже собралась почти вся группа. Кто-то сонно зевал, кто-то ежился от промозглой сырости. Особо ретивые разминались перед тренировкой. Магики толпились рядышком, стараясь быть поближе к своим избранникам.

Заметив крупных эргонов, удивилась, как они в комнатах поместились-то?

Глаза медленно скользили по толпе, выискивая знакомые лица. Но ни Фокси, ни Джана я не заметила. Зато был Громила со своими дружками и мой самый «любимый» принц.

Приглядывал за нами Дунодон. Рыжий же и начал тренировку, отправив нас бегать под накрапывающим дождиком.

Эх, и никакого сострадания к будущим правителям.

Размокшая земля елозила под ногами, норовя постоянно выскользнуть. Толпящиеся рядом с избранниками магики, вырастая перед адептами, будто из-под земли, создавали дополнительные препятствия. Где-то за горами гремел гром, искрометно сверкали, разрезая небо на части молнии.

Завершающий круг под проливным ливнем и по растоптанной земле дался особо тяжело. Только чудо удержало меня от падения и то, что бежала я одной из первых.

Устало прислонившись спиной к дереву, рядом с парочкой адептов, осталась дожидаться остальных. Парни что-то обсуждали, но я не прислушивалась. Прикрыв веки, смотрела на продолжающих месить грязь адептов, мысленно умоляя поскорее закончить

наши мучения.

— Твои тоже за ночь подросли? — отвлек меня от наблюдения за бегущими парнями один из принцев.

Окинула взглядом стоящего рядом фенира, что сейчас был похож на взъерошенного мокрого рыжего птенчика, и улыбнулась. И, правда, подрос. И как я не заметила? А вот цербер совершенно не изменился.

«Это все потому, что ты его имя не назвала. И покормить забыла», — напомнил мне, прячущийся под воротником моей формы, урмиус. Хорошо ему. Тепло и на голову ничего не капает.

Виновато улыбнулась своему трехголовому псу, мысленно прося прощения и обещая исправиться при первой же возможности.

— Немного, — ответила застывшему в ожидании парню, посылая добрую улыбку. — Не знаете, почему не все присутствуют на тренировке?

— Так ночью такое произошло.... Такое..., — возбужденно начали парни, перебивая друг друга. — Ты разве не слышал?

— Нет, — растерянно бросила я, чувствуя, как в сердце прокрадывается беспокойство за отсутствующую Фокси. Неужели разоблачили?

— Ну, во-первых, на Выборе был один неучтенный кандидат, — заявил стоявший ко мне ближе принц. — И теперь ректор с магистрами не могут решить, кто это был и как он вообще пробрался в Академию. Тут же защита... Ого-го... Такая..., — парень восторженно взмахнул руками, собираясь рассказать о защите.

Заметив приближающегося к нам куратора, невежливо перебила:

— А во-вторых?

— Что? — переспросил потерявший мысль принц.

— Ты сказал, во-первых. А во-вторых?

— Во-вторых..., — серьезно кивнув, вернулся к интересующей меня теме парень.

— Номер семнадцать, вижу, вы не устали на пробежке? — перебил его Дунодон, всем своим видом выражая готовность добавить нам для проформы еще круг-другой.

— Нет, куратор, — с готовностью возразил принц.

— Нет - не устали, или нет - устали?

— Нет, куратор, — парень окинул нас беспомощным взглядом и неуверенно добавил: — Нет, не видите.

— Не вижу? — рыжие брови куратора возмущенно взлетели ввысь и изогнулись в причудливую букву «зю».

— То есть да, куратор, — ответил совсем запутавшийся парень и, отчаявшись, пояснил: — Да, вы видите. И да, я устал на пробежке.

Дунодон хотел что-то сказать, но неожиданная помощь пришла оттуда, откуда не ждали. Прозвенел звонок и усиленный магией голос ректора попросил собрататься всех у источника через десять минут.

— Группа zero свободны, — оповестил всех Дунодон, останавливая тренировку.

** Сэм Макбратни. «Знаешь, как я тебя люблю?»*

У источника было шумно. И многолюдно. И как-то отчаянно тоскливо. С удивлением наблюдала за тем, как собирается большая толпа. Я и предположить не могла, что в этом мире, в котором то и государств чуть больше пары десятков может быть столько принцев. Сотня не менее. Ну, пусть у каждого принца по два-три побратима или зеркальных, как их тут называют. Но все равно их всех тут странно много. Особенно, учитывая, что разброс между старшим курсом и младшим всего лет пять. Неужели королевские семьи так многочисленны?

Все эти мысли проносились в голове, пока я, озадаченно оглядывая толпу, выискивала знакомые лица. Трея, например. Которого с самого утра не могла дозваться...

Появление ректора для меня стало неожиданностью. Он словно материализовался из воздуха. И тут же, словно по мановению волшебной палочки стихла толпа.

— Вы все знаете о трагедии, постигшей наш мир несколько столетий назад, приведшей к тому, что на независимой территории была создана академия Корвернок. Военная академия, обучаться в которой могли юноши из королевских династий. Без угрозы для их жизни. Этой ночью безопасность академии была поставлена под вопрос.

Ректор замолчал, давая нам осмыслить сказанное, а спустя несколько секунд, перекрывая возбужденные шепотки, продолжил:

— Кроме того, вчера Выбор прошел маг, личность которого нам установить не удалось. Единственное, что мы узнали — он принадлежит к роду Геджавир...

И вновь затих, давая возможность принцам обсудить сказанное. А судя по доносящимся возгласам, обсудить им было что. Им, в отличие от меня, слетевшее имя рода что-то да говорило.

— ... один из проклятых...

— Неужели на землях Фашиде, кто-то выжил?

— И что теперь будет?

— Демоны снова нападут?

Долетали до меня полные тревоги вопросы, перекрываемые одним постепенно набирающим гулом.

— Война, — звучало в этом гуле. Кто-то произносил это слово с предвкушением, кто-то с нарастающим страхом, а кто-то кидал так равнодушно, словно в этом мире война была чем-то таким же обыденным, как на Земле стычка сорванцов на соседней улице.

— Тихо, — прервал этот нарастающий гул ректор. — Пока ничего страшного не случилось. Правители уже собрали Совет и послали запрос Предтечам.

— Нас отправят домой? — выкрикнул кто-то.

— Нет. Все вы останетесь в академии. Мы усилили защиту. К тому же есть вероятность, что Геджавир еще в Корверноке, поэтому все вы после собрания пройдете проверку на родовую принадлежность.

— Но так вы нарушите одно из незыблемых правил академии, — перебил Селлирана Чандеела державшийся в стороне парень.

— Чем-то приходится жертвовать, — пожал плечами ректор, словно это решение и ему далось нелегко.

И я могла это понять. Если вспомнить, что говорил Трей, то тайна принадлежности к

королевской династии один из основополагающих принципов обучения. Мало ли какому королю посредством рук побратимов своего наследника захочется уничтожить наследника другого королевства. Вот всего четверть века назад же было что-то похожее. И пусть заговор не удался, а заказчика так и не нашли, но шуму наделал.

— Вы не можете так с нами поступить, — возразил все тот же парень.

— Мы согласовали этот вопрос с Правящими и пришли к выводу, что это единственная возможность найти злоумышленника, — ректор поднял руку вверх, прерывая новый поток обсуждений и возражений. — Кроме того, мы обнаружили, что вчера в Источнике кто-то позаимствовал амулет Искажения. Советую вернуть его немедленно.

Отвлечшись от ректора, я вдруг заметила прячущуюся в темном углу Фокси. Она странно дергалась и выглядела испуганно. Медленно стала пробираться к ней через толпу.

— Почему нет старшего курса? — спросил кто-то.

Я остановилась, замерев в ожидании ответа.

— На рассвете они с магистрами отправились на границу Фашиде.

Сердце замедлило свой бег и, ухнув, сорвалось вниз. О Фашиде от Трея я слышала только раз. Вроде после случившегося там никто не живет. Никто не в силах совладать с вышедшими из-под контроля вулканами и пустынными бурями. А вот демоны могли. Точнее правящая династия. Полностью уничтоженная в Черной войне. И, кажется, Геджавир их родовое имя. Но я могу ошибаться. Нужно срочно попасть в библиотеку, а пока добраться до Фокси.

— Это я..., — стоило мне оказаться поблизости, ошарашила меня подруга, пряча виноватые глаза.

— Что ты?

— Я взяла артефакт, — испуганно озираясь по сторонам, прошептала мне в самое ухо подруга.

— Зачем? — удивилась я.

— Он..., — замялась девушка, а спустя миг продолжила: — попросил....

И такое это «он» было многозначительное, словно я только по фразе должна понять кто именно он. Но брошенный Фокси взгляд уставился в спину Громилы и я присвистнула.

— И где он? Нужно срочно вернуть его на место.

— Пропал, — обреченно выпалила подруга, разводя руками.

А я пыталась понять, как Фокси угораздило попасть в такой переплет. С каких пор она общается с Громилой и его компанией? Почему слепо выполнила его «просьбу»? Что теперь делать? Где искать амулет? Как стереть магический след Фокси, чтобы ее не узнали? И вообще чем я могу ей помочь?

— ...если к вечеру амулет не вернется на законное место. Все без исключения пройдут допрос в кольце правды, — долетел до меня голос отвечающего кому-то ректора.

Передернула плечами. Да.... Попала ты, Белочка. Чую откроется скоро твоя главная тайна. И тогда в ссылку к деду и замуж...

И никакой учебы. А главное никакой магии.

— Рассказывай! — шепотом потребовала, за руку оттащив подругу в сторонку. — А, нет, лучше молчи, — вспомнив про допрос, попыталась было предупредить я Фокси.

Но та, сдвувшись подобно лопнувшему воздушному шарiku, просто не могла молчать:

— Я не помню.... Я совершенно ничего не помню. Это так страшно, — беспомощно, едва сдерживая рыдания, пробормотала принцесса. — Попрощалась с тобой. Пришла в свою комнату. Легла спать и все... Дальше все смутно, как в тумане побывала.

— Тогда с чего ты взяла, что амулет Искажения взяла ты?

— Я помню, что шла. А потом каким-то чудом очутилась у Источника. Помню, как коснулась амулета. Он такой красивый. Я не могла удержаться. Надела его себе на шею. Хотела примерить..., — Фокси растерянно посмотрела на меня, ища поддержки или одобрения. Я в ответ чуть приподняла уголки губ — девочки такие девочки, как красивая цацка, так обязательно нужно примерить и полюбоваться.

— Там было какое-то зеркало. Я в него посмотрелась. И...

— Фокс, давай без этих драматических пауз, — настороженно озираясь по сторонам, попросила я. — Мы и так уже привлекли достаточно внимания.

На нас и правда, поглядывали. Адепты кидали заинтересованные взгляды. Преподаватели тоже нет-нет, да и сканировали нас своими глазами-рентгенами, что казалось, видели нас насквозь. И это изучающее любопытство не сулило нам ничего хорошего.

— Да нет никаких пауз. Посмотрелась и сразу проснулась, проспав тренировку. Я решила, что мне все это приснилось, но потом заметила следы на белье. Я точно где-то ходила ночью. А тут еще и амулет пропал. Я его до этого только на картинке видела в каталоге редкостей. Но в моем сне он был не совсем, такой как на картинке. Не могла же я придумать это все? — и снова беспомощный взгляд человека не способного поверить самому себе.

— А раньше с тобой такое было?

— Какое?

— Ты ходила во сне? — переспросила я, чувствуя, что мое почти ангельское терпение испаряется как роса на солнце.

— Нет, конечно, — фыркнула принцесса, и посмотрела высокомерно с толикой укоризны, словно я ее не про лунатизм спрашиваю, а заподозрила в чем-то низком. — Я же не сумасшедшая.

— Ну, про сумасшествие речи не шло. Но люди бывает, ходят и говорят во сне. Особенно после стресса... эмоционально насыщенного дня. А день вчера был еще тот.

Фокси снова сдулась, исчезла бравада, яростно пылающие глаза потухли.

— Не было со мной раньше такого никогда.

— А ментальный щит у тебя стоит?

— Конечно. Как и у любого принца. Менталисты ведь самые страшные маги. Это только, кажется, что они мысли читают и все. Во времена моей прабабки один менталист втянул в многолетнюю войну все королевства.

— Войну?

— Да. Черная война, про которую говорил ректор, — пояснила девушка, наградив меня удивленно-подозрительным взглядом.

— Фокс, а почему ты сказала: «Он попросил?», — увела я разговор от истории мира. Не хотелось демонстрировать свое полное незнание в данном вопросе.

— Я такое говорила? — глаза принцессы стали как блюдца и столько искреннего изумления было в ее голосе, что я опешила.

— Да. Ты сказала: «Я взяла артефакт». На мой вопрос зачем, ответила: «Он попросил»

и посмотрела в спину Громиле.

— Не помню, — сокрушенно покачала головой Фокси. — Что со мной творится, Иззи?

— Тебе нужно к целителю, — отпустив ее руку, я обернулась в поисках ближайшего преподавателя.

— Нет. Нельзя. Они узнают мою тайну и отправят домой. И это еще не самое страшное. Если они узнают, что это я взяла амулет..., — принцесса умоляюще посмотрела на меня. — Не говори никому. Нельзя, чтобы они догадались.

— Фокси, все тайны рано или поздно раскрываются.

— Тогда я скажу, что ты, тоже дев..., — в отчаянии запальчиво воскликнула она, но уже через миг под моим взглядом стушеввалась: — Прости, я никому не скажу. Но...

Я вздохнула. Меня накрыло чувством безнадежности и ощущением растерянности, сродни тому, что испытывает человек, стоя на краю обрыва и глядя, как другой срывается в пропасть.

— Некоторые тайны лучше открывать, подготовив для этого почву, — сама себе не веря, тихо проговорила я. Никогда не понимала этих игр в шпионов, считая, что самое страшное лучше сообщать в первую очередь. В конце концов, тайное все равно станет явным в самый неподходящий момент.

— Ты мне поможешь? — спросила подруга, и столько надежды было в ее голосе, что я сдалась.

Кивнула медленно, составляя в голове план дальнейших действий.

— Нужно будет осмотреть твою комнату. И источник. Но пока нужно пройти проверку. Ты главное, когда будешь отвечать, верь в то, что говоришь, — вспомнив о том, что у каждого своя правда, предупредила принцессу. — И не лги. Отвечай точно на вопросы, но старайся говорить правдиво.

— Спасибо, — поблагодарила Фокси.

Я передернула плечами.

— Не за что.

— Спасибо, за то, что поверила мне и помогаешь.

Я улыбнулась и пусть улыбка вышла немного грустной и натянутой, но от нее мне стало немного легче.

— Мы во всем разберемся, — заговорщицки прошептала я, подмигивая левым глазом.

Любопытство, щедро сдобренное нетерпением, жгло изнутри. Это была загадка и вызов.

— Кстати, раз мы у источника, может, осмотрим место происшествия?

— Что вы собрались осматривать, номер пять? — раздалось так громко и неожиданно, что я подпрыгнула.

Все взгляды скрестились на нас с Фокси. Застонала, мысленно коря себя за беспечность. Что еще успел услышать магистр Ироам? И как теперь быть?

— Место, где хранился амулет искажений, — медленно, чуть растягивая слова, ответила я на заданный вопрос.

— И вы знаете, где оно? — вкрадчиво поинтересовался магистр, заглядывая мне в глаза.

Осмотрелась. Пытаясь приметить, хоть что-то выдающее это самое место, но никаких следов не обнаружила. Только в одном месте за спиной ректора виднелся краешек зеркала. Мой взгляд зацепился за этот уголок, отмечая, что чего-то не хватает. Нет, все было почти, как и вчера, пусть я и бросила беглый взгляд, но подмечать мелочи было нашей с отцом любимой игрой. Каждый раз, когда мы шли гулять, он ошарашивал меня вопросами: какого

цвета машина проехала слева, брюнет или блондин прошел справа, что лежало на пятом столике кафе, мимо которого мы прошли. И я с удовольствием отвечала, а он дополнял упущенные мной мелочи, пока я не стала запоминать больше.

Видимо мой взгляд задержался сильно долго на этом самом месте, потому что следующим я услышала ошеломительное:

— Ректор, у нас есть первый подозреваемый. Номер пять, следуйте за мной.

Безотчетно, я потянулась к тому, в ком всегда искала поддержку. Усиленное страхом беспокойство сделало свое дело, и я достучалась.

«Белочка?» — и столько удивления было в этом самом отклике Трея, что я немного опешила.

«С тобой все в порядке? — поинтересовалась, выделяя проскальзывающую в тоне брата запыханность, так словно я позвонила в неурочный час посреди тренировки или пылкого свидания. — Я тебя не отвлекаю?»

Меня ошпарило его эмоциями: досада, гнев, раздражение, тревога, злость. Мое желание пообщаться настолько несвоевременно, что вызывает столько недовольства? Ощущение одиночества вмиг затопило сердце и схлынуло, стоило услышать ответ:

«Разве, что совсем чуть-чуть».

А перед глазами возникает четкая картинка: Трей отражает атаку какой-то невиданной мной раньше огромной твари. Задевает, всаживая меч по рукоять между защитными пластинами. Довольный собой и ослепленный успехом он не видит, как ранее отсеченная конечность этой самой твари тянется к нему со спины.

«Сзади!» — ору я, не надеясь, что он услышит, поймет и правильно среагирует. Но отточенные годами инстинкты срабатывают безотказно, и как в замедленной съемке я вижу стремительный разворот Трея вокруг своей оси, поднятую вверх руку в защитном жесте и отблеск вытщенного из сапога кинжала. Секунда... И заговоренное оружие отражает атаку, не оставляя твари шансов.

«Спасибо, сестренка», — благодарит брат, одаривая меня белозубой улыбкой.

Улыбаюсь в ответ:

«Обращайся».

Струйка моей силы тянется к нему, вливается, насыщая. Я вдруг понимаю, что магический резерв Трея пуст, и моя магия стремится восполнить этот дисбаланс, так словно мы два сосуда соединенные между собой и ни один из нас не может оставаться пустым, если другой полон.

«Будь осторожен», — прошу я, разрывая связь.

Не хочу вешать на сражающегося брата мои проблемы. У него и своих монстров хватает. А это мой бой, и я сама со всем справлюсь и разберусь.

Миновав еще один небольшой коридор, замешкалась перед открытой дверью. Беззастенчиво пожав плечами, широко улыбнулась в ответ на задумчиво-проницательный взгляд застывшего возле двери магистра Ироама. Натянув маску невозмутимости на лицо, переступила через порог.

Кольцо правды действительно оказалось кольцом, ничем не примечательным, немного похожим на выбитую в каменном полу посередине огромной залы пентаграмму. Метра полтора в диаметре не больше.

Стоило мне шагнуть в него, как я оказалась зажата в тиски силы. Ни боли, ни какого-то особого дискомфорта я не ощущала. Зато было ощущение лифта, уносящегося вверх, когда силой созданного этим движением ветра тебя вжимает в поручни. И ты понимаешь, что вроде бы на тебя ничего не давит, но преодолеть эту невидимую преграду будет невозможно.

— Ваше имя, номер пять? — звучит первый вопрос.

И я теряюсь. Во-первых, я не вижу спрашивавшего. Во-вторых, это довольно неожиданно. А в-третьих... Какое из имен они имеют в виду? У меня их так много и все мои. Изабелла Фетисова? Имя, данное мне отцом в другом мире, пусть оно и не истинное, но все же мое — я никогда не откажусь от него. Ибьяндора арх СКайдемантл — истинное имя данное мне родителями еще до рождения? Но оно непривычно мне и незнакомо, хотя и от него я отказаться не могу. Трей объяснял мне, но я так до конца и не разобралась, как можно назвать того, кого еще нет и почему посвящать кого-то в тайны этого имени опасно. Изигардом арх СКайдемантл? Изъябелиндора арх Фетис? Или Изигард Шиэллос — имя, которым я числюсь в академии? Все мои. Так какое назвать?

— Изигард Шиэллос, — выпаливаю я последний вариант, и меня окружает непроницаемой тьмой.

— Ложь! — грозно и требовательно укоряет вопрошающий и звучит это так, что не переживи я сотню-другую стычек на ковре у директора пансиона непременно бы покалась и слезливо заверила б что больше так не буду.

Вскидываю глаза, надеясь отыскать допрашивающего меня магистра. Голос мне незнаком, так хоть полюбуюсь.

— И, тем не менее, это единственное имя, которое вы от меня услышите, — словно со стороны слышу я свой голос, а дальше произношу то, о чем даже не подозревала: — Свод Изрияна в целях безопасности и сохранения династий не предусматривает открытия истинного имени сторонним особам. Только с разрешения предтеч. У вас есть такое разрешение?

И если в начале этой пламенной речи я удивлена, то с каждым вырвавшимся из уст словом все четче осознаю присутствие брата.

«Трей, не мешай! Я и сама справлюсь!», — возмущаюсь я этим бесцеремонным вторжением. Это если он за меня говорить может, то, что дальше? Будет руками и ногами шевелить? А потом и вовсе тело займет? Мысль кажется абсурдной, дикой и пугающей.

«Ты первая начала!» — без грамма раскаяния отрезает брат.

Но подумать над этим категоричным утверждением не дает следующий вопрос:

— Что вы делали после выбора?

— Оправился в свою комнату.

— Один?

— Нет.

— Кто вас сопровождал?

Перечисляю имена, вспоминая, кто был со мной возле дверей.

«Развлекайся, сестренка. Не буду мешать. Да и у меня тут дельце нарисовалось», — усмехнулся Трей, где-то в середине перечисления и исчез из моей головы.

— Это все?

— Все, — и снова стены вспыхивают черным.

— Ложь! — шипит допросчик.

Пожимаю плечами, исправляя формулировку:

— Если не считать магических существ, то это все.

— Магики? Кого именно?

— Фенира и цербера, — совершенно правдиво отвечаю я.

— Ах, вы тот самый....

И потекли бесконечные вопросы, перескакивающие с одного на другое. Иногда

неожиданные, иногда удивительно предсказуемые. Не представившийся магистр с дотошным интересом ковырял все, что произошло вчера, выкручивая мной сказанное так, что впору было расплакаться. Или расхохотаться... Особенно, когда речь дошла до происшествия в душе.

— Вы приняли душ и отправились спать? — доверительным тоном, поощряя меня к откровенности, поинтересовался магистр.

— Да, — ответила я, думая, что такое незначительное событие как моя истерика к делу не имеет никакого отношения и вряд ли стоит упоминания.

Но черный дым взвился по сторонам, хмыкнула, признаваясь в том, в чем парни обычно даже под пытками не сознаются, мне же было все равно:

— Я немного порыдал перед сном.

Дым не исчез, все также клубился черными тучами, окутывая меня тьмой, и я, недовольно поморщившись, продолжила:

— Если быть точнее закатил истерику.

— По поводу?

Ох, и тут допросчики не знакомы с деликатностью, так и норовят грязными сапогами в душу влезть.

— День был сложный, — пожалала плечами я, снизойдя до привычной отговорки, и черный дым окутал меня вновь — кольцо правды оказалось максималистом.

— Правду! — коротко потребовал магистр.

— Вспомнил отца, — дым посветлел, и я облегчено выдохнула.

Но следующий вопрос буквально выбил меня из колеи:

— И с вами никого не было?

— В моей комнате? В душе? Ваши намеки оскорбительны, магистр! — сверкнула глазами так грозно, что умей я убивать взглядом, он бы уже упал сраженный насмерть: — Формулируйте вопросы корректней, не забывайте про Свод.

Жаль, полного названия этого самого Свода вспомнить сразу не смогла, и звучало это в итоге не так угрожающе, как тогда, когда через меня вещал Трей. Да и четкой уверенности в том, что эти вопросы как-то регламентируются этим самым Сводом, у меня не было. Поэтому действовала по наитию и однажды слышанной от Трея фразе: «Пусть только попробует. За оскорбление принца полагается смертная казнь». Кажется, тогда мой брат украл на кухне все пироги, заготовленные для званого обеда, и раздал их детишкам-попрошайкам у ворот, чем и заслужил хороший нагоняй от наставника. Хотя этот магистр тоже может оказаться принцем, а, значит, мы с ним равны по привилегированности.

Чуть не застонала с досады.

— Сразу после истерики вы отправились спать? — тем временем, скрипнув от недовольства зубами, переформулировал вопрос магистр.

— Да. И уснул без задних ног, — обрадовалась я тому, что скользкий момент мы все же миновали, вылавировав почти без потерь.

Потому что, чем больше я отвечала, тем сильнее во мне крепла уверенность — про приход Джана не должен узнать никто. Ни братец, который сначала набьет принцу физиономию, а потом поржет. Ни преподаватели, которые непонятно как могут трактовать услышанное. Ни другие адепты — этим только дай повод для сплетен. Да, и самой мне делиться этой тайной ни с кем не хотелось. Это было сугубо моё, личное.

— Каких ног? — переспросил дознаватель.

Кажется, я в очередной раз прокололась.

— Тех, которыми вы ходите.

— А почему они задние?

— Ну, не передние же? — переспросила я, лихорадочно пытаюсь выпутаться. —

Вопросы по существу будут или я могу вернуться к занятиям?

— Что вы знаете про амулет Искажения?

— Ничего, — ответила, разводя руками, а дым... Он остался прозрачным.

— Можете идти, — милостиво отпустил меня невидимый дознаватель, и я уже сделала шаг из круга: — Хотя нет, подождите, — окликнул он меня и замолчал, выдерживая трагическую паузу. — Вы безошибочно отыскиали место, где был амулет. Вы видели его раньше?

— Нет.

— Тогда как вам это удалось?

И тут я растерялась. Потому что совсем не представляла, что на это ответить. И еще меньше понимала, как своим ответом не выдать себя или Фокси.

Драгоценные секунды утекали. Сердце отчаянно колотилось в груди, тревожным набатом отсчитывая удары. Что сказать? Интуиция? А что тут знают про нее? Предчувствие? Могут решить, что это мой не выявленный дар и тогда.... Не знаю, что тогда, но покинуть это место хотелось как можно скорее. Сказать, что почувствовала пустоту? Признаться в своей наблюдательности? А вдруг спросят, откуда она у меня? Смогу ли я ускользнуть от допросов, не выдав своих тайн?

Я беспомощно хлопала глазами, уставившись в темное пятнышко на полу, перебирая и просчитывая варианты. Мне казалось, что я размышляю слишком долго, так много умозаключений и логических цепочек из вопросов и ответов выстроилось в моей голове, но сердце отбило второй удар. Третий...

— Я заметил небольшое отличие в том месте, — начала было я, понимая, что дальше тянуть нечего.

«Молчи! Амулет был невидим!» — предостерегающе прозвенел чей-то голос в голове.

— Что за отличие? — с легким придыханием спросил невидимый дознаватель.

— Пыль...

— Что? — он явно не ожидал услышать такой ответ.

— Пыль лежала неровным слоем, — уже увереннее произнесла я.

«Что ты мелешь? — крайне невежливо возмутился вторгшийся в мою голову незнакомец. — Тут на каждом углу бытовые самоочищающиеся артефакты. Пыли просто нет».

Упс.

— Вы же понимаете, — нагнав доверительности в свой тон, словно вопрошающий мой партнер в тайном заговоре, продолжила я: — пылинки тут, волосок там — ну и мерзость, — скорчила брезгливую физиономию заносчивого принца. Не знаю, что вышло, но я старалась.

— Но там не было пылинок! И тем более волосков!

— Вот, — я даже подняла указательный палец в привычном земном жесте. — Разве это не удивительно?

Повисла гнетущая тишина. Сгустилась, превращаясь в молочный коктейль томительного ожидания. Сердце гулко отсчитывало тревожные удары, пока громкий голос не произнес отрывисто:

— Идите!

Сделала шаг на негнущихся ногах. Почему-то именно от этого короткого «Идите!» стало страшно до дрожи. Или это последствия отката?

Еще один шаг. Ноги не слушались. Страх нарастал, перерастая в ужас. В груди звенела холодящая душу пустота, словно кто-то протянул руку и вырвал кусочек сердца. Потянул, выдергивая всю кровеносную систему. Больно. Невыносимо больно.

Шею кольнуло чем-то острым. Болезненные ощущения схлынули, притупились, словно все это происходило не со мной.

— Что с вами? — долетело глухо, как сквозь вату.

Сфокусировать зрение и увидеть того, кто спрашивает, никак не удавалось. Пошатнулась и непременно упала бы, но рядом буквально из пустоты материализовался незнакомец в черном плаще, подхватил, удерживая от падения, встревоженно всматриваясь в меня черными, как беззвездная ночь, глазами.

— Я тебя знаю, — сорвалось с языка прежде, чем я успела сдержать нечаянно признание.

Меня просверлили пристальным изучающим взглядом. Захотелось покаяться в том, что когда-то намазала парня в лагере зеленкой, отравила кашу гутталаксом и насыпала перца в трусы своему первому кавалеру.

— Командор! — громкий окрик выдернул меня из пустоты, в которую я уплывала: — Что с номером пять?

Ощутила себя на руках. Твердые мышцы обжигали через ткань и ощутимо напряглись в районе моих коленок и спины. Голова безвольно болталась. Меня куда-то несли. Возле искусанного уха что-то копошилось, издавая писклявые стрекочущие звуки.

— Где его магики?

— У источника.

— Позовите целителя. Срочно!

Странное тепло окутало меня, обволокло, пряча в защитный кокон, возвращая здравые мысли. Закрыла глаза, сдерживая рыдания, осознавая произошедшее.

— Целитель занят. Разведотряд попал в засаду, вернулось всего трое. Еле живыми.

Застонала, точно зная, что Трея среди них нет.

Он остался где-то там. Туда рвалось мое сердце, и утекала магия. Но этот мужчина перекрыл нашу связь, пережал соединяющую нас невидимую пуповину. И именно сейчас, когда брату так нужна моя помощь. Ненавижу!

В меня вдруг полились потоки уже знакомой мне магии. Попыталась открыть глаза, но удалось лишь немного приподнять налитые тяжестью веки. В раскрытую ладонь толкнулся влажный нос.

— Ты здесь, Эрик, — едва дрогнув уголками губ, улыбнулась своему трехголовому церберу.

«Какое человеческое имя», — промелькнувшая мысль была последней.

Шенрайзен арх Танэлас

Командор замер на секунду в коридоре, удивляясь своему поведению. Носить адептов ему еще не приходилось. А ведь дело поначалу показалось не стоящим его внимания и времени. Просто нужно было немного отвлечься и развеяться, поэтому предложение бывшего наставника сбить спесь с нынешних адептов он рассматривал как развлечение. Да, и помочь хотелось, а с его даром видеть истину ему даже кольцо правды нужно не было. Вот и согласился на эту авантюру — найти амулет искажений.

И тут первый же подозреваемый — хилый и при этом до невозможности наглый, дерзкий, постоянно увиливающий, еще и решивший, что может с ним играть. И дело из разряда безразличных перешло в личные. Ему бросили вызов. От него посмели скрывать правду. От него! От того, кто не зря носит прозвище Призор.

Командор усмехнулся. Мальчишка явно не знает, с кем связался. Ну, ничего он ему быстро все объяснит. Времени будет предостаточно.

— Командор! — громкий окрик наставника, вынудил остановиться: — Что с номером пять?

— Где его магии?

— У источника.

— Позовите целителя. Срочно! — отдал распоряжение рыжему парню, нерешительно задержавшемуся у входа.

— Целитель занят. Разведотряд попал в засаду, вернулось всего трое. Еле живыми.

Переглянулся настороженно с наставником. Происходящее нравилось все меньше и меньше. Слишком много совпадений.

— Ступай, Дунодон, — отпустил ректор парня.

Командор опустил тело парнишки на диван. Совсем еще мальчишка, а гонора... Чувствуя, как словно в бездонный колодец, утекает из адепта энергия (еще немного и выгорит дотла), опустив щиты, влил немного своей силы.

— Кто он? — сорвался с уст бесполезный вопрос, когда и его поток силы канул в небытие. А его самого опалило странным чувством узнавания. Того самого, что бывает при магическом резонансе.

Ректор покачал головой. Даже он не всегда знал, кто прячется за той или иной иллюзией. Все ради безопасности мира. Мира, держащегося на силе нескольких династических родов. Об этом мало, кто знал. И еще меньше помнили, кто такие Предтечи.

Стремительно влетевшие в комнату фенир и цербер тут же облепили безжизненное тело. Поток энергии возрос, а потом все внезапно оборвалось, поглотив половину резерва командора и почти полностью опустошив магигов.

Командор вскинул бровь и обратил взгляд, в котором застыл вопрос к ректору.

— И об этом тоже я хотел переговорить с тобой, Шен, — устало заметил наставник. — Неладное творится в Корверноке. Мало того, что в этом отборочном туре аж две девицы, так еще и Геджавир.

Шен усмехнулся. Девицы в Корверноке учились еще в бытность его прадеда. Пусть никто и никогда в этом не признается даже под пытками. Но женскую энергию сложно спутать, особенно когда возникает магический резонанс у чуть ли не половины адептов и

магистров. Из-за чего последние и носят специально разработанные амулеты. Хорошо, что адепты в силу юности не сильно в этом разбирались, а магистрам не нужны проблемы с неискушенными глупышками. Да, и девушки сдавались еще на нулевом этапе. Те же, кто уцелел и пережил первое полугодие обучения, уходили после первой же практики в болотах Изерхилла. Лишь единожды в истории Корвернока девушка окончила полный курс вместе с парнями и вошла в круг знающих тайну. И даже прошла дальнейшее обучение став одной из Высших.

— Что будешь делать, Селл?

— Доложу совету Высших, — ответил ректор, посматривая на тело на диване.

— Он спит, — усмехнулся командор, отмечая обеспокоенность наставника.

— Еще одна загадка. Как ему удалось прихватить двух магиков и фамильяра?

— Есть идеи?

— Только, если он вдруг окажется ею. Сам же знаешь, что девушки магически сильнее мужчин, — хмыкнул ректор, — и в отличие от нас не нуждаются в проводнике.

Командор кивнул. Это было проблемой всех архов. В совет Высших могли войти только обретшие проводника, только благодаря ей раскрывалась сила полностью. Дар это или проклятие их расы никто не знал. Но так повелось еще в мире их прародителей, из которого они когда-то пришли, заключив сделку со здешними богами. Тридцать три израненных, истекающих кровью арха — вот и все что осталось от некогда могучей расы. Мужчин, утративших самое дорогое, что у них было — своих женщин. Но новый мир в обмен на защиту пообещал не только дом, но и возможность продолжить род, выбрав подходящего проводника. Богатые и сильные они быстро прибрали в свои руки власть, создав тридцать три королевских династии. И проводники потекли во дворцы рекой — многим женщинам хотелось легкой обеспеченной жизни, а им так хотелось воскресить расу....

Все шло отлично, пока не взбунтовалась дочь Никара — Никтия, откликнувшаяся на мольбы потерявшей ребенка матери. Дневники современников не донесли до них, что именно произошло тогда. Одни уверяли, что девица обезумела от горя, когда ее ребенок умер в утробе, не получив достаточно силы от родителя. Другие утверждали, что она обезумела от ревности, когда застучала своего избранника с очередным проводником. Третьи, что король забрал ее от горячо любимого мужа и насильно сделал своей, заставляя выносить наследника. Как бы там ни было, но сгорая в огне она воззвала к Никтии, насылая проклятие на всю расу архов и их род до десятого колена. Никтия вмешалась и принялась наблюдать за архами, что словно и не заметили смерть девушки. А когда выяснилось, что девушка была не одна и творимое бесчинство это обыденность, преисполнилась ярости. В гневе она ограничила возможность девушек иметь детей одним единственным избранником. Да, и наследникам силы архов запретила вступать в связи с другими проводниками — одна единственная выбиралась теперь в партнеры на всю жизнь. Род, навлекший гнев Никтии, так и угас на корню, не оставив потомков.

И сразу они ощутили, насколько сложнее удерживать баланс в мире, защищая его от внешних зол, лишившись одного из своих. Тогда и создали они совет Высших, а прародители связали свои души, вызвав Предтеч. И сотворили Корвернок — академию, что лишает зазнайства и приоткрывает тайны рождения достойным.

В первые годы обучение проходили все без исключения. Принцы и принцессы учились вместе, постигали силу. Тогда-то они и узнали, что пусть физически мужчины и сильнее, но магически женщины намного их превосходят. И магики, симбионты с изнанки этого мира,

охотнее откликаются на женскую энергию.

Но вот дальше женщины не стремились. Выходили замуж, рожали детей, а их магии таяли лишённые магической поддержки и развития. И очередной совет Высших принял решение - запретить женщинам учиться магии и проходить Выбор. Те и не возражали, послушно склонив головы, занялись домашними делами и детьми.

Командор дернул кулон, разрывая тонкую цепочку. Иллюзия на миг подернулась дымкой, дрожь пробежала по лицу парнишки, безмятежно спящего на диване, но черты лица остались теми же.

— У него урмиус, Шен. Он маг иллюзий, — прокомментировал его действия ректор.

— Но он совсем без сил.

Селл развел руками:

— Либо это его лицо, либо сил у него еще достаточно. Лучше скажи, что будем делать с пропавшим разведотрядом?

— Я уже распорядился. Их ищут. Но что-то говорит мне, что это бесполезно. Пришло время расплаты и нам пора исполнить то, что обещали Предтечи. Иначе повторится произошедшее двадцать лет назад.

— Тогда только чудом уцелел род СКсайдемантл.

— И Геджавир, — добавил командор.

Ректор согласно кивнул. То, что род Геджавир выжил, хорошо. То, что его потомок был на Выборе и обрел магику, просто отлично. Но что у него в голове и предположить страшно. Вдруг наследник решится мстить? И они вместо союзника в борьбе с внешним злом обретут еще одного противника? Как же они ошиблись тогда, решив, что Геджавир их предал. Лишь спустя годы Шен доискался до правды и обелил имя рода перед советом Высших.

— Не знаешь, кто из детей это может быть?

Селлиран арх Чандеел покачал головой:

— У Арлестзена было трое детей. Старшая дочь Лаузаеда, ей было лет одиннадцать. И сыновья Бенэмет и Джартверзин — восьми и пяти лет.

— Было бы хорошо, если бы выжили все, — заметил командор.

— Хорошо, но маловероятно. В любом случае, у наследников есть повод для мести — это совет Высших по обвинению СКсайдемантла приговорил к смерти их отца.

— Трей был в отряде?

Ректор кивнул. Командор уже давно положил глаз на перспективного парня, надеясь после обучения переманить в свой отряд. И пристально следил за его жизнью. Как, впрочем, и за другими подающими надежды адептами. Теми, что уже через год встанут на защиту мира, удерживая рубежи от проникновений порождений хаоса, а через пару десятилетий займут место в совете Высших.

— Вряд ли это случайно, — буркнул командор, отходя к окну.

— В свете всего этого совет будет настаивать на том, чтобы ваша десятка обзавелась проводниками, — сменил тему ректор.

Шен застонал:

— И почему ты не остановил меня, друг? Мог бы сказать, чем это все обернется. И я бы остался преподавать в академии...

— Думаешь, это легко? — рассмеялся Селл. — Впрочем, могу устроить. Заодно и избежишь поисков проводника.

— А, что это идея. Сошлюсь на поиски амулета и необходимость расследования. Все

лучше, чем бегать на смотрины.

— Ты же знаешь свою пра. Она уже давно жаждет получить наследников.

— Не так уж и давно, — поморщился командор.

— Да.... Всего-то десяток лет, — протянул ректор.

— Семь, — хмыкнув, поправил Шен. — Ей хватило терпения дожидаться, пока я закончу академию.

— Большая разница...

— Тебе то, что переживать, Селл? От тебя проводника никто не потребует.

— Если мои предположения верны, Шен, то проводники понадобятся всем. Особенно сильнейшим. Что-то созревает. И это что-то подобралось совсем близко.

Больше книг на сайте - Knigoed.net